

ВЕРА ТОЛЬЦ

«СОБСТВЕННЫЙ ВОСТОК РОССИИ»

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ
И ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
В ПОЗДНЕИМПЕРСКИЙ
И РАННЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

И С Т О Р И Я Н А У К И

Книга Веры Тольц посвящена деятельности российских востоковедов, которые на рубеже XIX—XX веков выступили с критикой преобладавших в то время подходов к изучению культур Востока. Выводы этих ученых предвосхитили постколониальный подход, ставший особенно влиятельным в западной науке начиная с конца 1970-х годов. В тот период ряд политических, социальных и культурных факторов создали в России условия для необычайно интенсивного диалога между петербургскими востоковедами и представителями меньшинств восточных и южных окраин Российской империи.

VERA TOLZ

«RUSSIA'S OWN ORIENT»

THE POLITICS OF IDENTITY
AND ORIENTAL STUDIES IN THE LATE IMPERIAL
AND EARLY SOVIET PERIODS

OXFORD
UNIVERSITY PRESS

2011

ВЕРА ТОЛЬЦ

«СОБСТВЕННЫЙ
ВОСТОК РОССИИ»

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ
И ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В ПОЗДНЕИМПЕРСКИЙ
И РАННЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

МОСКВА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2013

УДК 323.1(47+57)(091)"188/192"

ББК 63.3(2)53-38г

Т55

Редактор серии К. Иванов

Тольц, В.

Т55 **«Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период / Вера Тольц; перевод с английского. М.: Новое литературное обозрение, 2013. — 336 с.**

ISBN 978-5-4448-0058-4

Книга Веры Тольц посвящена деятельности российских востоковедов, которые на рубеже XIX—XX веков выступили с критикой преобладавших в то время подходов к изучению культур Востока. Выводы этих ученых предвосхитили постколониальный подход, ставший особенно влиятельным в западной науке начиная с конца 1970-х годов. В тот период ряд политических, социальных и культурных факторов создали в России условия для необычайно интенсивного диалога между петербургскими востоковедами и представителями меньшинств восточных и южных окраин Российской империи. Именно в процессе этого диалога были предложены проекты по интеграции меньшинств, оказавшие влияние на политические процессы в России как в преддверии революций 1917 года, так и в первое постреволюционное десятилетие.

УДК 323.1(47+57)(091)"188/192"

ББК 63.3(2)53-38г

Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods

OXFORD PUBLISHING LIMITED

© Vera Tolz, 2011

© ООО «Новое литературное обозрение».

Оформление, 2013

Введение

РОССИЙСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И «ВОСТОЧНЫЙ РЕНЕССАНС» В ЕВРОПЕ НА РУБЕЖЕ XX ВЕКА

Взаимоотношения современной Европы с Востоком¹ прошли через множество стадий, которые включали как страстную увлеченность, так и пренебрежительное отношение к нему. Начиная с XVIII века Европа пережила по меньшей мере два периода «восточного Ренессанса», когда Восток в качестве позитивной модели захватывал воображение европейцев. Первый период связан с эпохой романтизма, второй — с модернизмом². В этот второй период увлечения Европы «восточностью», достигшего своего апогея между 1880-ми и 1920-ми годами, Восток казался европейцам альтернативой их собственным моделям развития

¹ Нужно сразу оговориться, что термин Восток (равно как и Запад) не отражает объективной реальности, а является культурным и политическим конструктом. Более того, исторически он несет определенную, иногда негативную, идеологическую нагрузку. И тем не менее его употребление бывает неизбежным. В англоязычной научной литературе этот термин иногда ставится в кавычки. Полностью осознавая всю проблематичность термина Восток, в этой книге я решила кавычки не употреблять во избежание перегрузки текста типографическими знаками.

² *Schwab R.* The Oriental Renaissance: Europe's Rediscovery of India and the East, 1680–1880. New York: Columbia University Press, 1984; *MacKenzie J.* Orientalism: History, Theory and the Arts. Manchester: Manchester University Press, 1995; *Blakeney W. L.* Modernism and the Ideology of History. Literature, Politics and the Past. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 115–118.

в различных областях — от экономики до искусства³. Поиск корней «европейской цивилизации» на Востоке приобрел в этот период новую силу, подстегивая стремление ученых, художников и писателей к формулировке новых трактовок истории, культуры и религий Востока. В течение обоих «восточных Ренессансов» Восток играл ключевую роль в том, как европейцы воспринимали свою собственную культуру и историю. Поэтому неудивительно, что на второй стадии увлеченности Европы Востоком два народа, формирование национальной идентичности которых проходило особенно нестабильно из-за модернизации, — немцы и русские — предприняли максимально радикальные и весьма многообещающие усилия по переосмыслению того, что означает Восток для Европы⁴.

В этой книге рассматривается восприятие Востока в России в период второго «восточного Ренессанса» в Европе, который также совпал с периодом крайней политической, социальной и экономической неустойчивости России. Начиная с 1880-х годов индустриализация и урбанизация породили масштабные политические и социальные перемены в стране, стимулируя критический пересмотр принятых нормы, ценностей и самовосприятия. Между тем новые политические подходы царского правительства к управлению Российской империей, сочетавшие национализацию или русификацию имперского пространства с использованием западноевропейских колониальных методов управления, с одной стороны, отражали, а с другой — активно воздействовали на меняющееся самовосприятие имперских подданных. Три революции, произошедшие в первые два десятилетия XX века, и Первая мировая война явились суровой проверкой на прочность российского общества. Несмотря на последовавшее за этим крушение царского режима и временную

³ MacKenzie J. Orientalism. P. 330.

⁴ Marchand S. German Orientalism and the Decline of the West // Proceedings of the American Philosophical Society. 2001. Vol. 145. No. 4. P. 465–473; Eadem. German Orientalism in the Age of Empire: Religion, Race, and Scholarship. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

дезинтеграцию имперского государства, эти события высвободили грандиозный творческий потенциал, сделав данный период одним из наиболее ярких в смысле интеллектуального и художественного экспериментаторства.

Различные ученые, писавшие о России периода так называемого Серебряного века (1890-е – 1917 год), отмечают интерес к восточной тематике среди русских художников-авангардистов, пытавшихся найти специфически русский стиль, и о тогдашней моде на восточные культуры и религии среди широких кругов российской элиты – от высокопоставленных правительственных чиновников до литературного бомонда⁵. При этом ученые проглядели исключительно важную роль в формировании восприятия Россией Востока одной специфической группы людей – ученых-востоковедов из Санкт-Петербурга (Петрограда, Ленинграда). Эта книга посвящена анализу их теоретических воззрений и практической деятельности.

Ученые, о которых пойдет речь, утверждали, что они принадлежат к «новой школе востоковедения», которая была основана в 1890-х годах профессором-арабистом факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, бароном Виктором Романовичем Розеном (1849–1908)⁶. В числе учеников Розена были такие известные востоковеды, как Василий Владимирович Бартольд (1869–1930), Николай Яковлевич Марр (1864–1934), Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) и Федор Ипполитович Щербатской (1866–1942). В изучении Средней Азии, Кавказа и «устной живой традиции буддизма» эти ученые стали, говоря словами Эдварда Саида,

⁵ *Sharp J. A. Russian Modernism between East and West: Natalia Goncharova and the Moscow Avant-Garde. Cambridge: Cambridge University Press, 2006; Carlson M. No Religion Higher Than Truth: a History of the Theosophical Movement in Russia, 1875–1922. Princeton: Princeton University Press, 1993. P. 193–194.*

⁶ Утверждение, что Розен основал «новую школу» востоковедения, было озвучено его последователями в год смерти Розена – в 1908 году. См.: *Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. С. 139, 148.*

«героями-основателями, создавшими <...> целые новые области исследований» и научные школы⁷. Являясь связующим звеном между востоковедением дореволюционного и советского периодов, ученики Розена оказывали интеллектуальное и политическое влияние и за пределами академического мира. Они представляли собой разнородную группу, но разделяли целый ряд общих идей, часто приписываемых влиянию их наставника, — идей о том, как следует понимать исследуемые ими народы и общества.

Определенные аспекты творческой деятельности каждого из этих ученых привлекали к себе внимание исследователей российской и советской науки и русской интеллектуальной традиции⁸. При этом, однако, было оставлено без

⁷ *Said E. Orientalism*. London: Routledge, 1978. P. 122.

⁸ В Российской империи и Советском Союзе роль Розена была признана еще в первой половине XX века. См.: Памяти академика В. Р. Розена: статьи и материалы к 40-летию со дня его смерти (1908–1948) / Под ред. И. Ю. Крачковского. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. Но среди иностранных специалистов по истории российской науки имя Розена до недавнего времени не было известно. Например, имя Розена даже не упоминается в: *Frye R. N. Oriental Studies in Russia // Russia and Asia: Essays on the Influence of Russia on the Asian Peoples*. Stanford: Hoover Institution Press, 1972. P. 30–51. Первый подробный анализ деятельности Розена на английском языке: *Tolz V. European, National, and (Anti-)Imperial: The Formation of Academic Oriental Studies in Late Tsarist and Early Soviet Russia // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History*. 2008. Vol. 9. No. 1. P. 53–81. Краткое обсуждение роли Розена см.: *Schimmelpenninck van der O. D. Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*. New Haven: Yale University Press, 2010. P. 186–189. О восприятии трудов Бартольда на Западе см.: *Bregel Y. Barthold and Modern Oriental Studies // International Journal of Middle East Studies*. 1980. Vol. 12. No. 3. P. 385–403. Несколько переводов работ Щербатского на английский язык было переиздано в 1990-х годах. См. также: *Journal of Indian Philosophy*. 1971. Vol. 1. No. 3 (посвящен столетию со дня рождения Щербатского); *De Jong J. W. A Brief History of Buddhist Studies in Europe and America*. Delhi: Sri Satguru Publications, 1987. P. 1, 23, 40, 46–49, 54, 71; *Васильков Я. В. Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф. И. Щербатского // Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации*. Вып. 4. М.: Наука, 1989. С. 178–223. О Марре см.: *Thomas L. L. The Linguistic Theories of N. Ya. Marr*. Berkeley: University of California Press, 1957; *Алнатов В. В. История одного мифа: Марр и марризм*. М.: Наука, 1991; *Slezkine Y. N. Ia. Marr*

внимания, что школа Розена представляет собой особую группу, оказавшую серьезное культурное и политическое влияние как у себя на родине, так и за рубежом. Труды этих ученых о Востоке придали существенный импульс увлечению восточной тематикой в среде российской культурной элиты и оказали влияние на восприятие широкими кругами интеллигенции позднеимперского периода (а также 1920-х годов) России, ее истории и ее культурных традиций. Работами учеников Розена зачитывались российские деятели культуры, пытавшиеся найти «особые пути» развития своей страны. Популярность буддизма и теософии в среде российской элиты периода поздней империи была во многом инспирирована специфической репрезентацией этой религии в работах Щербатского и его последователей⁹. Школа Розена также внесла свой вклад — гораздо больший, чем было принято полагать, — в формирование идеологии Евразийского движения 1920-х годов, которое шокировало воображение широких кругов русской интеллигенции того времени столь отрицательным отношением к Европе и настойчивостью утверждений о глубоком отличии России от Европы¹⁰. Взгляды последователей Розена сказались и на том, как новая советская политическая элита 1920-х годов воспринимала различные этнические группы восточной и южной периферии государства¹¹.

Влияние последователей Розена ощущала на себе не только столичная элита. Эти ученые также оказали

and the National Origins of Soviet Ethnogenetics // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55. No. 4. P. 826–862; *Brandist C.* The Rise of Soviet Sociolinguistics from the Ashes of Völkerpsychologie // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 2006. Vol. 42. No. 3. P. 261–277. Об Ольденбурге см.: *Каганович Б. С.* Сергей Федорович Ольденбург: опыт биографии. СПб.: Феникс, 2006; *Tolz V.* Russian Academicians and the Revolution. Combining Professionalism and Politics. Basingstoke: Macmillan, 1997. P. 108–122.

⁹ *Carlson M.* No Religion Higher Than Truth. P. 193–194.

¹⁰ См. гл. 2.

¹¹ См. гл. 6; как новаторское исследование данного вопроса можно рассматривать: *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005.

формообразующее воздействие и на представителей изучаемых ими восточных и южных национальных меньшинств. Как я показываю в этой книге, первое поколение лидеров с национально ориентированным сознанием некоторых национальных меньшинств Сибири и Кавказа стало проявлять особый интерес к культуре, истории и традициям своих сообществ благодаря их участию в научных проектах петербургских востоковедов. Имело место и обратное воздействие. Розен и его ученики являлись в значительной степени продуктом того интеллектуального и политического окружения, в котором они жили и работали. Среди тех, кто сильно повлиял на взгляды этих ученых, были не только друзья-единомышленники из российской и европейской культурной элиты, но и их коллеги из среды национальных меньшинств. В этой книге показывается, что в начале XX века учеными Российской империи совместно с их коллегами, принадлежавшими к национальным меньшинствам, были созданы представления о различных этнических группах как об особых национальных сообществах и о самой России как о специфическом политическом и культурном пространстве, где не существовало четкой границы между Востоком и Западом.

Члены школы Розена были свидетелями возникновения политики, связанной с вопросом этнической принадлежности, во время революции 1905 года; они также пережили общеевропейскую войну, распад Российской империи и ее восстановление большевиками на основании провозглашенной антиколониальной программы действий. Эти политические события, так же как и отличительные черты Российского имперского государства (являющегося материковой империей без четких границ между метрополией и имперской / колониальной периферией), сподвигли российских ученых сформулировать оригинальные вопросы об отношениях между политической властью и их собственными востоковедческими исследованиями. Их заключения об отношениях между властью и наукой подчас звучат столь актуально, что я предлагаю

рассматривать современный постколониальный подход в науке как преемника российского востоковедения начала XX века.

Все упомянутые здесь ученые — включая таких людей, как Бартольд, который в иных обстоятельствах был бы полностью удовлетворен жизнью «кабинетного ученого», — оказались вовлечены в политику как на общегосударственном, так и на местном уровне. Они стремились концентрировать свое внимание на двух главных областях: попытках государства, предпринимавшихся уже с конца XIX века, достичь более тесной интеграции меньшинств восточных и южных окраин Российской империи в общеимперское сообщество и на том, что сами ученые называли формированием национального самосознания среди различных этнических групп империи. Эти два процесса часто противоречили друг другу; именно в результате попыток преодолеть эти противоречия учеными школы Розена были высказаны их наиболее влиятельные идеи.

В сложных условиях периода конца империи и начала советского времени последователи Розена оставили после себя противоречивое интеллектуальное и политическое наследие. Они являлись охранителями империи, но тем не менее поддерживали требования национального самоопределения (сформулированные в терминах национально-культурной автономии, а не политического сепаратизма), которые выдвинули в 1905 году лидеры этнических сообществ восточных и южных окраин государства. Они протестовали против многих политических инициатив, осуществляемых большевиками, в частности против того, что имело отношение к советизации российского академического сообщества, но при этом в 1920-х годах сыграли определенную роль в развитии советской национальной политики¹².

Наследие ученых школы Розена было искажено по разным причинам. В начале 1930-х годов некоторые из этих ученых подверглись критике, как апологеты русского

¹² *Hirsch F. Empire of Nations.*

империализма¹³. Но когда в 1936–1937 годах лидеры этнических автономий пали жертвами сталинских чисток, следователи НКВД уже посмертно вменили имперским востоковедам в вину распространение идеологии «буржуазного национализма» среди национальных меньшинств, уже с противоположной целью – развала Российской империи и СССР¹⁴. Эти взаимоисключающие обвинения, являясь прежде всего типичным проявлением резких идеологических колебаний периода сталинизма, парадоксальным образом отразили и противоречивый характер наследия этих ученых.

После смерти Сталина такие ученые, как Бартольд и Ольденбург, были опять представлены как отцы-основатели советского востоковедения, в то время как достижения Щербатского, равно как и некоторые аспекты творчества Марра, не получили целиком непредвзятой оценки до самого конца 1980-х годов. В посткоммунистический период идеи, сформулированные учеными школы Розена и их коллегами из среды нацменьшинств, снова были использованы в политических целях в национальных республиках Российской Федерации и новообразованных независимых государствах бывшего Советского Союза. Если представители восточных нацменьшинств, тесно сотрудничавшие с последователями Розена в начале XX века, сегодня воспринимаются на своей этнической родине как прославленные национальные герои, роль петербургских ученых зачастую отрицается. В западной науке богатое интеллектуальное наследие этих российских ученых точно так же остается недооцененным. При критическом пересмотре основ европейского востоковедения XIX и XX столетий постколониальные ученые склонны не принимать в расчет российскую научную мысль.

В данной книге предлагается последовательная переоценка противоречивого наследия этих ученых, особенно

¹³ *Bregel Y. Barthold and Modern Oriental Studies*. P. 395.

¹⁴ См. гл. 6.

в том, что касается их восприятия России как нации и империи, а также понимания категорий Востока, Запада, Европы и Азии; их оценки отношений между политической властью и востоковедческим знанием; а также их критики современного им состояния востоковедения в Европе. Эти широкие темы являлись предметом основного внимания российских востоковедов. Поразительно, сколь много в них общего с тем, что привлекло внимание западных ученых с момента дезинтеграции заокеанских колониальных империй после Второй мировой войны. Наконец, в данной книге анализируется непосредственное участие ученых в решении политических вопросов, касающихся национальных меньшинств, проживающих на российских окраинах. Прежде чем обрисовать в деталях тот широкий спектр вопросов, к которым я собираюсь обратиться, я хотела бы рассмотреть происхождение школы Розена и дать краткое описание деятельности ее ключевых представителей.

Барон Розен и «новая школа» востоковедения

Начало востоковедения как науки в России принято датировать временем царствования Петра Великого, когда был впервые официально провозглашен статус России как европейской империи. Однако в течение всего XVIII века мы не видим ничего, кроме попыток имперского правительства организовать обучение переводчиков с восточных языков, необходимое с точки зрения внешней политики России. В те времена в России не существовало ни научного востоковедения, ни востоковедческих обществ и центров. Проекты, нацеленные на создание таких центров, терпели фиаско из-за отсутствия правительственной и общественной поддержки¹⁵.

¹⁵ *Базиянц А. П., Гринкруг И. М.* Три проекта организации изучения восточных языков и Востока в России XVIII–XIX столетия // *Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 г.)*. М.: Наука, 1984. С. 34–36.

Академическое преподавание востоковедческих дисциплин в российских университетах не проводилось вплоть до начала XIX века. В 1804 году уставами Московского, Казанского и Харьковского университетов было введено преподавание в них восточных языков. В Санкт-Петербургском университете, образованном в 1819 году, были созданы кафедры арабского и персидского языков. Однако на этой начальной стадии развития востоковедения в России и речи не могло идти о востоковедении как об институционализированной академической дисциплине¹⁶. В четырех существовавших на тот момент центрах работали несколько отдельных, часто никак не связанных друг с другом ученых, и только в 1830-х годах наметился незначительный рост числа специалистов в этой области. Любая попытка создания центра востоковедения с целостной программой преподавания и исследовательской работы по-прежнему терпела неудачу.

Ситуация кардинально изменилась в 1840-х годах. В этот период, оставивший след в истории полемикой между западниками и славянофилами об особенностях России как нации и империи и возникновением гражданского общества, был создан ряд научных обществ с отделениями, специализирующимися в вопросах востоковедения. Создание этих обществ сопровождалось дискуссиями по поводу их предназначения. В составе обществ было несколько группировок. Группировки, которые призывали сосредоточиться на изучении славистики и культурно-исторических связей между русскими и другими народами, населявшими Российское государство, одержали победу над сторонниками исследовательских программ в русле космополитического мировоззрения

¹⁶ *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России // Труды третьего международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге. 1876. Т. 1. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1879–1880. С. 106–110; *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. М.: Наука, 1977. С. 416; *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики. С. 73–78, 99–105.

эпохи Просвещения¹⁷. В востоковедении победил исследовательский подход, обозначивший приоритеты исследования на восточном и южном рубежах Российской империи. Поэтому, следуя общеевропейской тенденции национализации науки (возникновение национального государства как структурирующей единицы, консолидирующего фактора и главной арены научной деятельности)¹⁸, российские ученые решили отдать приоритет исследовательским проектам, связанным с изучением исторических и культурных процессов на территории собственного государства¹⁹.

Еще одна волна учреждения научных обществ прокатилась в период царствования Александра II, чье правление было отмечено либеральными реформами и растущей общественной активностью. Правительственные министерства также стали проявлять большую активность при сборе и публикации материалов из российских владений в Азии и из зарубежных стран Востока. Наиболее значительную роль в изучении Востока играли Азиатский отдел Министерства иностранных дел, Ученый комитет Министерства народного просвещения и Министерство обороны. Дмитрий Милютин, занимавший пост военного министра в 1861–1881 годах, открыто поощрял членов Генерального штаба заниматься всесторонним изучением стран, граничащих с Россией, включая и те, что располагались в Азии²⁰. Помимо этого, в 1855 году в Санкт-Петербургском университете был осно-

¹⁷ *Knight N.* Science, Empire, and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845–1855 // *Imperial Russia: New Histories for the Empire* / J. Burbank, D. L. Ransel, eds. Bloomington: Indiana University Press, 1998. P. 108–141.

¹⁸ *Defationalizing Science: the Contexts of International Scientific Practice* / E. Crawford, T. Shinn, S. Sörlin, eds. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1993. P. 10.

¹⁹ *Nationalism and Archaeology in Europe* / M. Diaz-Adreu, T. Champion, eds. Boulder: Westview, 1996. P. 6.

²⁰ *Вигасин А. А.* История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М.: Восточная литература, 1997. С. 116–135, 153. См. также: *Marshall A.* The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. London: Routledge Curzon Press, 2006. Chs. 7, 8.

ван факультет восточных языков, который затем стал главным образовательным и исследовательским центром востоковедения в России.

Царствование Александра II стало новым периодом интенсивных дискуссий по поводу русской идентичности, в которых принимали участие не только отдельные интеллектуалы, но и правящая элита. Это было время, когда поражение России в Крымской войне дало толчок антизападным настроениям. В попытках определить Россию как независимую от Западной Европы и зачастую противостоящую ей аргументы о воздействии восточных культур и традиций приобрели особое значение, которое сохранялось вплоть до конца имперского правления. Таким образом, накопление знаний о российских восточных и южных окраинах стало рассматриваться как одна из приоритетных задач, что привело к быстрому росту новых научных обществ и созданию новых отделений при уже существующих обществах непосредственно на имперской периферии²¹. Востоковед Василий Григорьев (1816–1881) сыграл ключевую роль в подключении востоковедения к поиску российской элитой истоков национальной и имперской идентичности в период между 1840-ми и 1870-ми годами. В 1863 году Григорьев стал первым профессором истории Востока на факультете восточных языков в Санкт-Петербургском университете²².

²¹ Tolz V. Russia: Empire or a Nation-State-in-the-Making? // What is a Nation?: Europe 1789–1914 / T. Baycroft, M. Hewitson, eds. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 301–302. Востоковедение составляло значительную часть работы, проводимой Императорской археологической комиссией, основанной в 1859 году; Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (1863); Императорским Московским археологическим обществом (1864) и Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878). Обзор научных обществ см.: Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. С. 29–36.

²² О Григорьеве см.: Веселовский Н. И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам, 1816–1881. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1887;

Сделать востоковедение, ориентированное на изучение Востока России, приоритетным направлением исследований Императорской Академии наук оказалось делом более сложным, чем это было в случае с научными обществами. Научные общества создавались как часть общей тенденции «национального пробуждения» России; поэтому организаторам казалось логичным сделать саму Россию (включая ее восточные и южные окраины) главным объектом исследования этих обществ. В отличие от них Академия наук была старейшим научным учреждением Российской империи; она была образована в 1725 году, еще до того как российская элита обратилась к проблеме «национального самосознания». К XIX веку Академия прочно утвердилась, в том числе методологически, как учреждение, отражающее космополитические и энциклопедические идеалы Просвещения.

В 1836 году новый устав Академии учредил в качестве самостоятельного исследовательского направления «историю и культуру азиатских народов». С 1841 года программа Отделения исторических, филологических и общественных наук Академии (с 1844 года оно называлось Отделением историко-филологических наук) включала «изучение восточных народностей России». Тем не менее лишь в 1890-х годах востоковедение становится в Академии второй по величине областью исследования после славистики, имея при этом штат в тринадцать человек, каждый из которых был либо полностью, либо частично вовлечен в исследование «собственного Востока России», то есть Кавказа, Туркестана и неевропейских сообществ Западной и Восточной Сибири и Поволжья, а также восточных государств и обществ, граничащих с Российской империей²³. Именно это обстоятельство в конечном итоге сделало российское востоковедение полностью

Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // Slavic Review. 2000. Vol. 59. No. 1. P. 74–100.

²³ *Куликова А. М.* Востоковедение в российских законодательных актах. С. 26–28.

институционализированной академической дисциплиной, позволив даже столь щепетильному историку науки, как Бартольд, говорить о возникновении на рубеже XX века особого «русского востоковедения»: такой области знания, в которой коллективные достижения (в отличие от достижений отдельно взятых российских исследователей) были признаны во всем мире²⁴.

Розен сыграл решающую роль в завершении «национализации» российского востоковедения, добиваясь его одновременной интернационализации. Типичный продукт имперского государства, барон Розен был выходцем из прибалтийских провинций России. Когда в 1866 году он поступил в Санкт-Петербургский университет, он плохо говорил по-русски, а писал только на немецком языке. Там, под влиянием своего учителя Григорьева, Розен превратился в «русского патриота-государственника». Он принял взгляды Григорьева, согласно которым наука должна служить интересам той нации, к которой принадлежит сам ученый²⁵. Розен ощущал себя принадлежащим прежде всего к российской нации, которую воспринимал как многонациональную по природе и находящуюся в процессе культурной унификации в пределах государственных границ империи²⁶.

Взгляды Розена на то, каким образом должна определяться принадлежность к российской²⁷ нации, и его определение того, что он называл «русской культурой», были гораздо менее этноцентричными и менее

²⁴ Бартольд В. В. Восток и русская наука // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. М.: Наука, 1977. С. 544–545.

²⁵ О взглядах Григорьева см.: *Веселовский Н. И.* Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам.

²⁶ *Веселовский Н. И.* Барон В. Р. Розен // Журнал Министерства народного просвещения [ЖМНП]. Сер. XIV. 1908. № 4. Отд. 4. С. 170, 178, 186.

²⁷ Следует отметить, что в период, обсуждаемый в книге, слова «русский» и «российский» воспринимались как взаимозаменяемые. Четкие определения слова «русский» как обозначающего этническую принадлежность, а слова «российский» как обозначающего государственную принадлежность возникают позднее.

славянофильскими, чем взгляды Григорьева²⁸. Тот факт, что ни сам Розен, ни большинство из его учеников, рассматриваемых здесь, не являлись этнически русскими, был существенным, так как собственный опыт этих ученых, связанный с их самоидентификацией, делал их более восприимчивыми к вопросам взаимоотношения национального и имперского в российском контексте²⁹. В своих попытках найти пути сохранения Российской империи в эпоху зарождения национальных движений среди этнических меньшинств члены школы Розена уже тогда, в начале XX века, сформулировали предложения по интеграции национальных меньшинств, которые впоследствии оказали значительное влияние на советскую национальную политику³⁰.

Карьера Розена как создателя современного российского востоковедения в качестве прочно институционализированного направления со своим исследовательским профилем и устойчивой международной репутацией началась со скандала. Тогда «дело Розена» потрясло Академию наук почти так же, как и скандал, связанный с провалившейся попыткой Академии в 1880 году избрать в свои ряды самого известного химика России — Дмитрия Менделеева. Происхождение этих двух «дел» было похожим: они оба представляли собой проявление «национализации» или «русификации» Императорской Академии наук. «Дело Менделеева» упоминается в каждом труде об истории Академии. «Дело Розена» известно гораздо меньше, хотя и соизмеримо по важности.

В 1879 году Розен был избран адъюнктом по Историко-филологическому отделению Академии наук, но вскоре,

²⁸ Это расхождение во мнениях Григорьева, с одной стороны, и Розена с его последователями, с другой, обсуждается в гл. 1.

²⁹ По своему происхождению Бартольд, Розен и Ольденбург были немцами; Марр — наполовину шотландцем, наполовину грузином; Щербатской был из семьи польского происхождения.

³⁰ *Hirsch F. Empire of Nation*. Более подробное обсуждение данного вопроса с анализом происхождения идей и предложений востоковедов см. в гл. 1.

в 1882 году, подал в отставку из-за конфликта с руководством Академии, с которым был не согласен в определении целей как российского востоковедения, так и Академии в целом. Дело в том, что академики, отвечавшие за выдвижение кандидатов на выборы, отказались согласиться с Розеном, что востоковедение должно быть серьезно представлено в Академии и что в центре внимания российских ученых должен находиться «собственный Восток России», то есть различные культуры и «инородческие языки... [и] сношения России с востоком в разные периоды его истории»³¹.

Возвращение Розена в Академию в качестве ее полноправного члена состоялось лишь в 1890 году, когда его требования были де-факто выполнены. С 1893 по 1902 год Розен занимал пост декана факультета восточных языков в Санкт-Петербургском университете. С 1885 года и до самой смерти в 1908 году он стоял во главе основного российского научного общества востоковедения — Восточного отделения Императорского русского археологического общества³².

Деятельность Розена в России явилась отражением более общей тенденции в европейском востоковедении. С самого начала своей карьеры Розен поддерживал тесные связи с коллегами за границей. Ориенталисты, с которыми Розен познакомился во время своего пребывания в Западной Европе после окончания университета, в частности австрийский арабист Альфред фон Кремер (1828–1889) и его коллега из Лейпцига Густав Вайль (1808–1889), со второй половины XIX века пересматривали общепринятые точки зрения в своей области. Описывая эти изменения в европейской науке, самым стойким приверженцем которых в России стал Розен, Бартольд отмечал следующие ее основные характеристики: новое

³¹ Памяти академика В. Р. Розена. С. 124.

³² *Веселовский Н. И.* Барон В. Р. Розен. С. 178; Памяти академика В. Р. Розена. С. 117–118, 120–131; Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (ПФ АРАН). Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 130. Л. 12, 26 об. — 27.

востоковедение уже было не заинтересовано в представлении народов Востока как экзотических существ, ведущих «фантастический» образ жизни и одевающихся в «театральные костюмы»; изучение народов Востока уже не было движимо исключительно желанием получать дополнительную информацию о событиях в европейской истории; и, самое главное, новый подход утверждал, что «прибегать к априорным предположениям об основных различиях между натурой восточного и натурой западного человека, о неизгладимых расовых особенностях нет никакой надобности». Этот последний элемент «нового подхода» стимулировал переоценку глубоко укоренившихся предрассудков в отношении неевропейских обществ и нехристианских религий³³.

Уже в 1880-х годах Розен, будучи профессором Санкт-Петербургского университета, разработал четкую стратегию создания новой школы российского востоковедения на основе своего собственного видения. Главной задачей стало содействие изучению собственного Востока России, в особенности его мусульманских и буддийских общин. (Конечно же, это не означало, что Восток за пределами границ России игнорировался российскими учеными³⁴.) Розен также утверждал, что ученые должны сосредоточить свое внимание на узлах культурного, политического и экономического взаимодействия между народами различного этнического происхождения, языков и религиозных воззрений³⁵. Ожидалось, что уче-

³³ Бартольд В. В. Речь перед защитой диссертации // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1. М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 607. Подробный анализ антиевропоцентристских тенденций в немецкой ориенталистике с 1880-х по 1920-е годы см.: *Marchand S. German Orientalism and the Decline of the West*. P. 465–473.

³⁴ Помимо исследований «собственного Востока России», последователи Розена изучали Индию, арабский мир, Японию, Китай, Тибет, Персию и Турцию. В 1880-е годы в России также было введено изучение Древнего Египта и Ассирии.

³⁵ *Март Н. Я. Барон В. Р. Розен и христианский Восток // Памяти барона Виктора Романовича Розена / Сост. И. Крачковский. СПб.: Тип. Акад. наук, 1909. С. 13.*

ные, следуя намеченным путем в этих изысканиях, будут избегать простой дихотомии между народами Востока и Запада. Вместо этого им следовало видеть «русскую культуру»³⁶ как некое пространство, где сошлись Запад и Восток. Создание «национального коммуникационного пространства» в российском востоковедении, достижение более широкого признания российского востоковедения за границей и принятие русского языка как одного из языков международного общения среди европейских ориенталистов также представляли особый интерес для Розена.

Тесно сотрудничая с зарубежными ориенталистами и с российскими и иностранными специалистами по славистике и западноевропейским культурам, Розен и его ученики постоянно подчеркивали разницу между собственными исследованиями Востока и работами, созданными такими неакадемическими экспертами, как государственные чиновники, военные и православные миссионеры. Важность работ неакадемических экспертов признавалась востоковедами-учеными, но только в жестких пределах. Тем, кто занимался изучением Востока вне академической среды, принадлежала важная роль в сборе первичных данных во время их путешествий по странам Азии. Например, Бартольд отмечал:

От большинства других областей знания востоковедение отличается тем, что оно не может довольствоваться работами специалистов, посвятивших свою жизнь науке... [В сборе материала] на местах главная польза приносится офицерами и чиновниками, а не выпускниками восточного факультета [Санкт-Петербургского университета]³⁷.

³⁶ Термин «культура» использовался этими учеными по большей части как самоочевидная категория, не требующая четкого определения. При этом, как показано в этой книге, ученые школы Розена, особенно Марр, старались расширить понятие культуры, включив в него устные традиции «бесписьменных народов», их обычаи и каждодневный быт.

³⁷ Бартольд В. В. Две лекции студентам, кончающим курс Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, о их задачах

Собрания эмпирических данных, будь то этнографические и лингвистические наблюдения или вновь обнаруженные рукописи, опубликованные офицерами и чиновниками, нередко удостоивались высокой оценки петербургских ученых³⁸. В противоположность этому, попытки со стороны неакадемических экспертов интерпретировать такие данные зачастую получали негативную оценку Розена и его последователей, которые порицали востоковедов из военных, государственных и богословских учреждений не только за использование ими неверных методик, но и за проявление христианских, европоцентристских и расовых предрассудков³⁹. Этот акцент на глубоких различиях в подходах к изучению Востока академических ученых и неакадемических экспертов был важным инструментом формирования четкой идентичности «школы Розена».

В 1886 году Розеном был основан первый русский научный журнал по вопросам востоковедения «Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества», который стал основным каналом продвижения новых исследовательских программ и объединил вокруг себя молодых востоковедов. «Записки» позволили ученым России систематически знакомиться с тем, что происходило в их областях знания за границей, так как характерной особенностью этого журнала был большой раздел по обзору книг, где систематически публиковались библиографические обзоры. Розен приложил немалые усилия к тому, чтобы иностранные ученые регулярно читали «Записки», в каждом номере которых печатались важные первоисточники (древние тексты и эпиграфические материалы). Обзоры содержания «Записок» публиковались в ведущих западных

в Туркестане и деятельности туркестанских научных обществ (1900) // ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 75. Л. 1, 10.

³⁸ См., например, обзоры, опубликованные в «Записках Восточного отделения Императорского русского археологического общества» (ЗВОРАО. 1895. Т. 9. С. 296–299).

³⁹ См., например: ЗВОРАО. 1886. Т. 1. Вып. 1. С. 38–45; Вып. 3. С. 227–228.

журналах по ориенталистике⁴⁰. В 1894 году в своем письме к Розену Ольденбург так оценил международный авторитет «Записок»:

Они («Записки». — В. Т.) прорубили брешь на Запад. Тем, как Вы их поставили, Вы показали, что ориентализм в России есть нечто, и нечто самостоятельное, само в себе живое сравнительно с западным, т. е. равноправный собрат западного ориентализма⁴¹.

Розен всячески содействовал тому, чтобы его ученики регулярно ездили в Западную Европу для работы в библиотеках, участвовали в международных конференциях и привлекались к работе в международных проектах. В то же самое время Розен, не усматривая никакого противоречия между этими двумя требованиями, рассчитывал на то, что его ученики будут публиковать свои работы в первую очередь в России и на русском языке⁴². Организовав издание «Записок», сам Розен стал публиковаться исключительно на русском языке, следуя своей цели сделать русский одним из языков международного общения в среде востоковедов⁴³. Когда в 1850-х годах учитель Розена — Григорьев начал публикацию своих работ на русском языке, то аргументировал это тем, что самые лучшие работы русских ученых в любом случае будут переведены на иностранные языки⁴⁴. Цели Розена были гораздо более амбициозными. Ему хотелось заставить европейское ученое сообщество

⁴⁰ Переписка В. Р. Розена и С. Ф. Ольденбурга (1887–1907)/Публ. подгот. Д. Мишин, Н. Г. Романова // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 2 / Сост. В. В. Наумкин (отв. ред.), Н. Г. Романова, И. М. Смилянская. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 2004. С. 229, 219, 277, 293.

⁴¹ Там же. С. 283.

⁴² Там же. С. 279, 290.

⁴³ Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. С. 143.

⁴⁴ Веселовский Н. И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. С. 97.

выучить русский язык, чтобы самостоятельно читать работы российских ученых. Поэтому он не выразил никакого энтузиазма и даже был недоволен, когда в 1893 году немецкоязычные ориенталисты решили организовать бюро в Вене, занимающееся переводом работ их российских коллег⁴⁵.

Деятельность Розена, равно как и его задачи в качестве организатора исследований в области востоковедения, а также его представления о научных проблемах, к которым в первую очередь должны обращаться ученые, оказали огромное влияние на выпускников Петербургского университета. По словам Бартольда, Розен «призвал к жизни целую школу молодых исследователей, работающих в самых разнообразных областях востоковедения»⁴⁶, а не только по его собственной специальности — арабистике.

Ученики Розена

После неожиданной смерти Розена в 1908 году трое из его ближайших учеников — Бартольд, Марр и Ольденбург — стали бесспорными лидерами российского востоковедения. Щербатской, который принимал участие в программе развития востоковедения, учрежденной Розеном, и был связан со школой Розена через Ольденбурга, успешно формулировал новые подходы к изучению буддизма.

Бартольд, изучавший арабистику и ислам, был ближе всех к Розену с точки зрения специализации. В возрасте пятидесяти одного года он так обозначил итоги собственной интеллектуальной генеалогии: «Таким, каким я вышел из школы бар. Розена, я лягу в могилу»⁴⁷. Главные научные

⁴⁵ Переписка В. Р. Розена и С. Ф. Ольденбурга (1887–1907). С. 252.

⁴⁶ Бартольд В. В. Речь перед защитой диссертации. С. 609.

⁴⁷ Цит. по: Акрамов Н. М. Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд. Душанбе: Ирфон, 1963. С. 24.

достижения Бартольда были в области изучения истории Средней Азии с древних времен; он являлся основателем этой области научных исследований, и в одном из некрологов, опубликованном в Великобритании в 1930 году, его сравнили с Эдвардом Гиббоном, назвав «Гиббоном Туркестана»⁴⁸. Выбор для исследований именно Средней Азии был, конечно, не случаен и отражал точку зрения Розена, что российские ученые должны изучать «собственный Восток России». Через год после защиты диссертации в 1900 году на восточном факультете Санкт-Петербургского университета Бартольд там же становится профессором. В 1913 году он был избран ординарным (действительным) членом Императорской Академии наук.

Находясь под влиянием немецкой позитивистской науки конца XIX века, Бартольд в большей степени, чем остальные ученики Розена, был сосредоточен в своих исследованиях на интерпретации текстуальных источников. Тем не менее, как мы увидим далее, в нем тоже был дух новаторства и ревизионизма, которым была ознаменована деятельность его учителя⁴⁹. От Розена он унаследовал увлеченность вопросами, касающимися взаимодействия различных этнических групп и культур, воспринимая при этом Среднюю Азию как перекресток «на пути экспансии различных цивилизаций: кочевой тюрко-монгольской, древней иранской и цивилизации ислама...»⁵⁰.

Его отношение к исламу, как в прошлом, так и в настоящем, было очень положительным для своего времени. В работах европейских и российских востоковедов он систематически подвергал критике то, в чем усматривал необоснованные предрассудки в отношении ислама и других нехристианских религий. Он критиковал, в част-

⁴⁸ *Bregel Y. Barthold and Modern Oriental Studies. P. 385.*

⁴⁹ В самом начале карьеры Бартольд разделял энтузиазм своих учителей относительно использования в работе артефактов вместо текстуальных источников и в 1904 году проводил археологические работы в Самарканде. После несчастного случая, имевшего тяжелые последствия, Бартольд прекратил полевые работы в Туркестане.

⁵⁰ *Bregel Y. Barthold and Modern Oriental Studies. P. 386.*

ности, специалиста по Турции и Ирану Илью Березина (1818–1896), синоведа Василия Васильева (1818–1900), тюрколога Василия Радлова (1837–1918) и иногда самого Розена⁵¹. Описывая исследуемые им общества, Бартольд больше, чем его учитель, обращал внимание на экономические, политические и социальные факторы, не ограничиваясь лишь религиозными и культурными составляющими. Он резко критиковал европейских ученых, приписывавших религии всеохватывающее влияние на мусульманские общества.

По сравнению с остальными упомянутыми здесь учениками Розена Бартольд являлся в большей степени ученым-одиночкой и был меньше вовлечен в общественную деятельность, чем Марр, Ольденбург и Щербатской⁵². В связи с ограниченным участием Бартольда в политике и из-за его смерти уже в 1930 году, во время первых этапов советизации Академии наук, его жизнь и критика его работ в сталинский период были не столь драматичны, как в случае с другими учениками Розена. Посмертная критика работ Бартольда в начале 1930-х годов, а затем в последние годы сталинизма была сдержанной по стандартам того времени. Во время хрущевской оттепели было опубликовано девятитомное собрание его сочинений, в предисловии к которому Бартольд был представлен как один из основателей не только дореволюционного, но и советского востоковедения⁵³.

Во многих отношениях Бартольд являл собой тип ученого, противоположного Марру — другому преданному ученику Розена. Изю всей группы Марр был, вероятно, самым разносторонним и творческим, равно как и самым

⁵¹ Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. М.: Изд-во вост. лит., 1977. Из содерж.: Барон В. Р. Розен и русский провинциальный ориентализм. С. 589–595 (см. С. 592); Исторические и географические труды В. П. Васильева. С. 619–628 (см. С. 622); Памяти В. В. Радлова 1837–1918. С. 665–688 (см. С. 681–683); И. Н. Березин как историк. С. 737–756 (см. С. 741).

⁵² См.: *Bregel Y. Barthold and Modern Oriental Studies*. P. 390–391.

⁵³ *Кляшторный С.* Предисловие // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5. М.: Наука, 1968. С. 6–7.

противоречивым последователем Розена. Влияние идей Марра было сильно в течение первых трех десятилетий советского периода. Сам он, вплоть до своей смерти в 1934 году, имел большую власть как в Академии наук, так и за ее пределами. Однако в 1950 году его во многом эксцентричные идеи и абсурдные лингвистические теории были осуждены при личном вмешательстве Сталина. В течение долгих лет это драматическое событие мешало составить сбалансированное представление о сути его идей и оценить его широкое научное наследие; ситуация изменилась лишь недавно. В последних работах, посвященных анализу его противоречивых теорий и деятельности, Марр все более явственно предстает как фигура, чей позитивный вклад в науку, включая даже и некоторые области лингвистики, и чья широкая общественная деятельность, в частности в смягчении последствий советизации Академии наук, хотя бы частично компенсируют негативные стороны его научного наследия. Марр также сделал определенный вклад в культуру русского авангарда. Идеи Марра оказали влияние на некоторых литературных деятелей начала XX века и на кинорежиссера Сергея Эйзенштейна и сами по себе явились отражением духа эксперимента и инновации того времени⁵⁴.

Одна из недавних переоценок археологических работ Марра на Кавказе имеет особое значение для темы

⁵⁴ По большей части негативная оценка наследия Марра дана в: *Thomas L. The Linguistic Theories of N. Ya. Marr*; *Алпатов В. М. История одного мифа*; *Slezkine Y. N. Ia. Marr and the National Origins of Soviet Ethnogenetics*; *Tolz V. Russian Academicians and the Revolution. P. 89–107*. Переоценка лингвистических работ Марра, подчеркивающая положительные аспекты его ревизионизма: *Brandist C. The Rise of Soviet Sociolinguistics from the Ashes of Völkerpsychologie*. Сбалансированный подход к наследию Марра предлагается в: *Васильков Я. В. Трагедия академика Марра // Христианский Восток. 2001. № 2. С. 390–421*. Взаимоотношения Марра с представителями русского авангарда рассматриваются в: *Никольская Т. Л. Ю. Н. Марр – поэт, драматург, прозаик // Искусство авангарда: язык мирового общения. Материалы междунар. конф. 1992, 10–11 дек. Уфа: Музей современного искусства «Восток», 1993. С. 55–76*; *Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР. М.: Наука, 1977. С. 66*.

данной книги. Вслед за официальным осуждением лингвистических теорий Марра в 1950 году развенчанию подвергся также и его вклад в археологию, как якобы некомпетентный⁵⁵. Однако в 1990-х годах историком российской археологии Ниной Платоновой было убедительно продемонстрировано, что в дореволюционный период Марр являлся археологом, снискавшим себе большое международное признание за качество ведения раскопок и за непревзойденный талант организатора археологических экспедиций⁵⁶. Его вклад в археологию сыграл большую роль при избрании его действительным членом Академии наук в 1912 году. Как ученый и организатор академических исследований Марр был вдохновлен разработанной Розеном программой изучения регионов смешения культур и поэтому сосредоточил свои исследования на Кавказе, который представлялся ему «плавильным котлом» христианских, исламских и так называемых яфетических культур. (Последняя явилась плодом его собственного воображения.)

Биография Марра хорошо известна, и нет необходимости повторять ее здесь. Однако следующую проблему имеет смысл сформулировать заново. Марр вырос в Грузии — регионе, который принадлежал «собственному Востоку России», в смешанной семье европейца (его отец был родом из Шотландии) и местной уроженки (его мать была грузинкой низкого социального происхождения); у родителей не было общего языка общения. Отец Марра умер, когда будущий ученый был еще маленьким, и вначале они с матерью остались без средств к существованию⁵⁷.

⁵⁵ *Арциховский А. В.* Пути преодоления влияния Н. Я. Марра в археологии // Против вульгарного марксизма в археологии. М.: Наука, 1953. С. 51–69.

⁵⁶ *Платонова Н. И.* Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки // Археологические вести. № 5 (1996–1997). СПб., 1998. С. 371–382.

⁵⁷ Прекрасный анализ того, как проблема идентичности Марра повлияла на его научную деятельность, представлен в: *Васильков Я. В.* Трагедия академика Марра; в особ. С. 391, 397–398, 400–415.

Хотя под влиянием Розена Марр отказался от своих грузинских националистических устремлений ранней молодости и стал авторитетным имперским ученым и либеральным «общероссийским патриотом»⁵⁸, его критика европейских научных подходов к изучению Востока, равно как и европейского империализма, несомненно была связана с его обостренным пониманием того, что представляла собой жизнь «туземца» под постоянным пристальным взглядом высокомерного европейца. Поэтому неудивительно, что уже в начале XX века Марр сформулировал аргументы, которые ученые из Ближнего Востока, Индии и других областей «европейского Востока» стали высказывать лишь в 1950-х годах, когда значительное число выходцев из этих регионов получило возможность переступить порог западноевропейских и североамериканских университетов.

Ольденбург был ключевой фигурой в разработке плана Розена по интеграции российского востоковедения в общеевропейское сообщество ориенталистов. Подобно Розену и Бартольд, он также был немцем по происхождению, но сам называл себя «русским патриотом»⁵⁹. Непременный секретарь Академии наук с 1904 по 1930 год, действовавший в качестве связующего звена между Академией и царским, а впоследствии — большевистским правительством, Ольденбург, изо всех рассматриваемых здесь имперских ученых, проявлял наибольшую политическую активность⁶⁰. В 1904 году он стал одним из основателей Союза освобождения, в 1905 году — Конституционно-демократической партии, а в 1917 году в течение недолгого времени зани-

⁵⁸ Платонова Н. И. Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки. С. 372–373.

⁵⁹ Чувства и мысли: Записная книжка С. Ф. Ольденбурга // ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 8. Л. 2.

⁶⁰ Лучшим источником о взаимоотношениях Ольденбурга и Розена и о роли Ольденбурга в развитии научной программы Розена является их переписка (1887–1907), опубликованная в: Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 2. М., 2004.

мал пост министра народного просвещения во Временном правительстве⁶¹.

Деятельность Ольденбурга в качестве выразителя взглядов Академии в период ее советизации между 1927 и 1930 годами привлекла к нему большое внимание современных ученых⁶². Именно в то время, когда учреждение, которому он посвятил всю свою профессиональную жизнь, казалось ему почти уничтоженным и когда он был снят с руководящего поста в Академии, Ольденбург пишет статьи, остро критикующие европейское востоковедение, которые для сюжетов, обсуждаемых в этой книге, представляют особый интерес. В этой книге мы обсуждаем, является ли то, что написано Ольденбургом в конце 1920-х и начале 1930-х годов об исследованиях Востока в Европе, всего лишь политическим оппортунизмом, или же его взгляды остались до некоторой степени связаны с его прежней позицией, инспирированной ревизионистской программой российского и европейского востоковедения рубежа XX века.

С точки зрения внесенного им научного вклада Ольденбург снискал себе известность как создатель в 1897 году «*Bibliotheca Buddhica*» — серии публикаций философских текстов северного буддизма, что стало одним из крупнейших международных проектов того времени, в котором участвовали ученые из России, Англии, Франции, Германии и Японии. Специализировавшийся как ученый на изучении Индии, Ольденбург сосредоточил свое внимание на буддизме, полагая, что это повысит актуальность его исследований для России. Указывая на наличие больших буддийских общин на территории Российской империи, Ольденбург утверждал, что через буддизм «Индия

⁶¹ О нем см.: *Каганович Б. С.* Сергей Федорович Ольденбург. С. 47–74.

⁶² См. там же, гл. 6, 7; *Каганович Б. С.* Начало трагедии. Академия наук в 1920-е годы по материалам архива С. Ф. Ольденбурга // *Звезда*. 1994. № 12. С. 124–144; См. также: *Tolz V.* Russian Academicians and the Revolution. P. 108–122.

становится нашим соседом на всем протяжении нашей азиатской границы от Байкала до Нижней Волги»⁶³.

Ольденбург убедил Щербатского — в будущем самого известного российского индолога и буддолога XX века — посвятить себя именно этим областям исследования, а не лингвистике, являвшейся его изначальной специальностью⁶⁴. Кроме того, в конце 1893 года Ольденбург ввел Щербатского в окружение Розена⁶⁵. Щербатской разделял взгляды Ольденбурга на то, что из-за географического положения России изучение буддизма должно представлять собой основной интерес для российских индологов, и следовал ревизионистской программе, типичной для школы Розена⁶⁶.

Под влиянием австрийского и немецкого индологов Георга Бюлера (1837–1898) и Германа Якоби (1850–1937), чьи семинары он посещал в 1890-х годах, Щербатской осознал важность понимания того, как сами «просвещенные неевропейцы» истолковывали свои собственные традиции. И Бюлер, и Якоби, проведя много времени в Индии, испытали на себе сильное влияние своих учителей-брахманов и использовали некоторые из брахманических методов обучения в собственной практике преподавания в Германии. Это произвело огромное

⁶³ Цит. по: Сергею Федоровичу Ольденбургу: к пятидесятилетию научно-общественной деятельности, 1882–1932: Сб. статей. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 18.

⁶⁴ *Васильков Я. В.* Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф. И. Щербатского. С. 178–223. Однако, по мнению В. И. Вернадского, Щербатской «не был учеником С. Ф. Ольденбурга» и «очень критически относился к С. Ф. Ольденбургу как ученому». Тем не менее оба ученых тесно сотрудничали, и их можно было считать друзьями. Кроме того, в последние годы жизни Щербатской приводил в порядок дневники экспедиций Ольденбурга, подготавливая их к публикации. См.: Из архива В. И. Вернадского. 1942 г. / Публ., вступ. ст. и коммент. И. И. Мочалова // Вопросы истории естествознания и техники. 2003. № 2. С. 165.

⁶⁵ Переписка В. Р. Розена и С. Ф. Ольденбурга (1887–1907). С. 266, 276, 279.

⁶⁶ *Щербатской Ф. И.* С. Ф. Ольденбург как индианист // Сергею Федоровичу Ольденбургу: к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. С. 18–19.

впечатление на Щербатского. В то же время Бюлер и Якоби некритически восприняли аргументы своих индийских наставников, что буддизм большей частью происходит из индуизма⁶⁷. Щербатской был решительно не согласен со своими немецкими коллегами по этому вопросу, и это разногласие стало основным стимулом к развитию программы его научных исследований. Уже в 1903 году Щербатской отклонил мнение Якоби о том, что буддизм махаяны заимствовал всю систему логики из индуистской философии вайшешики. Вместо этого Щербатской настаивал на том, что буддисты сохранили только некоторые базовые элементы философии вайшешики, при этом разработав оригинальную «теорию познания и логики», которая затем оказала свое собственное воздействие на индуизм⁶⁸. Еще раньше, в 1901 году, Щербатским были отвергнуты европоцентристские теории зависимости индийской философии от греческой. Одну из своих ключевых задач он видел в том, чтобы исследовать, как специфические философские термины и концепции понимались самими индийцами, пытаясь следовать внутренней логике их мышления⁶⁹.

Щербатской часто путешествовал по регионам, которые он исследовал, и уже в первое десятилетие XX века установил близкие личные связи с бурятскими и

⁶⁷ *Васильков Я. В.* Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф. И. Щербатского. С. 181–186.

⁶⁸ Там же. С. 185–186.

⁶⁹ *Щербатской Ф. И.* Логика в древней Индии // ЗВОРАО. (1901). 1902. Т. XIV. С. 172–173. В своих переводах буддийских и индийских философских текстов Щербатской широко заимствовал терминологию современной европейской философии. Как утверждает Ярослав Васильков – ведущий российский индолог и историк востоковедения, Щербатской пользовался этим методом перевода, чтобы буддийские тексты стали доступны широкому читателю Европы, а не только специалистам. По мнению Василькова, такое применение европейской терминологии не должно рассматриваться в качестве прямого отражения того, как сам Щербатской понимал буддийскую и индийскую философию. См.: *Васильков Я. В.* Встреча Запада и Востока в научной деятельности Ф. И. Щербатского. С. 187–189.

тибетскими ламами, а также с местными учеными в Индии⁷⁰. Щербатской утверждал, что, поскольку буряты проживали на территории Российской империи, российские ученые могли достаточно легко сотрудничать с ними в интерпретации буддийских философских текстов. По его мнению, в этом заключалось основное преимущество русских, а позднее — советских буддологов перед их западными коллегами⁷¹. Этот интерес к «живой традиции буддизма» был одной из определяющих черт школы изучения буддизма, основанной Щербатским, в состав которой входили российские буряты Забайкалья, обучавшиеся как в буддийских дацанах, так и в Санкт-Петербургском университете.

В 1920-х годах эти буряты стали первыми национальными лидерами бурятской национальной автономии, созданной большевистским правительством. Такое тесное сотрудничество с бурятскими и тибетскими ламами, а также бурятскими политическими лидерами, объявленными в 1936–1937 годах «врагами народа», в конечном итоге стало главной причиной полного уничтожения школы Щербатского во времена Большого террора. К августу 1937 года шестеро из семи самых близких Щербатскому молодых ученых из Ленинградского института востоковедения были арестованы; многосерийное издание «*Bibliotheca Buddhica*», в подготовку которого внесли большой вклад Щербатской со своими учениками, было расценено как «печатный орган буддийско-ламаистской религии» и закрыто, а труды Щербатского, где он утверждал, что неаристотелевская логика Индии в некотором роде являлась гораздо более систематизированной, чем европейская мысль, подверглись осуждению как «атака против диалектического материализма на основе синтеза Кант-Мах в буддийском оформлении» и пример «идейной

⁷⁰ О высокой положительной оценке работ Щербатского в Индии, где они были изданы в различных переводах, см.: *Васильков Я. В.* Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф. И. Щербатского. С. 178–179, 201–202, 212–213.

⁷¹ Там же. С. 191.

борьбы против Ленина»⁷². Хотя попытки возродить традиции российской буддологии начала XX века возникли в 1960-х годах, планомерная работа по переоценке важности наследия Щербатского стала действительно возможна в России лишь в конце 1980-х годов⁷³.

* * *

Востоковедческая школа Розена предоставляет прекрасную возможность для проверки аргументации постколониальной критики европейского востоковедения, возникшей под влиянием трудов Эдварда Саида, Бернарда Кона и Бенедикта Андерсона⁷⁴. Действительно, ученые Российской империи зачастую уделяли внимание тем же самым вопросам политической, социальной и культурной значимости проводимой ими работы, которые снова стали волновать умы историков европейской науки во второй половине XX века.

В последнее время современные исследователи России стали спорить об актуальности выводов Саида о дискурсе ориентализма для понимания истории российского востоковедения⁷⁵. Отношения между востоковедением

⁷² Васильков Я. В. Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф. И. Щербатского.. С. 204–206.

⁷³ Там же. С. 206–208.

⁷⁴ Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso, 1991; Cohn B. *Colonialism and Its Forms of Knowledge: The British in India*. Princeton: Princeton University Press, 1996; *Idem*. *An Anthropologist among the Historians and Other Essays*. New York: Oxford University Press, 1988; Said E. *Orientalism*; *Idem*. *Culture and Imperialism*. New York: Knopf, 1993.

⁷⁵ *Ex Tempore: Orientalism and Russia // Kritika*. 2000. Vol. 1. No. 4. P. 691–727. Эта дискуссия выявила несколько ключевых вопросов, на которые ученые, оценивающие релевантность саидовской концепции ориентализма применительно к России, должны ответить. См. также: Knight N. Grigor'ev in Orenburg; *Ab imperio*. 2002. № 1. «Российский «особый путь» и многообразие имперского и национального опыта модернизации». URL: <http://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?state=contents&idlang=2> (дата обращения 07.08.2012); Geraci R. *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*.

и имперской властью являются ключевым вопросом постколониальных работ по истории европейского востоковедения. Имперские ученые, чьи взгляды анализирует эта книга, также подробно обсуждали природу связи между знанием и властью. Многие современные исследователи уверены, что европейские ученые прошлого рассматривали науку как нечто, не имеющее прямого отношения к политической ситуации общества, в котором живет ученый⁷⁶. На самом деле это было далеко не так. Читая труды ученых школы Розена, мы обнаруживаем, что они считали неопровержимым фактом, что научные знания имеют непосредственное отношение к политике, и прекрасно понимали значимость политического, социального и культурного контекста для того вида знания, которое генерировали ученые⁷⁷.

В XIX веке имперские ученые были убеждены, что основная власть Европы над Востоком заключена именно в обладании научным знанием, и часто повторяли выражение: «Знание — сила». Николас Диркс в своем широко известном исследовании кастовой системы Индии утверждает, что издание грамматик местных языков и различных древних текстов, в которых европейцы видели прямое отражение туземных традиций колониальных обществ, равно как и конструирование широких представлений о Востоке

Ithaca: Cornell University Press, 2001; *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917* / D. Brower, E. Lazzerini, eds. Bloomington: Indiana University Press, 1997; *Bassin M. Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999; *Slezkine Y. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca: Cornell University Press, 1996; *Layton S. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoi*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994; *Greenleaf M. Pushkin and Romantic Fashion: Fragment, Elegy, Orient, Irony*. Stanford: Stanford University Press, 1994.

⁷⁶ См., например: *Vucinich A. Social Thought in Tsarist Russia: The Quest for a General Science of Society, 1861–1917*. Chicago: Chicago University Press, 1976; *Solomon S. G. Circulation of Knowledge and the Russian Locale* // *Kritika*. 2008. Vol. 9. No. 1. P. 21–22.

⁷⁷ Подробно данный вопрос обсуждается в гл. 3.

посредством археологических находок, «стимулировали преобразования (колониальных обществ. — В. Т.), по сути дела, столь же мощные, что и наиболее известные последствия военного и экономического империализма»⁷⁸. Имперские ученые вполне искренне согласились бы с выводом Диркса, хотя зачастую результаты таких преобразований оценивались ими по-другому. На рубеже XX века российские востоковеды совместно со своими коллегами из Западной Европы пришли к формулировке схожего мнения о преобразующей силе науки востоковедения. И были невероятно разочарованы, когда их правительства не выказали должной поддержки такой точке зрения⁷⁹.

Джеймс Клиффорд отмечает, что во «французском контексте критические вопросы, подобные тем, которые были сформулированы Эдвардом Саидом, были поставлены уже во времена Алжирской войны, и их четкие формулировки можно найти и до 1950 года»⁸⁰. Сюзанн Маршанд указывает, что между 1880-ми и 1920-ми годами австрийские и немецкие ориенталисты разработали систему последовательной критики европоцентристских взглядов на историю и культуру, тем самым предвосхитив постколониальные дискуссии, начавшиеся в 1960-х годах⁸¹. Российские ученые рубежа XX века — под влиянием своих немецких коллег и общих интеллектуальных тенденций в Европе и России, а также в ответ на такие политические события, как Первая мировая война, русская революция, распад Российской империи и ее последующее воссоздание большевиками, сопровождаемое антиимперской риторикой, и усилившееся политическое давление в конце 1920-х годов — выступили с крайне радикальными идеями о развращающем влиянии имперской политики Европы на востоковедение как науку.

⁷⁸ *Dirks N. Castes of Mind: Colonialism and the Making of Modern India. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 9.*

⁷⁹ Их аргументация по этому поводу анализируется в гл. 3.

⁸⁰ *Clifford J. On Orientalism // Clifford J. The Predicament of Culture: Twentieth-Century Ethnography, Literature, and Art. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988. P. 267.*

⁸¹ *Marchand S. German Orientalism and the Decline of the West.*

Российская критика взаимоотношений власти и знания отличалась большей системностью и жесткостью в подходе, чем критика их австрийских и немецких коллег. Я показываю в этой книге, что работа Саида «Orientalism» отразила критику европейского востоковедения, сформулированную Ольденбургом и Марром. Мною показано, что это опосредованное российское влияние на Саида было оказано через арабских интеллектуалов 1960-х годов, обучавшихся в Советском Союзе. Этот показательный пример циркуляции идей до сих пор оставался незамеченным, поскольку в связи с исключением России из «Европы» в результате холодной войны обзорные исследования истории европейского востоковедения ученых постколониального направления, как правило, игнорируют работы российских востоковедов, несмотря на то что на рубеже XX века эти востоковеды были полноправными членами европейского академического мира⁸².

Еще один вопрос, интересующий как современных исследователей, так и имперских ученых, связан со спецификой российской ситуации⁸³. Было ли у российских востоковедов отношение к народам Востока, отличное от их западных коллег? Насколько серьезно мы должны принимать заявления российских ученых прошлого о таком отличии и их притязания на нравственное превосходство перед их западными коллегами? Я стараюсь ответить на этот вопрос, исследуя взгляды российских востоковедов в контексте европейской ориенталистики того времени, потому что без такого сравнения невозможно определить, какие из аргументов российских ученых действительно являются специфически российскими.

В ходе дискуссии «Ориентализм и Россия» в журнале «Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History» Адиб

⁸² См. гл. 4.

⁸³ Ex Tempore: Orientalism and Russia // Kritika. 2000. Vol. 1. No. 4. Incl.: Khalid A. Russian History and the Debate over Orientalism. P. 697–698; Knight N. On Russian Orientalism: A Response to Adeeb Khalid. P. 706–707; Todorova M. Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? A Contribution to the Debate between Nathaniel Knight and Adeeb Khalid. P. 717–727.

Халид указывает, что плодотворная исследовательская задача — проследить историю меняющихся представлений о Востоке в России⁸⁴. По сути, один из обсуждаемых здесь ученых — Бартольд — частично ответил на этот вопрос, опубликовав в самом начале XX века новаторское исследование восприятия Востока в России и в Европе. Не только Бартольд, но и все представители школы Розена вполне отдавали себе отчет в том, что понятия «Восток» и «Запад», «Европа» и «Азия» являются конструкциями, обусловленными политически, культурно и социально. Ими было много написано о происхождении различных определений Европы и Азии и в процессе этого поставлена под сомнение и отвергнута как плод европейского воображения дихотомия Восток — Запад. Попытка, хотя и не всегда последовательная, отказаться от этой дихотомии стала важной составляющей их мировоззрения и сильно повлияла на их восприятие самой России.

Тем не менее в высказываниях этих ученых нашли свое отражение определенные характеристики ориентализма, как его описал Саид. Они настаивали на своем праве и способности говорить от имени народов Востока, чью историю и культуру, по их собственным заявлениям, они знали лучше других; их труды не были лишены стереотипов и слишком широких обобщений. И все же центральный принцип ориентализма, определенный Саидом как «стиль мышления, основанный на онтологических и эпистемологических различиях между “Востоком” и (в большинстве случаев) “Западом”»⁸⁵, не отражает многогранности и специфики представлений Розена и его учеников.

Последний раздел книги повествует об истории отношений имперских востоковедов с представителями национальных меньшинств, которые они изучали. Современные ученые, исследующие историю связей между представителями имперской власти и «туземцами» в иных контекстах, нежели в российском, спорят о том, могут ли такие контакты

⁸⁴ Khalid A. Russian History and the Debate over Orientalism. P. 697.

⁸⁵ Said E. Orientalism. P. 2.

быть с полным основанием описаны как «диалоги»⁸⁶. В этих современных дискуссиях преобладают исследования, относящиеся преимущественно к Южной Азии. Поэтому очень часто даже те, кто расценивает такие контакты как диалоги, приходят к заключению, что глубокое неравенство между сторонами было главным принципом любых отношений между имперскими учеными и «просвещенными туземцами»⁸⁷. Здесь мной исследуется заявление российских ученых о том, что они относились к представителям национальных меньшинств России как к подлинным партнерам по выработке знаний о Востоке. В моем анализе ситуации и имперские ученые, и представители национальных меньшинств выступают в качестве социальных субъектов, находящихся под влиянием политических, социальных и институциональных структур, в которых они функционировали. При этом они не действовали по какому-либо предопределенному сценарию «саидовского ориентализма». Вместо того чтобы осуждать этих деятелей с современных точек зрения, данная книга является попыткой осмыслить логику их позиций и действий, которые зачастую представляются нам противоречивыми, и определить, почему «наиболее проникательные и благонамеренные» ученые прошлого иногда «не могли понять вещей, которые стали очевидными даже для менее проникательных и временами не столь благонамеренных наблюдателей» современности⁸⁸.

⁸⁶ См. спец. вып. «Power and Dialogue in the Production of Colonial Ethnographies in Nineteenth-Century India»: South Asia Research. 1999. Vol. 19. No. 1; *Raj K.* Colonial Encounters and the Forging of New Knowledge and National Identities: Great Britain and India, 1760–1850 // *Osiris*. 2000. Ser. 2. Vol. 15. P. 119–134; *Raj K.* Relocating Modern Science: Circulation and the Construction of Knowledge in South Asia and Europe, 1650–1900. Basingstoke: Macmillan, 2007; *Irschick E.* Dialogue and History: Constructing South India, 1795–1895. Berkeley: University of California Press, 1994. См. также: *Brower D.* Along the Borderlands of the Empire (A Conclusion) // *Orientalism and Empire in Russia* / M. David-Fox, P. Holquist, A. Martin, eds. Bloomington: Slavica, 2006. P. 358–359.

⁸⁷ Подробнее этот вопрос обсуждается в гл. 5.

⁸⁸ Цит. из: *Bourdieu P.* The Logic of Practice. Stanford: Stanford University Press, 1990. P. 5.

Глава 1

НАЦИЯ, ИМПЕРИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Ученые школы Розена жили и работали в период все возрастающей роли национализма как политического движения и идеологии в Европе. Мышление в национальных категориях стало влиять на имперские представления о политической легитимности и на политику, направленную на интеграцию разнородных территорий и подданных империи. Следует помнить, что в целом, в отличие от того, как мы представляем себе ситуацию сейчас, на рубеже XX века национальное строительство и сохранение имперских структур не считались несовместимыми. На рубеже XIX века европейцы начали представлять себе мир поделенным на нации и приписывать особую ценность национальной принадлежности. Тем не менее в большинстве случаев это не приводило к оспариванию легитимности империй. Национальные движения среди колонизированных народов, возникавшие внутри империй, как правило, сразу же не требовали политической независимости, а обычно искали взаимоприемлемое решение в рамках имперских структур⁸⁹. В свою очередь, в XIX веке

⁸⁹ *Cooper F.* Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History. Berkeley: University of California Press, 2005. P. 22, 172; *Hagen von M.* Federalisms and Pan-movements: Reimagining Empire // *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930* / J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev, eds. Bloomington: Indiana University Press, 2007. P. 494–510; *Кондратенко Д. П.* Самодержавие, либералы и национальный вопрос в России в конце XIX – начале XX века. Киров: Вятский гос. гуманитар. ун-т, 2005. Гл.4.

начинается консолидация имперских метрополий при помощи стратегий национально-государственного строительства⁹⁰. Границы «национальных центров» имперских государств не оставались фиксированными и статичными, а менялись с течением времени и оспаривались различными акторами как в имперских центрах, так и на колониальной периферии.

Помимо этого, на протяжении XIX и в начале XX века имперским правительствам становится сложнее ограничивать введение новых гражданских прав только метрополиями, не распространяя эти права на жителей колоний. Эти изменения опять-таки повлияли на появление новых дискурсов политической легитимности империй, которые основывались не только на проведении границ и подчеркивании различий между имперскими нациями и колониальными подданными, но и на стратегиях интеграции последних в общеимперское политическое пространство⁹¹. В конечном итоге метрополии и колонии стали изображаться имперскими элитами как единые политические пространства даже в случаях заокеанских империй Франции и Великобритании⁹². В таких империях, как Россия, не имеющих подчиненных им территорий за океаном, метрополия и имперская периферия всегда являлись единым географическим и, до некоторой степени, политическим пространством. Территориальная нераз-

⁹⁰ Berger S., Miller A. Nation-building and Regional Integration, c. 1800–1914: the Role of Empires // *European Review of History*. 2008. Vol. 15. No. 3. P. 317–318; Miller A. The Empire and the Nation in the Imagination of Russian Nationalism // *Imperial Rule* / A. Miller, A. Rieber, eds. Budapest: Central European University Press, 2004. P. 9–26; Cooper F. Colonialism in Question. P. 172.

⁹¹ Ibid. P. 22–29; Yaroshevski D. Empire and Citizenship // *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917* / D. Brower, E. Lazzerini, eds. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 58–79; Lohr E. The Ideal Citizen and Real Subject in Late Imperial Russia // *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. Vol. 7. No. 2. P. 173–194; Национальная политика России: история и современность. М.: Рус. мир, 1997.

⁹² Cooper F. Colonialism in Question. P. 28–29.

рывность Российской империи открывала дополнительные возможности для политической и культурной интеграции имперской периферии уже на более ранних стадиях, чем в случае заокеанских империй. Поэтому неудивительно, что при рассмотрении проблем государственной легитимности и интеграции имперской периферии российская элита еще со времен Великих реформ периода царствования Александра II взяла на себя инициативу в использовании политических решений, заимствованных из арсенала идей, которые сегодня прочно ассоциируются с национализмом. Так, например, культурную и административную русификацию меньшинств в позднеимперский период следует понимать как попытку укрепления целостности империи с помощью механизмов национального строительства⁹³.

Русификация являлась не единственной политикой, посредством которой российская элита пыталась управлять государственной территорией с населявшими ее многочисленными народами и этническими группами. Отмечая ограниченный характер и многочисленные противоречия политики русификации, современные ученые описывают целый ряд подходов различных групп имперской элиты к решению сложных задач по управлению культурным многообразием России⁹⁴. В частности,

⁹³ *Kaspe S. Imperial Political Culture and Modernization in the Second Half of the Nineteenth Century // Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930. P. 455–493; Miller A. The Romanov Empire and Nationalism. Budapest: Central European University Press, 2008; Hosking G. Russia: People and Empire, 1552–1917. London: Harper Collins, 1997; Tölz V. Russia: Inventing the Nation. London: Edward Arnold, 2001.* Между тем то, что обычно воспринимается как традиционные способы легитимации имперской власти (династические и религиозные), использовалось также в национальном строительстве по всей Европе, см.: *Janowski M. Justifying Political Power in 19-th Century Europe: The Habsburg Monarchy and Beyond // Imperial Rule. P. 69–82.*

⁹⁴ *Kappeler A. The Ambiguities of Russification // Orientalism and Empire in Russia / M. David-Fox, P. Holquist, A. Martin, eds. Bloomington: Slavica. P. 227–233; Brower D. Along the Borderlands of the Empire // Orientalism and Empire in Russia. P. 349–361; Slezkine Y. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca: Cornell University Press, 1994;*

Остин Джерсилд предлагает глубокий анализ того, как с 1830-х годов идеи романтического (этнокультурного) национализма содействовали развитию толерантности и даже способствовали культивированию некоторыми российскими чиновниками этнокультурной идентичности среди меньшинств на восточных и южных окраинах Российского государства⁹⁵.

К 1870-м годам подход знаменитого миссионера Николая Ильминского к интеграции восточных и южных меньшинств, называемых тогда инородцами⁹⁶, который Джерсилд приводит в качестве примера, получил особую известность. В период между 1880 и 1905 годами этот подход имел поддержку со стороны Министерства просвещения и обер-прокурора Святейшего синода Константина

Weeks Th. Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1996; *Werth P. W.* At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. Ithaca: Cornell University Press, 2002; Казань, Москва: Российская империя взглядом из разных углов: [Сборник статей] / Ред. Б. Гаспаров [и др.]. М.: О.Г.И., 1997; *Jersild A. L.* Faith, Custom, and Ritual in the Boderlands: Orthodoxy, Islam, and the «Small Peoples» of the Middle Volga and the North Caucasus // *The Russian Review*. 2000. Vol. 59. No. 4. P. 512–529; Национальная политика России: история и современность. М.: Рус. мир, 1997; *Кондратенко Д. П.* Самодержавие, либералы и национальный вопрос в России в конце XIX – начале XX века. Киров: Вятский гос. гуманитар. ун-т, 2005; *Geraci R.* Window onto the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca: Cornell University Press, 2001; *Могильнер М.* Homo imperii. История физической антропологии в России (конец XIX – начало XX в.). М.: Новое литературное обозрение, 2008.

⁹⁵ *Jersild A. L.* Faith, Custom, and Ritual in the Boderlands: Orthodoxy, Islam, and the «Small Peoples» of the Middle Volga and the North Caucasus // *The Russian Review*. 2000. Vol. 59. No. 4. P. 512–529; *Melkadze J., Melkadze N.* The Dilemmas of Enlightenment in the Eastern Borderlands: The Theatre and Library in Tbilisi // *Orientalism and Empire in Russia*. P. 295–316.

⁹⁶ Анализ использования термина «инородец» см.: *Slocum J.* Who and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category «Aliens» in Imperial Russia // *Russian Review*. 1998. Vol. 57. No. 2. P. 173–190; *Бобровников В. О.* Что вышло из проектов создания в России инородцев? // *Понятие о России. К исторической семантике имперского периода*. Т. II. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 259–291.

Победоносцева. Анализируя взгляды Ильминского на языки и верования малых этнических групп Поволжья, Джерсилд и Роберт Герачи продемонстрировали, что подход этого миссионера к распространению православия среди «инородцев» не может быть полностью сведен к имперской политике «разделяй и властвуй», то есть к попыткам уберечь чувашей, мордву и вотяков от обращения в ислам⁹⁷. На самом деле Ильминский и некоторые другие, часто консервативные, российские чиновники и общественные деятели, основываясь на идеях романтического национализма, поддерживали местные языки и «коренные традиции» меньшинств, поскольку они придавали им большую самостоятельную ценность⁹⁸. Но тем не менее русификаторские цели, конечно, присутствовали в деятельности Ильминского и его последователей. Его проект основывался на традиционном, религиозном определении русской идентичности (русский как православный). Православие бесспорно представлялось Ильминскому как высшая форма религии. Несмотря на всю его симпатию к этнической партикулярности меньшинств, главной причиной, по которой он не поощрял быстрой ассимиляции крещеных «инородцев» в русскую культурную среду, было его убеждение, что, оставаясь хорошо интегрированными в свои этнические сообщества в первые годы после принятия крещения, эти представители «инородцев» будут лучше способствовать обращению в православие всех членов их общин⁹⁹.

Как отмечалось в отчете об Особом совещании по вопросам образования восточных инородцев, которое в 1905 году, через 14 лет после смерти Ильминского, подтвердило эффективность его подхода:

Для инородцев язычников он (Ильминский. — В. Т.) тоже желал приобщения к православной церкви, как высшего

⁹⁷ *Geraci R. Window on the East. P. 47–85.*

⁹⁸ *Jersild A. L. Faith, Custom, and Ritual in the Borderlands.*

⁹⁹ *Geraci R. Window on the East. P. 74.*

блага... Он желал этого православия потому, что оно должно дать инородцу высшее духовное развитие и сделать его, инородца, счастливым и на земле, и на небе... Примыкая к мнению, высказанному Ренаном о несовместимости мусульманства с умственной культурой, Ильминский всегда сердечно желал счастья мусульманам, понимая его в смысле ослабления влияния ислама на быт народа¹⁰⁰.

В соответствии с этой позицией различные формы язычества и шаманизма представлялись как меньшее препятствие к интеграции «инородцев» в общероссийские государственные структуры, чем такие мировые религии, как ислам и буддизм. Многие участники Особого совещания 1905 года были критически настроены по отношению не только к исламу, но и к буддизму. Критика последнего была отражена в длинном отчете о буддийских общинах России, подготовленном профессором монгольского языка Санкт-Петербургского университета Алексеем Позднеевым. Позднеев получил в том числе и духовное образование в семинарии в Орле, и в его представлениях об интеграции «инородцев» православию отводилась важная роль. Называя исповедование буддизма бурятами и калмыками «злом», он предлагал «бороться с этим злом... только путем усиления христианской проповеди»¹⁰¹. Для Позднеева, который не подвергал сомнению дихотомию Запада и Востока и превосходство Европы над остальным миром, буддизм был проявлением «азиатской культуры Востока», которая создавала барьер между бурятами и калмыками и европейской Россией¹⁰².

Ставя в центре своего интеграционного проекта православие, Ильминский и его последователи были крайне озабочены последствиями влияния европейского

¹⁰⁰ Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев / Под ред. А. С. Будиловича. СПб.: Тип. Э. Л. Пороховщиковой, 1905. С. 10.

¹⁰¹ Там же. С. 144.

¹⁰² Там же. С. 191.

образования на «инородцев», так как оно, по их мнению, могло привести к появлению сепаратистских форм политического национализма. Уже в 1890-х годах последователь Ильминского из Казанской духовной академии Евфимий Малов отмечал такое непреднамеренное и, с его точки зрения, крайне нежелательное последствие системы Ильминского. Развитие событий в период революции 1905 года только подтвердило для Малова и Позднеева их опасения, что доступ к образованию на родных языках «инородцев» плодит среди них антирусские настроения и сепаратизм¹⁰³.

Взгляд Ильминского на то, как интегрировать нерусские меньшинства, сохраняя при этом их этнические особенности, был, конечно, не единственным в позднеимперский период. Те деятели, которые не разделяли миссионерских целей Ильминского, склонны были меньше бояться по крайней мере некоторых форм современного национализма. Таков, например, случай Василия Радлова, известного тюрколога немецкого происхождения, который в 1870-х годах был инспектором татарских, башкирских и киргизских мусульманских школ в Казанском учебном округе. Радлов защищал идею образования на татарском языке и демонстрировал определенное уважение к исламу. При этом школы, созданные на основе его идей, должны были развивать интерес студентов к светскому европейскому образованию, «предлагая вместо “фанатической” версии татарской культуры ее более умеренный, прорусский вариант¹⁰⁴».

Близкую к Радлову позицию занимал востоковед Василий Григорьев, разработавший систему образования на разговорном языке для казахов. Нужно отметить, что, по мнению Григорьева, доступ к европейскому образова-

¹⁰³ Geraci R. Window on the East. P. 233, 254–255; Позднеев А. М. Отчет о поездке к терским, уральским и оренбургским калмыкам // АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 60. Л. 97; Позднеев А. М. О новом бурят-монгольском алфавите // АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 69. Л. 1–5.

¹⁰⁴ Geraci R. Window on the East. P. 144.

нию должен был предохранить казахов от исламизации¹⁰⁵. Такая позиция отражала более новое понимание русской идентичности (культурное, а не религиозное) по сравнению с тем, что предлагал Ильминский. Но тем не менее обе позиции сходились в строго иерархическом восприятии культур и религий, уверенности в превосходстве русской (европейской) культуры и незыблемости дихотомии между Западом и Востоком¹⁰⁶.

Идеи учеников Розена следует поставить в контекст различных интеграционных проектов сторонников «этнического плюрализма», которые, как это было в случае с Ильминским, Григорьевым и Радловым, придерживались мнения, что «принцип уважения к племенным особенностям инородцев усиливает Россию, а не ослабляет ее»¹⁰⁷. Ученики Розена разделяли с Ильминским веру в основополагающую роль того, что они называли «национальным самосознанием» в жизни людей как отдельных личностей и как представителей коллектива. Они сходились во мнении с Григорьевым и Радловым, что определенные формы современного национального сознания могут способствовать, а не обязательно затруднять интеграцию нацменьшинств.

Но при этом ученики Розена, чья карьера началась в 1890-х годах, представляли собой уже новое поколение, и они предложили новые аргументы в пользу «этнического плюрализма» как особой силы России. Ученики Розена были продуктом общеевропейского ревизионизма рубежа

¹⁰⁵ *Веселовский Н. И.* Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам, 1816–1881. СПб.: Тип. А. Траншея, 1887. См также: *Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire?* // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. No. 1. P. 74–100.

¹⁰⁶ *Geraci R.* Window on the East. P. 144, 150–151, 274; *Штернберг Л.* Из жизни и деятельности Василия Васильевича Радлова // *Живая старина*. 1909. Вып. II–III. С. I–XXV.

¹⁰⁷ *Чичерина С. В.* Положение просвещения у Приволжских инородцев // *Известия ИРГО*. 1906. Т. XLII. Вып. II–III. С. 595. Цит. выступление одного из ближайших сотрудников Ильминского Н. А. Бобровского на особом Совещании по вопросу образования восточных инородцев.

XX века, влияния которого их учителя Григорьев и Радлов на себе не испытывали. Они также участвовали в деятельности либеральных политических кругов, которые активизировались в России в первые десятилетия XX века¹⁰⁸. Как мы увидим в этой книге, ученики Розена с гораздо большей готовностью, чем их предшественники, ставили под сомнение представления о европейском превосходстве и о непреодолимом различии между Востоком и Западом. Поэтому они были гораздо меньше склонны рассуждать о низком уровне развития неевропейских меньшинств России. Их либеральные взгляды в политике толкали их к выработке «своего рода универсалистской... политической парадигмы для империи в целом»¹⁰⁹. Взгляд на религию у учеников Розена также отличался от представлений их предшественников, будучи сформированным под влиянием поисков на рубеже XX века представителями европейских интеллектуальных элит альтернативных форм духовности и религиозности, которые включали в себя большой интерес к буддизму и критику официальной церкви¹¹⁰.

В данной главе рассматриваются аргументы, при помощи которых либеральные востоковеды на рубеже

¹⁰⁸ Политические позиции учеников Розена могут быть описаны в соответствии с определением специфики либерализма в позднеимперском российском контексте, предложенным Мариной Могильнер. Согласно Могильнер, либерализм в России означал приверженность к «широкому кругу определенных ценностей без четкой политической платформы... В обществе, где не было устоявшейся традиции либеральной политики, достаточно размытое определение «либерализма» подразумевало «непредубежденную позицию, рационализм и (поиск) эффективных средств» управления (*Mogilner M. Russian Physical Anthropology in Search of «Imperial Race»: Liberalism and Modern Scientific Imagination in the Imperial Situation // Ab Imperio. 2007. No. 1. P. 196*).

¹⁰⁹ *Ibid.* P. 213. Статья Могильнер анализирует российскую либеральную антропологию позднеимперского периода. Она отмечает сходное уклонение среди либеральных антропологов от проведения четких расовых границ и отказ от иерархических представлений о культурных различиях.

¹¹⁰ См. об этом гл. 2, 4 и 5.

XX века подкрепляли свой вывод о том, что лучшим способом интеграции различных национальностей и этнических групп в политическое и общекультурное пространство Российской империи является воспитание в них более сознательного отношения к своему культурному наследию и гордость за него. Я стараюсь показать, что обсуждаемые мною востоковеды сформулировали понимание взаимосвязи между этнокультурной идентичностью нерусских народностей, региональной интеграцией и имперскими структурами, которое существенно отличалось от хорошо исследованного проекта Ильминского и позиций других поборников «этнического плюрализма» предшествующих поколений. Таким образом, востоковеды школы Розена оказываются более прямым звеном, чем Ильминский, связывающим представления об этнической идентичности и национальной принадлежности дореволюционного и советского периодов¹¹¹. Данная глава начинается с обсуждения того, как эти востоковеды представляли себе Россию как империю; затем мы рассмотрим, как мышление в национальных категориях повлияло на восприятие учеными языка и культуры изучаемых ими народностей. В конце главы предлагается анализ того, как идеи востоковедов о необходимости культивировать множественные, комплементарные идентичности, чтобы более эффективно управлять этническим многообразием России, получили дальнейшее развитие в советский период.

¹¹¹ Об определенной преемственности в представлениях о проблемах этнической и национальной принадлежности среди представителей имперской и ранней советской элиты см.: *Hirsch F. Empire of Nations. Другие работы, также указывающие на эту преемственность: Jersild A. L. Faith, Custom, and Ritual in the Boderlands. P. 528; Steinwedel Ch. To Make a Difference: the Category of Ethnicity in Late Imperial Russian Politics, 1861–1917 // Russian Modernity, Politics, Knowledge, Practices / D. L. Hoffmann, Y. Kotsonis, eds. Basingstoke: Macmillan, 2000. P. 70. Сходство ленинской национальной политики и подхода Ильминского обсуждается в: *Kreindler I. A Neglected Source of Lenin's Nationalities Policy // Slavic Review. 1977. Vol. 36. No. 1. P. 86–100.**

Мышление по-имперски

Изучая «собственный Восток», российские ученые нередко сравнивали свою страну с другими империями, имевшими колонии в Азии. Как показывают Фредерик Купер и Анна Столер, в тот период существовал особый транснациональный имперский дискурс. Иными словами, политические и интеллектуальные элиты Европы использовали стандартный набор аргументов и нарративов для описания, объяснения и оправдания колониальной политики своих стран¹¹². Российские элиты, включая учеников Розена, активно участвовали в выработке этого дискурса. Примечательно, что вплоть до 1910-х годов с точки зрения большей части русской интеллигенции и правительственных чиновников британская, французская и голландская заокеанские колониальные империи представляли более привлекательные модели для России, чем континентальные Австро-Венгерская и Османская империи. Одной из центральных проблем был вопрос, как оправдать имперскую экспансию и господство над народами других культур в условиях, когда европейцы придавали столь большое значение (культурно определяемому) «национальному самосознанию»¹¹³. Так, например, мучительно бившийся над этой проблемой ведущий специалист по Средней Азии Николай Веселовский утверждал:

Мы думаем, что внесли цивилизацию... мы думаем, что мы дали покоренным нами азиатцам мир, спокойствие, безопасность... Но есть еще и высшее благо, выше всего этого. Это национальность, национальное чувство... Надо войти в положение покоренных мусульман. Тяжела смерть политическая, еще тяжелее смерть национальная¹¹⁴.

¹¹² Tensions of Empire: Colonial Cultures in a Bourgeois World / F. Cooper, A. L. Stoler, eds. Berkeley, Calif.: University of California Press, 1997. P. 3.

¹¹³ Pitts J. A Turn to Empire: The Rising of Imperial Liberalism in Britain and France. Princeton: Princeton University Press, 2005. P. 11.

¹¹⁴ Цит. по: Лунин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1965. С. 35.

Начиная с первой половины XIX века главным оправданием европейского империализма стала концепция цивилизационной миссии, отражавшая уверенность европейцев в том, что они, как представители высшей цивилизации, если и не всегда в действительности, то по крайней мере потенциально могут предложить своим колониальным подданным справедливую систему правления. Они также полагали, что в целом распространение ценностей христианства и таких проектов модернизации, как учреждение европейского образования и эмансипация женщин, оказывали благотворное влияние на население колоний¹¹⁵. С XVIII столетия российской элите была присуща уверенность, что она является носителем европейских ценностей в Азии.

В 1840-х годах идея русской цивилизационной миссии на Востоке становится важным элементом идеологии русского национализма¹¹⁶. Оправдание имперского господства ссылками на цивилизационную миссию и превращение этой миссии в определяющую черту имперских наций не были спецификой России¹¹⁷. Однако в первой половине XIX века эта мессианская идеология приобрела особый резонанс в России, и востоковеды одними из первых стали утверждать, что Россия имеет специальную миссию в Азии.

В 1840 году именно Василием Григорьевым — учителем Розена было высказано предположение, что из-за географического положения России и поскольку, по его мнению, славяне имели больше «азиатского элемента» в своей культуре, чем другие европейцы, Россия могла особенно эффективно «сохранить их [азиатские народы],

¹¹⁵ *Cooper F. Colonialism in Question. P. 172; Pitts J. A Turn to Empire. P. 11; Metcalf Th. The Ideologies of the Raj. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 15.*

¹¹⁶ *Bassin M. Imperial Visions: National Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 52–55.*

¹¹⁷ *Cooper F. Colonialism in Question. P. 172.*

устроить и просветить»¹¹⁸. Двадцатью пятью годами позже, демонстрируя свое понимание симбиотической связи между проектами национального и имперского строительства в Европе, Григорьев утверждал, что Россия, по его мнению, не выполняет своей «миссии в Азии», потому что только люди, умеющие мыслить в национальных категориях, могут успешно осуществлять имперские проекты. В своей статье в славянофильской газете «День» Григорьев отмечал:

Нужно... обзавестись чувством любви к своему народу, чувством уважения к своей народности. Будет русский деятель в сношениях с Азией сознавать в себе сына своей земли, а не наемника, будут ему дороги интересы своего народа, а не личные выгоды, станет он постоянно думать о задаче, на него возложенной, как бы исполнить ее с наибольшей пользой для отчизны — явится у него уразумение Азии... Примеры этого видим мы ежедневно в англичанах, служащих в азиатских владениях Британии и ее восточных миссиях¹¹⁹.

Представление Британии в качестве положительного примера для России на том основании, что большинство британцев якобы обладают сильным чувством национальной самобытности и гордости за собственные исторические традиции, было озвучено еще ранними славянофилами в 1840-х годах¹²⁰. Таким образом, Григорьев использовал аргументацию, хорошо известную читателям газеты «День», чтобы представить модель, которой

¹¹⁸ Григорьев В. В. Об отношении России к Востоку: Речь, произнес. исправляющим должность проф. В. Григорьевым. [Одесса, 1840.] С. 7–8.

¹¹⁹ Он же. В опровержение некоторых мнений, высказанных в последнее время о преподавании восточных языков в России и об изучении у нас Востока вообще // День. 1865. № 34 (25 сент.). С. 794.

¹²⁰ Ранние славянофилы: А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы / Сост. Н. Л. Бродский. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1910. С. 64–65, 120–121.

Россия, по его мнению, должна следовать в организации имперского правления.

Научные карьеры ученых школы Розена начинались в то время, когда российское имперское владычество стало критиковаться более резко, чем прежде. Известное осуждение Львом Толстым имперской политики России на Северном Кавказе в его повести «Хаджи-Мурат» — лишь один из наиболее известных примеров возрастающей критики российского империализма, развернувшейся на рубеже XX столетия¹²¹. Либеральные востоковеды стали одними из главных критиков российского империализма¹²². В этом новом контексте последователи Розена стали проявлять бóльшую избирательность, чем их предшественники в отношении элементов «европейской культуры», которые, как они считали, будут играть цивилизующую роль на Востоке России. Из того арсенала европейских ценностей, которые, как предполагалось, русским предстояло распространять в Азии, они особенно выделяли один элемент. Вместо того чтобы распространять на Востоке христианство, они обещали нести туда плоды европейской научной мысли.

Здесь востоковеды стали применять к нацменьшинствам те же аргументы, что русская интеллигенция применяла по отношению к русскому крестьянству с 1860-х годов. Тогда стало утверждаться, что распространение «научного мышления» среди крестьян могло стать панацеей от пороков существующего порядка. Востоковеды действительно видели параллели между формами, используемыми для интеграции русского крестьянства

¹²¹ См., например: *Layton S. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 263–287.

¹²² Переписка Марра с Розеном. 1904 // ПФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 269, Л. 6 об.; *Радлов В.* Из Сибири: страницы из дневника. М.: Наука, 1989. С. 662, 664; *Оглезнева Т. Н.* Русское Географическое Общество: изучение народов северо-востока Азии. 1845–1917. Новосибирск: Наука, 1994. С. 95–96, 119; *Наливкин В. П.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент: Тип. Товарищества печатного дела, 1913.

и «инородцев»¹²³. Востоковеды обещали «раскрыть» с помощью европейских научных методологий народам Востока их собственное великое прошлое и, что немало важно, привлечь представителей восточных народностей к участию в подобных исследованиях.

Бартольд, который всегда решительно провозглашал превосходство европейской эпистемологии над «туземными» формами знания, утверждал при защите своей диссертации в 1900 году:

Как недавно было сказано, тоже в речи перед диспутом, другим представителем нашей науки¹²⁴, восточные народы вернее всего поверят в превосходство нашей культуры, когда убедятся в том, что мы знаем их лучше, чем они сами себя знают <...>. Может быть, скромные труды русских ориенталистов еще более, чем другие успехи русской культуры будут содействовать мирному сближению народов Востока с Россией¹²⁵.

Еще раньше, в статье о развитии науки в Туркестанском крае, Бартольд выразил надежду, что русские и «туземцы» будут работать вместе в местном отделении Географического общества, которое планировалось к открытию. По его мнению, такое сотрудничество «было бы очень полезно как для самих туземцев, так и для их русских собратьев. Последним указания туземцев, несомненно, будут очень полезны при изучении различных явлений туземной жизни; с другой стороны, туземцы, под влиянием своих европейских сочленов, могут постепен-

¹²³ О сходстве восприятия азиатских нацменьшинств и русского крестьянства в русской интеллектуальной традиции см.: *Etkind A. Internal Colonization. Russia's Imperial Experience. Cambridge: Polity Press, 2011.* Также см.: *Frank S. P. Crime, Cultural Conflict and Justice in Rural Russia, 1856–1914. Berkeley: University of California Press, 1999.* P. 19–50.

¹²⁴ Здесь Бартольд имеет в виду Марра.

¹²⁵ *Бартольд В. В. Речь перед защитой диссертации. С. 610.*

но усвоить себе главные научные приемы, выработанные европейскими [учеными]»¹²⁶.

Аргумент, выдвинутый Эдвардом Саидом и другими постколониальными критиками, о том, что европейские востоковеды изолировали «колонизированных Других в статичных понятиях традиций, специально разработанных с целью отстранения их от контроля над условиями их собственной жизни»¹²⁷, может быть принят как чаще всего непреднамеренное последствие деятельности имперских элит. Вместо этого, как убедительно показал Дэвид Леливельд, сами представители имперских элит обычно верили, что они преобразовывали общества, находящиеся под их контролем, чтобы «сделать их полноправными участниками, производителями и потребителями в мировой системе обмена»¹²⁸.

Цели Бартольда можно лучше всего понять именно в свете анализа Леливельда. Во время защиты своей диссертации Бартольд настойчиво утверждал, что его исследование, основанное на самых передовых методах европейской науки, показало, что, в отличие от широко распространенных предрассудков, у народов Туркестана была великая история¹²⁹. Тем «другим представителем» востоковедения, которого имел в виду Бартольд, когда выступал с процитированной выше речью, был Марр. Хотя позднее в своей жизни Марр часто подвергал резкой критике европоцентристские предрассудки в трудах своих коллег и нападал на различные аспекты применяемых ими методологий как отражающих имперское мышление, в 1899 году он еще более отчетливо, чем Бартольд, постулировал, что целью России должно быть распространение

¹²⁶ Бартольд В. В. Положение науки в Туркестанском крае // Сочинения. Т. 9. С. 491.

¹²⁷ Lelyveld D. The Fate of Hindustani: Colonial Knowledge and the Project of a National Language // Orientalism and the Postcolonial Predicament: Perspectives on South Asia / C. A. C. Breckenridge, P. van der Veer, eds. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1993. P. 194.

¹²⁸ Ibid.

¹²⁹ Бартольд В. В. Речь перед защитой диссертации. С. 608.

«не только образования, но и благ [европейского] научного мышления» среди всех ее национальностей¹³⁰. Как мы увидим далее, имперские ученые предприняли практические меры, чтобы «распространять европейские научные достижения» среди народов российского Востока и вовлекать их представителей в «открытие» их собственного прошлого и собственных коренных традиций.

В то же время российские востоковеды настаивали на превосходстве своего собственного подхода к народам Востока, равно как и имперских проектов своей страны, по сравнению с западноевропейскими. Некоторые востоковеды-практики, такие как военные эксперты по Туркестану Михаил Венюков и Андрей Снесарев, повторяли убеждение, широко распространенное среди политической элиты России, что российская имперская экспансия была менее жестокой, чем обращение англичан с коренным населением Новой Зеландии или европейцев с «краснокожими индейцами» Северной Америки. Они также утверждали, что власть России в Средней Азии была гораздо менее эксплуататорской по отношению к «туземцам», чем «хищнический» британский империализм в Индии¹³¹.

В свою очередь, обсуждаемые здесь либеральные ученые, готовые выступить с критикой имперской политики правительства и признавать жестокие аспекты русского империализма¹³², иногда также настаивали на сходстве России с Азией и ее способности лучше понимать народы Востока, чем это могли бы сделать западные европейцы. Некоторые последователи Розена начали утверждать, что методы их полевой работы в моральном плане превосходят те, что практиковали их западно-

¹³⁰ *Мафр Н. Я.* Всероссийская культурная проблема // ПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 2366. Л. 1.

¹³¹ *Венюков М. И.* Россия и Восток. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1877. С. 114; *Снесарев А. Е.* Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1906. С. 123.

¹³² См., например: *Ольденбург С. Ф.* Интересы России на Крайнем Востоке (1905) // ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 135. Л. 39–45.

европейские коллеги. Развивая тему, сформулированную в течение XIX века широким спектром представителей русской интеллигенции, Ольденбург и Марр, в частности, утверждали, что Россия, «сосед Востока, всегда хорошо его знала и понимала» и поэтому обладала преимуществом в его изучении по сравнению с западными европейцами¹³³. Они также настаивали на том, что русская наука проявляла большее уважения к потребностям народов Азии, чем это было на Западе¹³⁴. Таким заявлениям не стоит верить на слово. И тем не менее нарратив до некоторой степени формирует действия. «Потребности» народов Азии, на которые ссылались Марр и Ольденбург, были непосредственно связаны, по мнению этих ученых, с тем, что они называли «национальным пробуждением» среди народностей российского Востока. А теперь рассмотрим, как ученые воспринимали эти «потребности» и почему они думали именно так, а не иначе.

Мышление в национальных категориях

Империализм оказывал большое влияние на востоковедение. Но начиная с XIX века влияние идей национализма на развитие науки тоже было очень значительным. Первая книга Саида об ориентализме и работы тех постколониальных критиков, которые недооценивали воздействие на востоковедение национального мышления и национального строительства в европейских обществах, дают искаженную картину отношений между

¹³³ См. критику утверждения Ольденбурга: *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. С. 482.

¹³⁴ *Ольденбург С. Ф.* Экспедиция Д. А. Клеменца в Турфан в 1898 // Известия Восточного отделения Русского Географического Общества [ИВОРОГ]. 1917. № 45. С. 111; *Дьяконова Н. В.* Шикшин: Материалы Первой Туркестанской экспедиции академика С. Ф. Ольденбурга, 1909–1910. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1995. С. 5–10; *Марр Н. Я.* Кавказский культурный мир и Армения // ЖМНП. 1915. Ч. LVII. № 6. С. 327.

исследованиями европейских востоковедов и тем политическим и социальным контекстом, в котором они производились¹³⁵. В случае России мышление в национальных категориях оказало воздействие на работу ученых и их общественную деятельность по крайней мере в четырех областях: каким образом учеными формулировались программы их исследований; как ими определялась русская самобытность; как они представляли себе различные сообщества «инородцев» в качестве этнокультурных национальностей; и как ими воспринимались пути интеграции восточных и южных нацменьшинств в общероссийское политическое и культурное пространство.

Тот факт, что ученые под влиянием романтической традиции представляли себе мир поделенным на четкие, определенные в культурном отношении нации, составлял важную идеологическую основу их исследований. Этот ключевой элемент мышления в национальных категориях придавал особую форму вопросам, поднимаемым учеными, и ответам, которые они давали, посвящая свои работы далекому прошлому, лингвистическим вопросам и этнографии. (Это, конечно, относится не только к ученым школы Розена.)

Даже если согласиться с точкой зрения постколониальной науки, что исторические исследования имперских ученых «колонизировали прошлое» колониальных подданных (то есть происходило навязывание имперской

¹³⁵ *Said E.* Orientalism. New York: Routledge, 1978. В своей работе «Culture and Imperialism» (New York, 1993) Саид более полно признает связь между восприятием Востока европейцами и формированием национальной идентичности в Европе. См. также: *Said E.* Secular Interpretation, the Geographical Element, and the Methodology of Imperialism // After Colonialism. Imperial Histories and Postcolonial Displacements / G. Prakash, ed. Princeton: Princeton University Press, 1995. P. 22. Обсуждение влияния национализма на восприятие Востока в Европе см., например: *MacKenzie J.* Orientalism: History, Theory and the Arts. Manchester: Manchester University Press, 1995; *Jenkins J.* German Orientalism: Introduction // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. 2004. Vol. 24. No. 2. P. 97–100; *Pollock Sh.* Deep Orientalism? Notes on Sanskrit and Power Beyond the Raj // Orientalism and the Postcolonial Predicament. P. 76–115.

элитой колониальному обществу своих собственных представлений о «коренных традициях») ¹³⁶, важно признать, что в XIX веке европейские ученые уделяли особое внимание истории, так как верили в важность создания «памяти о совместном прошлом, трактовавшемся как общая судьба» и в то, что только при наличии этой памяти люди способны вести полноценную жизнь и коллективно, и в качестве индивидуумов ¹³⁷. Такой подход использовался как исследователями европейских обществ, так и учеными-востоковедами для оправдания их собственных исследований, на первый взгляд не имеющих никакого значения для решения проблем сегодняшнего дня. Требования имперского завоевания и колониального господства сами по себе не могут убедительно объяснить огромную заинтересованность востоковедов в далеком прошлом. Несмотря на то что результаты лингвистических исследований на Востоке достаточно часто использовались имперской властью, уверенность в том, что язык является одним из ключевых элементов национальной идентификации, значительно повлияла на развитие исследований восточных языков ¹³⁸.

Этнография действительно использовалась в колониальных целях ¹³⁹, но первоначальные исследования в области этнографии рубежа XIX века были зачастую сосредоточены на обычаях и культуре крестьянских общин в самой Европе с целью «выявления национальной сущности» европейских обществ. Безусловно, ориенталисты часто использовали концепции и подходы для изучения народов Востока, впервые разработанные при исследовании

¹³⁶ *Dirks N. Castes of Mind. Colonialism and the Making of Modern India. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 194.*

¹³⁷ *Hroch M. From National Movement to the Fully-Formed Nation: The Nation-Building Process in Europe // Becoming National. A Reader / G. Eley, R. G. Suny, eds. New York: Oxford University Press, 1996. P. 61, 66.*

¹³⁸ *Соловьев Н. Язык, как основа национальности // Отечественные записки. 1866. Кн. I. С. 480–481.*

¹³⁹ *Dirks N. Castes of Mind. P. 43.*

европейских народов. Так, проводя крупнейшее исследование «инородцев» Сибири в 1890-х годах, экспедиция И. М. Сибирякова имела своей заявленной целью «выяснение характера народа», для чего «нужно собирать «сказки, поверия, пословицы, исследовать обычное право»¹⁴⁰. Петр Услар — ведущий эксперт по языкам Кавказа утверждал, что важно изучать «древнюю историю народа <...> потому что в ней легче подсмотреть коренные этнические свойства»¹⁴¹. Лингвистика являлась его главным занятием, так как, по его мнению, «само собою разумеется, что проявления врожденной умственной индивидуальности народа должно, прежде всего, изучать в созданном им языке»¹⁴². Для Марра цель изучения Кавказа, как он утверждал в начале своей академической карьеры, заключалась в том, чтобы «выяснить в исторической последовательности самобытные ее [национальности] проявления...»¹⁴³.

Кроме того, мышление в национальных категориях оказало влияние на общественную деятельность ученых, а также на их представления о России как о многонациональном сообществе и о месте национальных меньшинств в Российской империи. Учитель Розена — Григорьев был одним из первых ученых, кто подчеркивал тесную связь между российским востоковедением и поиском русской национальной самобытности. Его позиция представляла собой типичный пример того, что Шелдон Поллок называет ориентализмом, «направленным внутрь», что, согласно Поллоку, означает роль восприятия Востока

¹⁴⁰ Цит. по: Освободительное движение в России и якутская политическая ссылка. Ч. II. Якутск: Якутский научный центр СО АН СССР, 1990. С. 14.

¹⁴¹ Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Ч. II. Чеченский язык. Тифлис: Тип. канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1888. Отд. II. С. 6.

¹⁴² Он же. Характеристические особенности кавказских языков // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IX. Отд. 1. Тифлис: Изд-во Кавказского горского управления, 1876. С. 12.

¹⁴³ Марр Н. Я. К вопросу о задачах арменоведения // ЖМНП. Сер. 324. 1899. № 7. Отд. 2. С. 242. Переиздано в: Он же. Избранные работы. Т. 1. Л.: Изд-во ГАМИК, 1933. Цит. на с. 16.

в формировании национальной идентичности европейских народов¹⁴⁴. Григорьев говорил о необходимости для русских развивать свой собственный «национальный» подход к востоковедению и прекратить бездумное копирование позиций западных ученых. Григорьев считал, что с учетом того, что Азия была частью политического тела России, российские ученые находились в особенно благоприятном положении для развития своей собственной «физиогномики» в востоковедении. Без этого, настаивал он, международный престиж России в мире науки будет низким¹⁴⁵. Реализуя совет Григорьева, Розен сделал изучение «собственного Востока России» ключевой деятельностью в главном и старейшем научном учреждении России — Императорской Академии наук. В то же самое время сам Розен и особенно его ученики во многом отошли от взглядов Григорьева на место восточных и южных народностей в Российском государстве.

Определение Григорьевым русской нации было проявлением консервативного славянофильства. Оно являлось чисто этническим (русские как восточные славяне). Нерусские народы, в частности евреи, были из него исключены. Для Григорьева украинцы представляли собой часть единой русской нации, поэтому, несмотря на сильную критику его действий со стороны либералов в Санкт-Петербурге во время работы в Министерстве по делам печати, Григорьев принимал активное участие в реализации Указа Валуева от 1863 года, которым запрещалась публикация большинства книг на украинском языке¹⁴⁶. Поддержка Григорьевым обучения в школах кочевников казахской степи на местных языках была в значительной степени мотивирована убеждением,

¹⁴⁴ Pollock Sh. Deep Orientalism? P. 76–115.

¹⁴⁵ Веселовский Н. И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. С. 93–97. Об обсуждении взглядов Григорьева см.: Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // Slavic Review. 2000. Vol. 59. No. 1. P. 74–100.

¹⁴⁶ Он же. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. С. 249–250, 261–262.

что это помешало бы их исламизации и «отатариванию»¹⁴⁷. В 1865 году Григорьев опубликовал статью в газете «День», где описал свое видение идеального места «инородцев» в Закавказье и Оренбургской губернии. Несмотря на заявления Григорьева о заслуживающей особого внимания близости России к Азии, в данной статье подчеркивалась польза соблюдения четкого разграничения между русскими и «азиатскими» подданными империи. Его идеалом в управлении Российской империей, как это было представлено в его статье, являлись британское и голландское имперские правления на Индийском субконтиненте и в Юго-Восточной Азии. По мнению Григорьева, эти имперские проекты позволяли британцам и голландцам извлекать из колоний «моральные и материальные выгоды» для метрополий. Российское традиционное имперское владычество, которое, как заявлял Григорьев, обращалось с «азиатскими подданными как с гражданами», наравне с русским населением, подверглось критике со стороны автора, как непродуктивное¹⁴⁸.

Розен и его ученики, жившие и работавшие в другую эпоху, отвергли определение Григорьевым русской нации и отошли от его практических рекомендаций о том, какое место «азиатские» подданные должны занимать в империи. Имперские ориенталисты Европы, подобно Григорьеву, часто колебались между возведением барьеров, отделяющих имперские нации от их колониальных подданных, и разрушением таких барьеров¹⁴⁹. Начиная с 1880-х годов тенденция к разрушению барьеров и сопровождающий этот процесс поиск возможности включения Востока в европейскую идентичность выходит на первый план. В 1880-х и 1890-х годах особенно немецкие

¹⁴⁷ *Dowler W.* Classroom and Empire: The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2001. P. 38.

¹⁴⁸ *Григорьев В. В.* В опровержение некоторых мнений. С. 792.

¹⁴⁹ *Prakash G.* Another Reason: Science and the Imagination of Modern India. Princeton: Princeton University Press, 1999. P. 8.

и австрийские ученые стали активно заниматься исследованиями взаимодействия Востока и Запада, представляя его в качестве ключевой силы в формировании европейской цивилизации¹⁵⁰.

Ученики Розена предложили тот же подход в России, утверждая, вслед за своим наставником, что «единый народ», сочетающий в себе элементы европейских и азиатских культурных традиций, находился в процессе формирования на территории российского государства. В последние десятилетия XIX века три представителя российского академического сообщества сыграли особенно важную роль в разработке идеи формирования мультиэтнической всероссийской общности на территории Российской империи. Помимо самого Розена это были историк искусства Никодим Кондаков (1844–1925) и филолог Александр Веселовский (1838–1906)¹⁵¹. Под влиянием национализма, который заставил ученых Европы особенно интересоваться процессами на территориях их собственных государств, эти трм русских академика утверждали, что главной заботой ученых должно стать изучение исторических взаимосвязей между различными национальностями государства и их взаимного влияния друг на друга, в результате которого создавалось то, что они называли «национальной культурой». Наряду

¹⁵⁰ См., например: *Marchand S. The Rhetoric of Artifacts and the Decline of Classical Humanism: The Case of Josef Strzygowski // History and Theory. 1994. Vol. 33, No. 4. P. 106–130.* Этот интерес к исследованиям восточных влияний на европейскую культуру зародился в 1859 году, когда немецкий санскритолог Теодор Бенфей сделал вывод, что средневековые европейские сказки ведут свое начало от гораздо более древних индийских легенд. См.: *Ziolkowski J. M. Fairy Tales from Before Fairy Tales: The Medieval Latin Past of Wonderful Lies. Michigan: Michigan University Press, 2007. P. 201–202.*

¹⁵¹ Очень полезный анализ работ Александра Веселовского см.: *Жирмунский В. М. Вступительная статья // Веселовский А. Н. Избранные статьи. Л.: Худож. лит., 1939. С. XIV–XV.* Современный анализ научного подхода А. Н. Веселовского см.: *Шайтанов И. Классическая поэтика неклассической эпохи: Была ли завершена «Историческая поэтика»? // Вопросы литературы. 2002. № 4. С. 82–135.*

с некоторыми другими учеными Европы того времени¹⁵² они решительно отвергали предположение, что культура может иметь лишь «один этнический корень», высмеивая как проявление «узко понимаемого патриотизма» взгляды видного немецкого специалиста в области доисторической эпохи Густафа Коссинны, который приравнивал культуру к этносу¹⁵³. Такое многонациональное определение «русской культуры» было проявлением общей тенденции европейской науки к выходу за рамки ограничений романтического национального нарратива и поиску транснациональных «культурных регионов» (*Kulturkreise*), определяемых морфологическими сходствами¹⁵⁴. При этом в российском контексте национальное видение и концепция «культурных регионов» могли быть с легкостью объединены друг с другом. Знаменитое издание «Русские древности», опубликованное Кондаковым совместно с правительственным чиновником, членом Русского Императорского археологического общества

¹⁵² См.: Nationalism and Archaeology in Europe / M. Diaz-Adreu, T. Champion, eds. Boulder: Westview, 1996. P. 57, 166–184.

¹⁵³ Платонова Н. И. Истоки Санкт-Петербургской школы археологии // Археолог, детектив и мыслитель. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 43–71, особ. С. 51–53. В своем в целом очень продуктивном анализе идей Кондакова и Розена Платонова ошибочно расценивает их позицию как не имеющую отношения к национализму и, таким образом, «объективную», в отличие от откровенно предвзятой позиции ученых, на которых оказал влияние русский этнонационализм. Примечательно, что Евгений Аничков (1866–1937) – крупный культурный деятель Серебряного века и специалист в области славянского фольклора утверждал, что Веселовский и Кондаков, сами не будучи славянофилами, «искали ответа на мучивший когда-то Хомякова вопрос о месте, какое принадлежит славянам во всемирной истории». См.: Аничков Е. В. Н. П. Кондаков (1884–1925) // Slavica. 1928–1929. № 7. С. 49.

¹⁵⁴ Концепция «культурных регионов» (*Kulturkreise*) особенно известна по работам 1920-х годов немецкого археолога и антрополога Лео Фробениуса. Но, как это было в случае с большинством ревизионистских тенденций Веймарской Германии или Советской России в 1920-х годах, ее истоки следует искать в научных разработках и другой интеллектуальной деятельности рубежа XX века.

Иваном Толстым, начиналось с такого определения создания национального сообщества в России:

В течение двух с половиною тысяч лет много племен и народностей жило и основалось на памяти истории в пределах нашего отечества. И чем разнороднее был самый племенной состав, чем продолжительнее время претворения его в одно государство с единым народом, тем обильнее был вклад в общую сокровищницу русской древности¹⁵⁵.

Ученые далее объясняли, что особенный русский стиль архитектуры возник в результате слияния архитектурного стиля, характерного для церквей Северной Руси, Киева, Новгорода и Москвы, а также древних сооружений Грузии и Крыма. Русский стиль в искусстве испытал на себе влияние искусства древнегреческих колоний Причерноморья, а также византийской и персидской традиций, проникавших в Россию через Кавказ, Среднюю Азию и с берегов Дуная¹⁵⁶. Неудивительно, что, несмотря на то что главной областью их исследований была славистика, Веселовский и Кондаков также активно принимали участие в работе Восточной комиссии Московского археологического общества. Опираясь на эти идеи, Розен стремился создать новую школу востоковедения. Его целью было сплотить «восточников» (востоковедов) и «западников» (славистов)¹⁵⁷ в «дружеском объединении», что позволило бы им совместно изучать их общее отечество¹⁵⁸. Такой упор на многонациональные корни русской культуры мог быть сделан только в контексте появившейся в то время обще-

¹⁵⁵ Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. I. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения, 1889. С. III.

¹⁵⁶ Там же. С. III–IV.

¹⁵⁷ Цит. по: Платонова Н. Н. Истоки Санкт-Петербургской школы археологии. С. 47.

¹⁵⁸ Русское Археологическое общество за третью четверть века своего существования (1897–1921). Исторический очерк С. А. Жебелева // Архив ИИМК ПФ РАН. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 453. Л. 42 об.; Веселовский Н. И. Барон В. Р. Розен // ЖМНП. Сер. XIV. 1908. № 4. Отд. 4. С. 186.

европейской тенденции критиковать бинарное противопоставление Востока и Запада, доминировавшее в европейской интеллектуальной традиции в период между 1830-ми и 1870-ми годами.

Взгляды таких ученых, как Веселовский, Кондаков и Розен, были примером нового ментального отображения России как нации и империи. Алексей Миллер приходит к выводу, что в течение XIX века в России сформировалось «относительно четкое представление о том, какие регионы империи принадлежали русскому национальному пространству, а какие – нет». Он отмечает, что к концу XIX века такие имперские периферии, как западные губернии, Сибирь и Поволжье, стали представляться как русская национальная территория, в то время как такие имперские окраины, как Кавказ и Средняя Азия, были исключены из нее и воспринимались как колониальные владения¹⁵⁹. Последовательная попытка представления Кавказа и Средней Азии как частей единого национально-культурного пространства, охватывающего всю территорию Российской империи, большинством современных ученых ассоциируется только с евразийским движением, возникшим в 1920-х годах¹⁶⁰. Действительно, можно найти достаточно примеров, подтверждающих описанное Миллером относительно четкое разделение «национального центра» и имперской периферии России. И тем не менее у евразийцев имелись предшественники. Не евразийцы, как это принято считать, а Кондаков, Розен и Веселовский сформулировали холистическое определение «русской культуры» как результата совместных усилий всех народов Российской империи, в том числе Кавказа и Средней Азии. Взгляды этих ученых открыто оспаривали представление о четком разделении нации и империи в случае России¹⁶¹.

¹⁵⁹ Miller A. The Empire and Nation in the Imagination of Russian Nationalism // Imperial Rule / A. Miller, A. J. Rieber, eds. Budapest: Central European University Press, 2004. P. 9–26.

¹⁶⁰ Ibid. P. 19.

¹⁶¹ Tolz V. The Eurasians and Russian Imperial Scholarship // Classical Eurasianism / M. Bassin, S. Glebov, M. Laruelle, eds. (В печати).

Проекты интеграции нацменьшинств

Определение русской национальной культуры как продукта исторического взаимодействия между различными народами оказало огромное влияние на последователей Розена. Оно не только повлияло на формирование научных программ их исследований, но и определило взгляды ученых на то, как добиться более тесной интеграции восточных и южных национальных меньшинств в Российскую империю. С 1870-х годов методы интеграции горячо обсуждались в России. В рамках государственной политики гражданства, целью которой было достижение большего единства между этнически разнородными подданными империи на основе определенных государством норм, имперская элита обсуждала пути достижения «политического и духовного слияния инородцев» с господствующей нацией — русскими. Термин «слияние» мог означать культурную ассимиляцию, но многие из тех, кто использовал его, были уверены, что интеграция нацменьшинств может быть достигнута и без непременно́й потери их этнической и религиозной идентичности¹⁶². Долгосрочной целью Григорьева и Ильминского в деле обучения инородцев на их родных языках являлась их христианизация и русификация. Но с 1880-х годов некоторые востоковеды стали высказываться в пользу неограниченного распространения грамотности на родных языках среди национальных меньшинств как о чем-то таком, что Российское государство обязано было поддерживать абсолютно безоговорочно. Развивая эту точку зрения, этнограф Владимир Ламанский заметил следующее: «Очень важно, чтобы у них у всех [инородцев] была своя собственная грамота»¹⁶³. Как могли ученые оправдать такое, казалось бы, утопическое предложение и как они оценивали

¹⁶² *Jersild A. L. From Savagery to Citizenship: Caucasian Mountaineers and Muslims in the Russian Empire // Russia's Orient. P. 101; Yaroshevski D. Empire and Citizenship // Ibid. P. 61, 65–76.*

¹⁶³ Цит. по: Библиография: [рец. на журн. Живая старина. 1893. Вып. IV; 1894. Вып. I] // Восточное обозрение. 1895. № 22. С. 4.

его потенциальное воздействие на сохранение единства Российской империи? Смогли ли ученые, чья профессиональная деятельность началась на рубеже XX столетия, добавить новые прагматические аргументы к представлениям Ильминского и Григорьева о том, почему стоит сохранять местные традиции и языки «инородцев»?

Самое простое объяснение аргументов Ламанского состоит в том, чтобы усмотреть в них корыстную попытку ученого сохранить культуры и языки национальных меньшинств, как объекты собственной исследовательской работы. У наименьшинств, не обладающих собственной письменностью, было бы, конечно, гораздо больше шансов быть полностью ассимилированными более крупными и более сильными в культурном отношении национальностями. Действительно, некоторые заявления тогдашних ученых пугают своим восприятием «инородцев» всего лишь как объектов исследования, а не людей¹⁶⁴. Тем не менее ученики Розена сформулировали дополнительные причины, почему «национальное самосознание» меньшинств надо было не просто сохранять, но и специально возвращать. В своих попытках найти наиболее приемлемый способ интеграции имперской периферии востоковеды начали применять к «инородцам» теории интеграции, впервые разработанные по отношению к этнически русскому населению. В этих новых представлениях православие не играло роли, а местные языки и «коренные традиции» были наделены еще большей непреходящей значимостью, чем прежде.

Главным образом новые представления были тесно связаны с идеологией движения «малой родины», которое зародилось в 1870-х годах. В эти годы огромные территориальные пространства России и ее неразвитые системы коммуникации стали характеризоваться в русской

¹⁶⁴ См., например: Протокол № 1 заседания Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азий, 29 января 1905 // ПФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 12, Л. 8. Джордж Стокинг называл такую точку зрения «охранительной этнологией». См.: *Stocking G. Victorian Anthropology*. New York: Free Press, 1987.

прессе как препятствие на пути консолидации русского национального центра. Россия, как утверждалось, была слишком большой и разнообразной, чтобы люди могли полностью идентифицировать себя с отечеством в целом. Национальную консолидацию было предложено достичь путем поощрения чувства любви к так называемой «малой родине», то есть конкретной местности, где человек проживал¹⁶⁵. Эта концепция, особенно отчетливо первоначально сформулированная интеллигенцией из Сибири и губерний европейской части России в отношении русского населения, а не нацменьшинств, основывалась на предположении, что для укрепления национальной лояльности ко всему обществу в целом, очерченному рамками государства, сначала необходимо развить глубокое знание и любовь к истории и культурным традициям места, где человек родился и постоянно живет. Россия была настолько велика, что невозможно было знать одинаково хорошо ее всю и любить ее целиком, имея о ней лишь самое абстрактное представление. По мнению идеологов движения «малой родины», не существовало никакого конфликта между сильно развитой местной и общероссийской идентичностью; наоборот, люди должны были достичь комплементарного слияния двух идентичностей. Предполагалось, что школьное образование, создание местных музеев, а также привлечение людей к участию в сборе и распространении знаний о местах их собственного проживания являются лучшими средствами укрепления местной самобытности и выстраивания связей с общероссийской идентичностью.

Эти идеи были похожи на дискуссии о взаимосвязи между национальными и региональными или местными идентичностями, проходившие в то же самое время в некоторых странах Европы. В частности, немецкое движение *Heimat* также было направлено на то, чтобы учить

¹⁶⁵ При обсуждении взаимоотношений местной и общенациональной идентичности авторы последовательно пользовались термином «малая родина» (или иногда просто «родина»), говоря о местной принадлежности, и словом «отечество» для описания России в целом.

людей ценить свои местные традиции и историю, благодаря чему, как считалось, они лучше смогут понять культуру национальную, состоящую из мозаики местных и региональных традиций¹⁶⁶. Тем не менее активисты «малой родины» в России полагали, что между немецким движением и его русским аналогом существовало важное различие. У немцев уже было сильно развитое чувство региональной принадлежности. В России же, как отмечалось, это чувство, напротив, было слабым¹⁶⁷. Российские активисты считали необходимым принятие срочных мер для исправления ситуации и представляли Францию в качестве еще одной положительной модели для России.

Дмитрий Клеменц — революционер-народник и ведущий специалист по изучению коренного населения Сибири, сходство взглядов которого со взглядами учеников Розена станет особенно очевидным в период революции 1905 года, призывал своих соотечественников при создании местных музеев учиться на французском опыте. Он подчеркивал, что, к сожалению, в отличие от французов, которые ценили свою местную самобытность, провинциальная Россия находилась в состоянии «спячки». Те немногие образованные люди, которые могли бы выступить в качестве местных лидеров, «презирали окружавшее их сообщество» и интересовались почти исключительно международными событиями¹⁶⁸. Клеменц

¹⁶⁶ *Applegate C.* A Nation of Provincials: The German Idea of Heimat. Berkeley: University of California Press, 1990; *Confino A.* The Nation as a Local Metaphor. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1997.

¹⁶⁷ Так, Марр доказывал, что наличие сильной региональной идентичности у немцев было одним из ключевых факторов, гарантировавших силу немецкой науки в XIX веке. Он настаивал, что все народы Российской империи должны следовать в этом примеру немцев. См.: *Марр Н. Я.* Доклад в обществе изучения Азербайджана // ПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1837. Л. 3–4.

¹⁶⁸ *Клеменц Д. А.* Местные музеи: их значение в провинциальной жизни // Сибирский сборник. Вып. II. Иркутск: Тип. К. И. Витковской, 1893. С. 17; в статье прослеживается история понятия «малой родины» в России с 1870 года; см. также: *Григорьев В. Ю.* О значении местных музеев вообще и минусинского в частности // Известия Красноярского

считал, что для развития чувства национального единства ситуацию необходимо резко изменить. Пока что, по мнению активистов «малой родины», она была печальна. Как утверждал Николай Скалозубов — агроном и местный активист Тобольской губернии, школы в России были равнодушны к тем регионам, где они были расположены, и такое положение дел было «очень печальным и неестественным». Он настаивал, чтобы в школьные программы обязательно была включена информация о культурных и исторических традициях тех областей, где школы находились¹⁶⁹.

Какое место отводилось для национальных меньшинств идеологами «малой родины»? Как отмечает Юрий Слезкин, положение «инородцев» с точки зрения сибирских областников — первых наиболее известных представителей этого движения — было неоднозначным. С одной стороны, для областников «инородцы» представляли собой коренное население Сибири, а с другой — были воплощением ее отсталости¹⁷⁰. Николай Ядринцев — лидер сибирских областников и борец за права коренного населения Сибири, при всем при том, говорил о коренном населении как о «низших расах», смешение с которыми оказывало негативное влияние на физические, интеллектуальные и нравственные качества русских поселенцев¹⁷¹. Поэтому он предлагал увеличить иммиграцию в Сибирь «более культурных поселенцев». Затем, возглавляемые активистами-областниками, эти культурные русские переселенцы могли бы распространять ценности «высшей

подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества (ВСОИРГО). 1902. Вып. 1. Отд. 4. С. 3–5; Могилянский Н. М. Областной или местный музей как тип культурного учреждения // Живая старина. Вып. XXV. Пг.: Тип. С. В. Смирнова, 1917. С. 303–326.

¹⁶⁹ Скалозубов Н. Л. Организация общественных сил в целях изучения Сибири. СПб.: Тип. Альтшулера, 1912. С. 23.

¹⁷⁰ Slezkine Y. Arctic Mirrors. P. 114–119.

¹⁷¹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. С. 31.

европейской цивилизации» среди коренного населения с помощью христианизации и различных образовательных проектов.

Идеи областников начали формироваться в 1860-х и 1870-х годах, когда культура «инородцев» воспринималась широкими слоями общества как примитивная и отсталая¹⁷². С 1880-х годов начинают происходить серьезные научные и культурные сдвиги, включая и радикальный пересмотр самой концепции «примитивного»¹⁷³. Ученые (особенно этнографы) и художники начали отвергать представление о «примитивных» обществах как неразвитых и отсталых и восхвалять их культурные достижения. Согласно этим новым поборникам «примитивизма», между европейским модерном и вековыми традициями и интуитивными знаниями, накопленными «примитивными» обществами, не было никакого противоречия; наоборот, между ними существовала глубокая внутренняя согласованность¹⁷⁴.

Поборники «примитивизма», в числе которых были востоковеды, начали оспаривать представления европейцев об их культурном превосходстве. Например, критикуя определение абхазского языка как «первобытного», данное Петром Усларом, Марр заявлял: «Совершенно наоборот, абхазский язык лингвистически стоит на одной из самых высоких ступеней человеческой речи»¹⁷⁵. По мнению Марра, другие аспекты культурной традиции абхазов никак не уступают древним письменным культурам армян и грузин. Марр утверждал:

И устная литература носит в себе все качества создательницы общего языка. В частности в абхазской устной литературе...

¹⁷² *Slezkine Y.* Arctic Mirrors. P. 125.

¹⁷³ *Primitivism in 20-th Century Art: Affinity of the Tribal and the Modern / W. Rubin, ed.* New York: MOMA, 1988.

¹⁷⁴ *Weiss P.* Kandinsky and Old Russia: The Artist as Ethnographer and Shaman. New Haven: Yale University Press, 1995. P. XV–XVI.

¹⁷⁵ *Марр Н. Я.* Кавказоведение и абхазский язык // *Марр Н. Я.* Избранные работы. Т. 1. Л.: ГАИМК, 1933. С. 63.

мы находим, очевидно, давно сложившийся общий во многих отношениях литературный язык; что же касается содержания, то оно отражает древнейшую религию кавказских коренных народов, астральный культ с поразительной жизненностью. Вообще абхазская живая старина, не только словесная, но и реальная, дает такую беспримерную полноту об этой древней религии не одного Кавказа, а всего древнего Востока, колыбели европейской цивилизации, что одно это обстоятельство должно было бы обеспечить за абхазоведением самостоятельное существование в ряду исторических научных дисциплин, входивших в состав кавказоведения¹⁷⁶.

В свою очередь, в своей известной статье в защиту кочевого быта бурят Клеменц резко критиковал теоретические основы иерархического восприятия культур европейцами, согласно которому культуры кочевых народов всегда уступали культурам оседлых земледельческих общин. Показывая несостоятельность такого взгляда, Клеменц сослался на пример Швейцарии, который, как он полагал, убедит его читателей. Клеменц утверждал, что швейцарцы признавали экономическую эффективность и высокую степень развития своих альпийских общин, ведущих кочевой образ жизни. Он также одобрительно отмечал, что некоторые русские поселенцы в Сибири обращаются к кочевому образу жизни, как иногда более эффективному в тамошних условиях:

Коснувшись русского населения, скажем по пути, что в нем мы часто видим в Сибири переход от чисто земледельческого к кочевому быту. Казак южного Забайкалья сеет хлеб, но рядом с этим богатство его в стадах овец и табунах лошадей. Если он сам и не живет в юрте, не кочует с зимника на весенник, оттуда на летник, то этого не делают и многие из зажиточных бурят. Они просто отправляют свой скот на перекочевку с пастухами: точь-в-точь как делают

¹⁷⁶ *Март Н. Я.* Кавказоведение и абхазский язык. С. 59–60.

швейцарские скотовладельцы... По обилию и разнообразию кочевых племен ни одна страна в мире не может равняться с Россией. Благодаря им оживлена наша неприветливая, северная тундра; их же мы видим в сухих аралокаспийских степях, в горах Кавказа и в Тяньшане¹⁷⁷.

Будучи представителями этого интеллектуального ревизионизма рубежа XX века, ученики Розена и такие деятели, как Клеменц, пересмотрели взаимосвязь между движением «малой родины» и коренным населением Сибири. Последователи Розена считали, что нет необходимости окультуривать общины инородцев посредством навязывания им европейских норм и христианства; вместо этого они могли бы быть преобразованы с помощью создания в их среде движения «малой родины». Точно так же, как сближение «примитивных» и современных культур было важно для развития европейского искусства, упрочение гордости за свою «малую родину» среди «инородцев» имело бы важное значение для их успешной интеграции и создания общероссийской идентичности. Ученики Розена, наравне с такими сибирскими областниками, как Ядринцев, видели в себе лидеров в области социальных и культурных преобразований среди «инородцев», но суть такого преобразования представлялась этими двумя группами по-разному, так же как и роль инородцев, приписываемая им в процессе достижения перемен.

В 1899 году Марр в своем выступлении по случаю назначения его на кафедру армяноведения в Санкт-Петербургском университете впервые приложил идеи

¹⁷⁷ Клеменц Д. А. Заметки о кочевом быте // Сибирские вопросы. 1908. № 49–52. С. 7–57; цит. на с. 25, 32. В этой статье Клеменц ссылался на работу В. В. Григорьева «Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами», опубликованную в «ЖМНП» в 1875 году, где была предпринята попытка объяснения положения кочевников. Однако Григорьев в такой степени, как Клеменц, не ставил под вопрос господствующие представления о культурной иерархии между кочевниками и оседлыми сельскохозяйственными общинами.

движения «малой родины» к нерусским подданным империи. Им было отмечено следующее:

Для армян и грузин в частности государство имеет основание видеть прекрасное воспитательное средство в арменоведении и грузиноведении так как, бесспорно, развивать и укреплять просвещенную любовь и уважение к Родине, а едва ли кто будет оспаривать положение, для меня аксиому, что кто безучастен к судьбе родного края, тот не может глубоко воспринять более отвлеченное, более сложное чувство к отечеству...¹⁷⁸

Несмотря на частую «ориентализацию» армян и грузин в русской культуре в течение всего XIX века, они не воспринимались в России как «примитивные» народы¹⁷⁹. Однако, как мы увидим далее, о тех сообществах «инородцев», чей «примитивизм» казался большинству чем-то само собой разумеющимся, ученики Розена начали говорить как об особо нуждающихся в воспитании в них любви и уважения к «малой родине»¹⁸⁰. Например, имея в виду все мусульманские общины России, Бартольд подчеркивал, что было бы ошибочным не способствовать изучению местной культуры и не сохранять памятники исламской истории и искусства из-за опасения, что это послужит «содействию местной обособленности в ущерб духовному слиянию» с русскими. По мнению ученого, результат будет прямо противоположным¹⁸¹. Востоковеды также утверждали, что «по мере роста культуры и взаимного общения степные народы все более и более будут тяготеть к России»¹⁸². Таким образом,

¹⁷⁸ *Мафр Н. Я.* К вопросу о задачах арменоведения. С. 18. Подобная идея высказывается также в его статье «Кавказский культурный мир и Армения» (см. С. 329).

¹⁷⁹ *Layton S.* Russian Literature and Empire. P. 175–211.

¹⁸⁰ Этот вопрос будет подробно рассмотрен в гл. 5 и 6.

¹⁸¹ *Бартольд В. В.* От редакции // Мир Ислама. 1912. № 1. Переиздано в: *Он же.* Сочинения. Т. 6. С. 375.

¹⁸² *Клеменц Д. А.* Пессимизм на бурятской почве // Сибирские вопросы. 1907. № 10. С. 22.

если нацменьшинства будут не просто сохранены, но обретут больше знаний о собственной истории и почувствуют гордость за свою «малую родину», они окажутся более приспособленными к тому, чтобы принимать участие в общероссийской деятельности, интегрироваться в российскую жизнь и воспитать в себе любовь к российскому отечеству в целом. Для достижения такого результата не требовалось обращения в православие и принятия бытовых традиций русского населения. Как мы увидим в этой книге, ученики Розена вообще отвергали представление о непереносимом превосходстве христианства над исламом и буддизмом¹⁸³.

Отражение представления о «малой родине» как о важном элементе общероссийской идентичности можно также увидеть в проводимой учеными кампании по консервированию археологических находок на местах раскопок и строительству музеев для экспонирования на местах найденных археологических материалов. Одной из очевидных причин организации такой кампании было недостаточное финансирование. В отличие от своих немецких, британских и французских коллег российские востоковеды нередко не имели средств, необходимых для перевозки своих археологических находок в Санкт-Петербург или Москву. Однако они были полны решимости превратить эту финансовую помеху в некий символ нравственного превосходства над своими западноевропейскими коллегами. Российские ученые стали утверждать, что их подход к наследию Востока ни в коей мере не сравним с подходом западноевропейских ученых и путешественников, изымающих восточные древности из обществ, представителями которых они были созданы. Некоторые российские востоковеды красочно обрисовывали вандализм западных археологов, по их словам наносивших ущерб наиболее ценным историческим памятникам Востока, обогащая коллекции музеев

¹⁸³ См. подробное обсуждение этого вопроса в гл. 2 и 4.

собственных стран¹⁸⁴. Российские ученые начали противопоставлять такой практике свое стремление сохранять археологические находки на местах их обнаружения¹⁸⁵. Кроме поиска объяснения, оправдывающего недостаточное финансирование, и повторения утверждения, являвшегося на самом деле общеевропейским риторическим приемом, о нравственном превосходстве собственного научного подхода по сравнению с подходом иностранных коллег, настойчивое стремление российских ученых добиться поддержки правительства в организации хранения археологических находок на местах их обнаружения имело прямое отношение к тому, что ученые видели в себе поборников национального строительства среди «иностранцев» империи¹⁸⁶.

Еще с 1870-х годов сторонники движения «малой родины» стали отстаивать идею о том, что исторические памятники и предметы искусства должны быть сохранены в регионах их обнаружения, а не перевозиться в столичные музеи¹⁸⁷. В 1889 году Императорская археологическая

¹⁸⁴ О сравнении Ольденбургом подходов западноевропейских и российских ученых к археологической работе в Восточном Туркестане см., например: *Материалы Первой Туркестанской экспедиции академика С. Ф. Ольденбурга, 1909–1910* / Под ред. Н. В. Дьяконовой. М.: Восточная литература, 1995. С. 9–10. О недовольстве деятельностью иностранных археологов на территории России см.: Архив ИИМК ПФ РАН. Ф. 1. Оп. 69. Д. 1887. Л. 297–298, содержащий подробное объяснение, данное Императорской Археологической комиссией в 1897 году, о том, почему одному австрийскому археологу должно быть отказано в разрешении на работу на Кавказе.

¹⁸⁵ Хотя хранение археологических находок на месте раскопок часто преподносилось российскими учеными как специфически русский подход, музеи на месте раскопок для экспонирования находок были на самом деле созданы и в других империях, например британцами в Индии. См.: *Cohn B. Colonialism and Its Forms of Knowledge: The British in India*. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 9.

¹⁸⁶ О роли музеев в формировании национальной, имперской и других видов идентичности см.: *Bennett T. The Birth of the Museum: History, Theory, Politics*. London: Routledge, 1995.

¹⁸⁷ *Могиланский Н. М. Областной или местный музей как тип культурного учреждения*. С. 309.

комиссия предложила разделить территорию Российского государства на «археологические округа» и создать в каждом из них свои музеи, чтобы хранить там большую часть археологических находок¹⁸⁸. Первый успешный проект по превращению археологического объекта в музей был осуществлен в 1904 году Марром на месте раскопок древней столицы Армении — Ани. Путем искусно проведенных переговоров с различными должностными лицами ученому удалось преодолеть сопротивление имперской администрации на Кавказе, где бытовало мнение, что деятельность Марра будет способствовать росту сепаратизма среди армян. Сам же Марр имел прямо противоположную точку зрения на значимость его исследований для консолидации России как единого многонационального сообщества¹⁸⁹.

* * *

На рубеже XX века российские востоковеды предложили новые аргументы в поддержку мнения, что содействие этнокультурному национализму нерусских народностей могло бы скорее способствовать, чем угрожать сохранению многонационального имперского государства. Новая поддержка «этнокультурного плюрализма» уже больше не включала в качестве конечной цели христианизацию «иностранцев» и не базировалась на чувстве непоколебимого превосходства европейской культуры. Чтобы оправдать свою позицию, либеральные востоковеды рубежа XX века подчеркивали сходство и затушевывали различие между ролью в создании общероссийской нации специфической этнокультурной идентичности национальных меньшинств и местной самобытности

¹⁸⁸ Об установлении необходимого порядка в деле собирания и охранения древностей // Архив ИИМК ПФ РАН. Ф. 1. Оп. 69. Д. 1887. Л. 150–154.

¹⁸⁹ *Платонова Н.* Николай Яковлевич Марр: археолог и организатор археологической науки // *Археологические вести.* 1998. № 5. С. 374–381.

членов доминирующей национальной группы (русских). Удовлетворение этнокультурных национальных потребностей меньшинств представлялось ученым неким противоядием от национально-освободительных движений, преследующих цели политического сепаратизма. Как и другие защитники империи, востоковеды были озабочены сепаратистским потенциалом политического национализма. Например, во время Первой мировой войны такие ученые, как Бартольд, подобно другим российским либералам, стали выражать озабоченность украинским национализмом, увидев в нем сепаратистскую угрозу¹⁹⁰. После Февральской революции востоковеды были удручены распадом Российской империи, которую они часто называли просто «русским государством»¹⁹¹. И тем не менее, как мы увидим в главе 5, начиная с периода революции 1905 года, в отличие от последователей Ильминского и таких консервативных востоковедов, как Позднеев, члены школы Розена стали активно поддерживать политическую деятельность представителей национальных меньшинств Сибири и Кавказа.

Мнение этих ученых о том, что развитое чувство этнокультурной принадлежности среди «инородцев» поможет их интеграции в общероссийское культурное и политическое пространство, воспринималось царским правительством скептически. Тем не менее с 1905 года идея о совместимости национально-культурного самоопределения народов империи с сохранением территориальной

¹⁹⁰ См., например, переписку Бартольда с украинским арабистом и специалистом по исламу А. Е. Крымским (ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 128. Л. 3–4). См. также: *Мафр Н. Я.* Всероссийская культурная проблема (написано после Февральской революции 1917) // ПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 2366. Л. 3–5, 9, 11 об.

¹⁹¹ На рубеже XX века выражения «Российское государство» и «Русское государство» использовались как взаимозаменяемые. Критику востоковедами политического сепаратизма среди нерусских народов империи мы находим, например, в письме Щербатского Ольденбургу, написанном в августе 1917 года, цит. в: Сергей Федорович Ольденбург / Под ред. Г. К. Скрыбина. М.: Наука, 1986. С. 108; см. также: *Мафр Н. Я.* Всероссийская культурная проблема. Л. 1.

целостности Российского государства была принята большинством либеральных и левых партий России, от Конституционно-демократической партии (кадетов) до Общероссийской партии мусульман. Взгляды русских кадетов на этнокультурную автономию нерусских народностей оказывали влияние на платформы многих либеральных национальных движений восточных и южных окраин. Следует помнить, что Ольденбург являлся одним из основателей партии кадетов. Другие ученики Розена также были близки к кадетам в своих политических взглядах. Примечательно, что кадеты как партия были особенно озабочены развитием событий на западных окраинах, где в начале XX столетия идея этнонационального самоопределения снискала уже себе массовую поддержку¹⁹². Напротив, востоковеды особенно интересовались национальными меньшинствами, чье этнонациональное самосознание воспринималось как малоразвитое. Их оригинальным вкладом в дискуссию об интеграции южных и восточных нацменьшинств был аргумент, что рост особого национального самосознания среди этих народов укрепил бы единство Российского государства точно так же, как любовь к «малой родине» воспитывала чувство национальной общероссийской принадлежности среди русского населения империи.

В период после революций 1917 года и Первой мировой войны, когда принцип национального самоопределения был признан определяющим политическим фактором в Европе, обсуждаемые в этой главе идеи о том, как следует создавать комплементарные идентичности граждан в многонациональном государстве, оказались особенно востребованными. В послереволюционных и послевоенных условиях две группы, которые предлагали особенно смелые решения того, как воссоздать единое государство на территории, подобной той, которую занимала

¹⁹² Кондратенко Д. П. Самодержавие, либералы и национальный вопрос в России. См. также: Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений в России. Начало XX в. Томск: Изд-во науч.-тех. лит., 1998.

Российская империя, были большевики и евразийцы. Обе группы, по сути, развивали предложения, которые обсуждает эта глава.

Лидеры евразийцев — Николай Трубецкой и Константин Чхеидзе делали вывод, что представители всех народов Евразии должны развивать сразу несколько коллективных идентичностей и комплементарную иерархию чувств коллективной преданности. Они утверждали, что народы «России-Евразии» должны обладать сильным чувством принадлежности одновременно к своим собственным этнонациональным группам и к общеевразийской нации. По словам Трубецкого: «... Общеевразийский национализм должен развиваться как продолжение национализма каждого народа Евразии, как слияние этих отдельных национализмов в единое целое»¹⁹³. Евразийцы пошли дальше, чем либеральные востоковеды, в своем постулировании равенства всех национальностей Евразии, хотя они все же были согласны с востоковедами в том, что русские, в силу своей большей численности и исторической значимости, обладали особым статусом¹⁹⁴. Евразийцы начали задумываться об отношениях между нацией и империей в российском контексте еще до революции 1917 года¹⁹⁵, попав под влияние холистического определения «русской культуры», данного на рубеже XX века Кондаковым и Розеном¹⁹⁶. Нет сомнения, что евразийцы знали аргументы, предложенные в позднимперский период в пользу продуктивной комплементарности местного этнокультурного национализма меньшинств

¹⁹³ *Trubetzkoy N. S. Pan-Eurasian Nationalism // Trubetzkoy N. S. The Legacy of Ghengiz Khan and Other Essays on Russian Identity. Ann Arbor: Slavic Publications, 1991. P. 233–244; цит. на с. 241. См. также: Константин Чхеидзе // Национальная проблема. Евразийская хроника. 1926. № 4. С. 22–30.*

¹⁹⁴ *Trubetzkoy N. S. Pan-Eurasian Nationalism. P. 243.*

¹⁹⁵ *Глебов С. Границы империи как границы модерна. Антиколониальная риторика и теория культурных типов в Евразийстве // Ab Imperio. 2003. № 2. С. 278–279.*

¹⁹⁶ *Tolz V. The Eurasians and Russian Imperial Scholarship.*

и всеобъемлющей общероссийской идентичности. Таким образом, позиция евразийцев по этому вопросу выглядит менее оригинальной, чем это принято считать¹⁹⁷.

Рядом ученых было отмечено влияние представлений о национальной и этнической принадлежности как маркеров идентичности, разработанных в России в период конца империи, на взгляды большевистских лидеров по национальному вопросу¹⁹⁸. Франсин Хирш, в частности, подробно рассматривает роль имперских ученых, в том числе и тех, на ком сосредоточено основное внимание в этой книге, в выработке большевистской национальной политики. Она показывает, что эти ученые обеспечивали советское правительство сведениями об этнографических особенностях и языках восточных и южных нацменьшинств империи. Обе группы также разделяли уверенность в том, что управление многонациональным государством должно осуществляться на научной основе и что правительство и эксперты могли бы взять на себя ответственность за развитие национально-самосознания среди народов с родоплеменным менталитетом¹⁹⁹. В этой главе демонстрируется, что помимо того вклада в разработку большевистской национальной политики, который отмечает Хирш, российскими востоковедами рубежа XX века были также сформулированы

¹⁹⁷ Об оригинальности идей евразийцев в этом вопросе см.: *Bassin M. Classical Eurasianism and the Geopolitics of Russian Identity // Ab Imperio. 2003. № 2. P. 257–267; Torbakov I. Understanding Classical Eurasianism // Östbulletinen. 2008. Special issue: Sven Hedin and Eurasia: Knowledge, Adventure and Geopolitics. Proceedings of a Symposium in Stockholm, 10 Nov. 2007. URL: http://unisg.academia.edu/PhilippeFor%3%AAt/Papers/195332/Sven_Hedin_and_Eurasia (дата обращения 14.08.2012). О другом источнике влияния на идеи евразийцев (концепции общерусского национализма П. Б. Струве) см.: *Beisswenger M. Eurasianism Then and Now: A Russian Conservative Movement and Its Ukrainian Challenge // Ukraine, the EU and Russia: History, Culture and International Relations / S. Velychenko, ed. Houdmills: Palgrave, 2007. P. 27–51**

¹⁹⁸ См. сноску 110.

¹⁹⁹ *Hirsch F. Empire of Nations. P. 8, 11, 14, 44, 47, 59.*

идеологические предпосылки того, что Хирш называет «двойной ассимиляцией»: ассимиляцией разнородного населения в пределах отдельных этнонациональных сообществ и одновременной интеграции этих сообществ в единый народ с расчетом на то, что первый процесс поддержит и ускорит второй²⁰⁰. Таким образом, хотя большевистская национальная политика представляла собой разрыв с подходом царского правительства к управлению этническим плюрализмом и была уникальной по масштабам своей поддержки субгосударственных этнонациональных форм самоопределения²⁰¹, ряд важных интеллектуальных предпосылок, на которых она основывалась, был сформулирован в позднеимперский период. Для того чтобы понять взгляды большевистских лидеров на национальный вопрос, мы не должны ограничиваться только анализом влияния австрийских марксистов, с которыми активно полемизировал Ленин и другие большевистские идеологи. Было бы полезно более внимательно взглянуть на яркие дискуссии по поводу управления многонациональным государством в эпоху национализма, имевшие место в самой России в последние предреволюционные десятилетия.

В этой главе показывается, что, экстраполировав идеи движения «малой родины» и областничества на национальные меньшинства империи, имперские востоковеды рубежа XX столетия предложили новую систему аргументации, объясняющую, как и почему сильно развитое «национальное самосознание» нерусских народностей было не просто совместимым с сохранением

²⁰⁰ *Hirsch F. Empire of Nations. P. 14.*

²⁰¹ Терри Мартин делает убедительный вывод об оригинальности большевистской национальной политики. В 1920-х годах наиболее оригинальным компонентом этой политики было подавление этнокультурной национальной идентичности русского населения в сочетании с энергичной поддержкой этнокультурной самоидентификации национальных меньшинств. См.: *Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001. P. 394–431.*

единства многонационального государства, когда субгосударственный национализм угрожал единству империй, но и могло способствовать этому единству. Таким образом, они утверждали, что в интересах российской имперской элиты было не просто проявлять терпимость по отношению к «национальному самосознанию» меньшинств, но и стараться возвращать его. Востоковеды подчеркивали (как это впоследствии сделают большевики), что поддержку субгосударственного национализма среди нацменьшинств можно обеспечивать лишь до тех пор, пока национальные устремления не выльются в политический сепаратизм.

Современные ученые отмечают, что большевики никогда не приводили исчерпывающего объяснения, почему политика, укрепляющая партикулярную идентичность нацменьшинств на субгосударственном уровне, должна была способствовать единству Советского государства²⁰². В этой главе показаны истоки этой идеи. Таким образом, исходные послышки большевиков смыкаются с традицией, уходящей корнями в последние десятилетия XIX века. Идея, что в стране такого размера и этнического разнообразия, как Россия, чувство принадлежности и лояльности ко всему отечеству в целом может быть основано лишь на сильно развитой местной идентичности, была ответом русской интеллигенции на развитие национализма в полиэтничном имперском обществе. Тот факт, что всеобъемлющая идентичность не сводилась к этническому русскому национализму, а ассоциировалась с государственной принадлежностью, казалось, делал более убедительным вывод, что чувство любви к своей «малой родине» было хорошим подспорьем для осознания себя частью всероссийского сообщества.

Важно помнить, что обсуждаемые здесь востоковеды сами представляли собой этнически разнородную

²⁰² *Martin T.* The Affirmative Action Empire; *Idem.* Modernization or Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism // Stalinism. New Directions / Sh. Fitzpatrick, ed. London: Routledge, 2000. P. 354.

группу, но при этом идентифицировали себя прежде всего с Россией. Чтобы ощущать себя «русскими учеными» и «русскими патриотами», им не нужно было забывать свой родной язык, будь то немецкий или грузинский. По сути, они экстраполировали свой собственный опыт на народы, которые они изучали. Несложно понять, что взгляды этих дореволюционных экспертов могли показаться вполне реалистичными большевистскому руководству, которое точно так же было многонациональным по своему происхождению и объединено верой в ключевую роль государственных структур. Ведь большевики начинали устанавливать новый политический режим в пределах границ, мало отличающихся от границ Российской империи²⁰³.

²⁰³ Советская политика по укреплению этнокультурной самоидентификации нацменьшинств (бывшей) Российской империи оказала влияние на проекты интеграции в заокеанских колониальных империях. С показательным отставанием по времени в применении таких идей в заокеанских империях по сравнению с континентальными империями элита Франции четко сформулировала понятие *petites patries* как инструмент укрепления общезападной идентичности своих колониальных подданных только после Первой мировой войны и как прямой ответ на происходящее в Советском Союзе. См.: Lebovics H. True France: The Wars over Cultural Identity, 1900–1945. Ithaca: Cornell University Press, 1992. P. 53, 101.

Глава 2

ВОСПРИЯТИЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА

То, каким образом российские востоковеды пытались определить свою страну как империю и нацию, вполне предсказуемо навело их на более тщательную проработку значения таких понятий, как Европа, Азия, Восток и Запад, которые являлись элементами российского «другого» и одновременно неотъемлемой частью российского «своего». Современные ученые, находящиеся под влиянием критики Саидом европоцентристских предрассудков европейского востоковедения, часто полагают, что вряд ли кто из европейских интеллектуалов прошлого пользовался категориями «Восток» и «Запад», «Европа» и «Азия» иначе, как если бы они отражали объективную реальность. Что касается России, то до сих пор часто повторяется вывод Николаса Рязановского о том, что после реформ Петра Великого восприятие Азии русскими «оставалось более или менее неизменным вплоть до появления евразийского учения в XX веке»²⁰⁴. Примерно так рассуждает, например, Адиб Халид, написавший спустя почти тридцать лет после Рязановского:

К началу XIX века Восток стал самоочевидной аналитической категорией русской интеллектуальной традиции, ассоциирующейся с деспотизмом, фанатизмом, обманом, жестокостью и чувственностью, что мало отличалось от общеевропейского восприятия <...>. Даже универсализирующий

²⁰⁴ *Riasanovsky N. V. Asia through Russian Eyes // Russia and Asia: Essays on the Influence of Russia on the Asian People / W.S. Vucinich, ed. Stanford: Hoover Institution Press, 1972. P. 3–4.*

импульс <...> революции не преодолел такого представления о Востоке...²⁰⁵

В такой оценке, безусловно, много правды, и все же она игнорирует пересмотр представлений о Востоке европейскими и российскими востоковедами на рубеже XX века, что и будет являться основной темой данной главы.

Это верно, что в то время, когда востоковеды, о которых идет речь в этой книге, начинали свою научную карьеру, стереотипное восприятие Востока или Азии зачастую формировалось под влиянием европоцентристских взглядов, базирующихся на вере в превосходство современной Европы, которое часто распространялось и на прошлые века. Общественное сознание сопоставляло образы «динамичного Запада» с «бездеятельным Востоком», и в такой иерархической расстановке народов и обществ жители Западной Европы помещались на вершину эволюционной лестницы. В начале 1830-х годов, когда стала спадать волна первого «восточного Ренессанса», корни европейской цивилизации обычно отождествлялись с греко-римским и иудеохристианским мирами²⁰⁶. На многих людей, включая ученых, оказала влияние концепция непреодолимого неравенства рас, физиологические различия которых наделялись важным социальным значением²⁰⁷.

В России имелось довольно много характерных представлений, заслуживающих упоминания. Собственная небезупречная европейская идентичность России оказывала влияние на то, как интеллектуальная традиция представляла отношения России с Азией. Несмотря на все раз-

²⁰⁵ *Khalid A.* Russian History and the Debate over Orientalism // *Kritika*. 2000. Vol. 1. No. 4. P. 697.

²⁰⁶ *Bassin M.* Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 49–51; *Schwab R.* The Oriental Renaissance: Europe's Rediscovery of India and the East, 1680–1880. New York: Columbia University Press, 1984.

²⁰⁷ *Stepan N.* The Idea of Race in Science: Great Britain, 1800–1960. London: Macmillan, 1982.

говоры об особой близости России с Востоком, русские в Азии, согласно широко распространенному мнению, воспринимались как бесспорные европейцы, хорошо подготовленные для осуществления «европейской цивилизующей миссии» на Востоке²⁰⁸.

Однако к началу 1880-х годов европейцы начали подвергать сомнению подобные предрассудки, банальности и стереотипы. Некоторые представители интеллектуальных кругов Европы начали отвергать широко распространенные представления о европейской цивилизации как уникальной и глубоко уходящей корнями в классическую Античность. Главную роль в этой новой интеллектуальной тенденции сыграли востоковеды, особенно немецкие и австрийские. Новые археологические находки и текстуальные свидетельства о небиблейском Древнем Востоке Индии, Ассирии и Вавилона поставили под сомнение «библейские принципы европейской идентичности» и, по словам Сюзанн Маршанд, «взорвали грекоцентристский мир XIX столетия»²⁰⁹. Влияние Востока на средневековую европейскую культуру и на раннее христианство стало важной темой научного изучения, в то время как превосходство греко-римских эстетических норм и сами категории прогресса и отсталости подверглись критике²¹⁰. В итоге 1880-е годы стали свидетелями важного сдвига в европейской культуре, так как увлечение Европы Востоком стало возрождаться, а «самодовольство Запада» — ослабевать²¹¹.

²⁰⁸ См., в частности: *Григорьев В. В.* Об отношении России к Востоку. Одесса, 1840. С. 4, 7–9; *Bassin M.* Imperial Visions. P. 53–57.

²⁰⁹ *Marchand S.* German Orientalism and the Decline of the West. P. 473.

²¹⁰ *Marchand S.* The Rhetoric of Artifacts and the Decline of Classical Humanism; *Eadem.* German Orientalism in the Age of Empire: Religion, Race, and Scholarship. Cambridge: Cambridge University Press, 2009; *Paret R.* The Study of Arabic and Islam at German Universities. Wiesbaden: Franz Steiner, 1968. P. 7–18.

²¹¹ *Marchand S.* German Orientalism and the Decline of the West. P. 465. Первый «восточный Ренессанс» в Европе пришелся на конец XVIII — начало XIX века; к 1830-м годам его сменило в целом негативное отношение к Востоку.

Российские востоковеды начиная с Розена сыграли чрезвычайно активную роль в данном пересмотре научной программы востоковедения. Розен и Бартольд стремились подчеркнуть первенство немецких и австрийских ученых в пропаганде новых подходов²¹², в то время как Марр и Ольденбург приписывали ключевую роль в оспаривании доминирующих представлений европейцев о Востоке российским ученым²¹³. На деле справедливы были оба довода. В сфере деятельности самого Бартольда — исследованиях ислама — первые попытки освободить изучение этой религии от влияния христианской богословской полемики были сделаны именно немецкими ориенталистами. Однако в таких областях, как история искусства и изучение раннего христианства, российские ученые время от времени оказывались в авангарде разработки новых научных проблем. Работы самого Розена о раннем христианстве являлись весьма инновационными²¹⁴, а исследование Кондаковым искусства Византии, касающееся не только поиска его восточных корней, но и определения вклада византийских традиций в культуру европейского Ренессанса, было поистине передовым. Его труд по истории византийского искусства, опубликованный еще в начале 1876 года на русском, а в 1880-х годах — на французском языке, стал программной работой²¹⁵.

²¹² Бартольд В. В. Речь перед защитой диссертации. С. 607–609.

²¹³ Марр Н. Я. К вопросу о задачах арменоведения // ЖМНП. 1899. Ч. 324. № 7. Отд. 2. С. 246; [Ольденбург С. Ф.] [Рец. на кн.:] Потанина А. В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. [М., 1895] // ЗВОРАО. 1895. № IX. С. 303–304.

²¹⁴ Ростовцев М. Международное научное общение // Русская мысль. 1916. Кн. 3. С. 77; Кнауер Ф. XIII Международный съезд ориенталистов // ЖМНП. 1904. Ч. 356. № 11. Отд. 4. С. 16–17; Васильев А. XIV международный конгресс ориенталистов в Алжире // ЖМНП. 1905. Ч. 362. № 12. Отд. 4. С. 87–88. Более подробно см.: *Tolz V. European, National, and (Anti)Imperial*. P. 74.

²¹⁵ Диссертация Н. П. Кондакова «История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей» была издана на русском (Одесса, 1876) и на французском (Paris,

Таким образом, ревизионистская тенденция в науке проявилась одновременно и в России, и в Германии. Ранние публикации по истории искусства Византии Кондакова могут рассматриваться как начало этого нового периода в России. В 1890-е годы ревизионистская тенденция становится чрезвычайно влиятельной в главном центре российского востоковедения в Санкт-Петербурге, поскольку именно в это время первая когорта последователей Розена начинает свою академическую карьеру. Поражение России — «европейского» противника Японии в Русско-японской войне способствовало переоценке соотношения сил между Европой и Азией. В итоге это стало стимулом дальнейшего переосмысления отношений Востока с Западом. Беспрецедентная жестокость Первой мировой войны, как известно, еще более ослабила веру европейских элит в превосходство их цивилизации и усилила критику европоцентристских предубеждений, навешенных в конце XIX века²¹⁶.

Ученые школы Розена, конечно, оставались продуктом своего времени. Такие стереотипные представления, как якобы специфическая способность русских понимать азиатов и благодаря этому преуспевать в осуществлении европейской цивилизующей миссии в Азии, не исчезли полно-

1886–1891) языках. О новаторском характере работ Кондакова см.: *Nelson R. S. The Italian Appreciation and Appropriation of Illuminated Byzantine Manuscripts, ca. 1200–1450 // Dumbarton Oaks Papers. 1995. No. 49. P. 234; См. также: Байсвенгер М. Жизненный путь и научная деятельность Н. П. Кондакова в эмиграции // Зарубежные славяне в прошлом и настоящем / Под ред. Л. П. Лаптевой. М.: Диалог МГУ, 1999. С. 165–183; Кызласова И. Л. История изучения византийского и древнерусского искусства в России. М.: Изд-во МГУ, 1985. С. 74–155; Вздорнов Г. И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М.: Искусство, 1986. С. 220–246. С. Маршанд дает превосходное описание роли австрийских и немецких историков искусства в критике европоцентристских предрассудков, но не учитывает роли Кондакова в развитии описываемых ею подходов. Изю всех российских ученых Маршанд упоминает одного Михаила Ростовцева, который являлся, по сути, последователем Кондакова и Розена. См.: *Marchand S. The Rhetoric of Artifacts.**

²¹⁶ *Sharp J. A. Russian Modernism between East and West. P. 30.*

стью из их трудов²¹⁷. И все же их пересмотр господствующих представлений об Азии был достаточно масштабным. Более того, осуществляя этот пересмотр, ученики Розена по-новому определили сами категории Востока, Запада, Европы, Азии и России и недвусмысленно отвергли дихотомию Восток — Запад как плод европейского воображения. К тому же, поскольку многие представители русского модернизма и представители евразийского движения читали труды этих ученых, их идеи повлияли на то, каким образом широкие круги культурной элиты периода конца империи и первых лет советской власти переосмысливали идентичность России по отношению к Востоку и Западу²¹⁸. В свою очередь, так называемое востокофильство начала XX века формировало общий интеллектуальный климат, в котором востоковеды проводили свои исследования²¹⁹.

Анализ категорий «Восток» и «Запад»

Описание Халидом европейского восприятия Востока освещает лишь один из аспектов сложного взаимодействия Европы с другими частями света. В частности,

²¹⁷ [Ольденбург С. Ф.] [Рец. на кн.:] Потанина А. В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. [М., 1895.] // ЗВОРАО. 1896. Вып. IX. С. 304; Ольденбург С. Ф. Памяти Ивана Павловича Минаева // ЗВОРАО. 1896. Вып. X. С. 172; Бартольд В. В. Речь перед защитой диссертации. С. 610.

²¹⁸ Об интересе русских художников-авангардистов к Востоку см.: Sharp J. A. *Russian Modernism between East and West*, особ. в гл. 1. О влиянии востоковедения на представителей движения символистов см.: Ponomareva A. *Andrei Belyi and Indian Culture: A Study of the Role of Indian Ideas in the Work of Andrei Belyi*. Manchester: MPhil, the University of Manchester, 2001. P. 14–16, 25, 33, 65, 113–116, 143. Об использовании евразийцами востоковедческих работ см.: Riasanovsky N. V. *Asia through Russian Eyes*. P. 26; *Idem*. *The Emergence of Eurasianism* // *California Slavic Studies*. 1967. Vol. 4. P. 39–72. См. также: Бонгард-Левин Т. М. Блок и индийская культура // *Литературное наследство*. Т. 92. Кн. 5. М., 1993. С. 589–621; Stacy R. H. *India in Russian Literature*. Delhi: Motilal Banarsidass, 1985.

²¹⁹ О происхождении термина «востокофильство» см.: Sharp J. A. *Russian Modernism between East and West*. P. 7, 26.

европейские востоковеды не только подчеркивали различия между имперскими нациями и «туземцами» в европейских колониальных владениях, но и «разрушали границы» между колонизаторами и колонизированными народами²²⁰. С 1880-х годов эта тенденция к «разрушению границ» стала важным элементом российской науки в Санкт-Петербурге. Вывод Розена о том, что ученые должны уделять особое внимание историческим взаимодействиям и взаимным влияниям между различными народами империи, а также его понимание русской культуры как результата созидательной работы всех народов, империю населявших, размывали не только различия между Россией как империей и нацией, но и границы между Востоком и Западом. Одна из самых важных попыток того времени переосмыслить категории «Восток», «Запад», «Европа» и «Азия» была предпринята Бартольдом, когда вскоре после окончания Русско-японской войны он стал читать в Санкт-Петербургском университете курс истории изучения Востока в Европе и России²²¹.

Для Бартольда, как и для других учеников Розена, понятия Востока и Запада, Европы и Азии были далеко не «самоочевидными категориями». Эти ученые хорошо понимали, что это были географические, культурные и политические конструкции, чьи границы исторически изменялись и определение которых часто зависело от аргументов, которые люди, использовавшие эти категории, старались развивать. История этих конструкций особенно интересовала Бартольда. Сделанные им выводы, равно как и методологии, которые он использовал, были очень похожи на те, что применяются современными учеными при анализе категорий и явлений, признаваемых большинством как естественные, статические

²²⁰ Prakash G. Another Reason. Science and the Imagination of Modern India. Princeton: Princeton University Press, 1999. P. 8. См. также: Bhabha H. The Location of Culture. London: Routledge, 1994; особ. гл. 6.

²²¹ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. С. 199–482.

и гомогенные²²². Согласно Бартольд, «употребление слова “Восток” в культурной истории» никогда не описывало должным образом ни географического положения стран, классифицируемых как восточные, ни их культурно-исторических отношений с современной Европой / Западом. Он считал, что «в России культурные области Передней Азии должны были бы называться “югом”; “югом” является и для Западной Европы Северная Африка, причисляемая как часть мусульманского мира к “Востоку”»²²³. Что более важно:

Передняя Азия (со включением Египта), которую в Западной Европе преимущественно имеют в виду, когда говорят о «Востоке», в действительности, несмотря на частые военные столкновения, составляет в культурно-историческом отношении одно целое с Европой и вместе с нею является «Западом» по отношению к более восточным культурным странам, Индии и Китаю. Первоначально культура Передней Азии и Юго-Восточной Европы восходила к одним и тем же первоисточникам — к древней культуре Египта и Вавилонии; впоследствии политическое и культурное преобладание переходило то к европейским, то к переднеазиатским народам, но при всех переменах роль народов Запада (в обширном смысле) по отношению к странам Дальнего Востока оставалась одной и той же²²⁴.

В другой работе Бартольд утверждал, что «мусульманский мир» во многих отношениях был ближе к Западной Европе, чем к Китаю, и подчеркивал, что «сама по себе

²²² Познавательльно сравнить данные исследований В. В. Бартольда с выводами Мартина Льюиса и Карен Уиджен: *Lewis M., Wigen K. The Myth of Continents. A Critique of Metageography. Berkeley: University of California, 1997, особ. гл. 2, 3.*

²²³ *Бартольд В. В. Культура мусульманства // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 6. М.: Наука, 1966. С. 143.*

²²⁴ *Он же. От редакции <журнала «Мир ислама»> // Там же. С. 367.*

Азия не может рассматриваться, как однородное целое»²²⁵. Бартольд было известно, что русский синолог Василий Васильев еще в 1859 году сходным образом высказался о Ближнем Востоке как составлявшем «единое целое с так называемым “Западом”, и что настоящим “Востоком” является только Дальний Восток». По словам Бартольда, для середины XIX века такое понимание было «замечательно». Тем не менее, по его мнению, Васильев «оставался и впоследствии под влиянием одностороннего отождествления “Запада” с Европой»²²⁶.

Бартольд отвергал классификацию, согласно которой страны, попавшие под влияние ислама (это была основная область его научной работы), рассматривались как часть Востока. Эту категорию он приберегал для других восточных регионов, не столь хорошо ему известных. В свою очередь, ученые, специализировавшиеся на этих регионах, не соглашались с таким переделом границ и исключали бартольдовский «Дальний Восток» из Востока.

В первые годы XX столетия российские специалисты в области буддизма, принадлежавшие к школе Щербатского, начали утверждать, что если определять Восток как нечто в корне отличающееся от Европы и Запада, то буддийские общества тоже не следует классифицировать как «восточные». Аргументация ученика Щербатского — Оттона Розенберга (1888–1919) отличалась особенной ясностью. Он указал, что категории «Восток» и «Запад» не имеют никакого значения друг без друга, и поставил вопрос о том, «правильно ли вообще по отношению к буддизму говорить о так называемом Востоке?»²²⁷

²²⁵ Письма В. В. Бартольда П. Н. Савицкому, 14 октября 1927–28 декабря 1929 // Государственный архив Российской Федерации [ГАРФ]. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 418. Л. 35.

²²⁶ Бартольд В. В. Исторические и географические труды В. П. Васильева // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. С. 619–628. См. С. 622.

²²⁷ Розенберг О. О. Об изучении японского буддизма // Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX — первой трети XX века: (Россия и сопред. страны). СПб.: Наука, 1998. С. 320.

Используя термин «арийская раса», введенный в оборот в XIX веке, он попытался предложить свой ответ. Буддизм, по убеждению Розенберга, — «продукт Индии, а древняя Индия и по расе, и по языку несомненно более тесно связана именно с Европой, чем с Дальним Востоком, для которого она <...> совершенно чужда». В то же время философские проблемы и «законы мышления» буддизма являются теми же самыми, что и в греко-европейской философии. «Но если индийская философия, понятная и доступная для нас, в то же время оказалась фактически приемлема и для Дальнего Востока, если индийские проблемы и решения сделались как бы своими для китайцев и японцев, то невольно нужно спросить: где же та якобы существующая пропасть, разделяющая нас и Дальний Восток?»²²⁸

Бартольда особенно интересовало происхождение сконструированных категорий «Восток» и «Запад» и последовательная смена их специфических значений. Он стремился показать, что эта смена отражала изменение политических и культурных обстоятельств, в то время как в сознании людей эти категории казались незыблемыми и естественными. Здесь заключения Бартольда, основывающиеся на новаторских исследованиях первоисточников, звучат особенно современно. В 1992 году Шелдон Поллок заметил, что «выяснение подробностей процесса, в ходе которого Запад создавал свою идентичность, противопоставив себя остальному миру, является одним <...> из важных шагов в написании посториенталистской интеллектуальной истории»²²⁹. По сути, именно это Бартольд попытался сделать в своей работе «История изучения Востока».

Согласно Бартольду, «понятие о “Востоке” как особом мире, противоположном “Западу”, впервые возникло в Римской империи». Он утверждал, что для древних

²²⁸ Розенберг О. О. Об изучении японского буддизма.

²²⁹ Pollock Sh. Review of Dorothy Figueira's *Translating the Orient: The Reception of Sakuntala in Nineteenth-Century Europe* // *Journal of Asian Studies*. 1992. Vol. 51. No. 2. P. 419.

греков существовала только «противоположность между жарким, культурным югом [Азией] и холодным, населенным воинственными варварами севером [Европой]». Они оба считались стоящими на более низкой ступени развития, чем Греция, которой было предназначено «господство над вселенной». Только Рим впервые «подчинил своему культурному влиянию Европу и впервые опроверг мнение Аристотеля о неспособности европейских народов, кроме греков, к культурному развитию». Бартольд писал, что «по географии римского периода, Европа уже была частью света, расположенной не к северу, а к западу от Азии». По его мнению, слово «Восток» у римлян имело несколько значений. Иногда его использовали как административный термин, прилагаемый «ко всем областям бывшей монархии Александра [Великого], начиная с Балканского полуострова», но обычно Восток отождествлялся с «остававшимися вне власти Рима областями парфянского государства». Бартольд пришел к заключению, что «Рим не сомневался в своем политическом и культурном превосходстве над этим Востоком»²³⁰.

В Средние века религия внесла свой вклад в растущую обособленность Европы от остального мира, в то время как начиная с XIV века Европа все больше отождествлялась с западным христианством. Как отмечал Бартольд, на деле не католические христиане также стали частью «Востока». Заняв позицию, которую можно считать прообразом аргументации Ларри Вольфа, писавшего в 1990-х годах, Бартольд пришел к выводу, что современные представления о Востоке и Западе окончательно выкристаллизовались в эпоху Просвещения, связавшую в один нарратив представления римлян о превосходстве над Востоком и христианские предубеждения против ислама, распространив при этом «отчуждение [Европы западного христианства от остальной части мира] на дохристианское

²³⁰ Бартольд В. В. Культура мусульманства. С. 143–144. См. также: Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Гл. 3, 5, особ. С. 239–235, 310.

прошлое». По замечанию Бартольда, Восток начал видеться как «мир, оставшийся в древности вне влияния греко-римской цивилизации, в новейшее время — вне ее возрождения»²³¹. Подобные размышления об истории развития дихотомии Восток — Запад, в которой для Западной Европы даже Россия часто являлась частью Востока, привели ученых к скептицизму в отношении этого ключевого элемента массового сознания европейцев.

Отказ от дихотомии Восток — Запад

Можно утверждать, что именно подход школы Розена, который призывал ученых сосредоточиться на различных видах взаимодействий между разными народами в создании культур, стимулировал отказ от противопоставления Востока и Запада. Неудивительно, что многие ведущие деятели русского авангарда, которые также рассматривали Россию «как место разрушения» дихотомии Восток — Запад, читали труды ученых этой школы²³².

Марр и Ольденбург были первыми среди учеников Розена, кто начал критиковать западноевропейское чувство превосходства. Уже в самом начале своей академической карьеры Марр жаловался на западноевропейское «тщеславие», проявлявшееся, например, в утверждениях о «неподвижности восточных культур», которые западные европейцы воспринимали как «гладкую поверхность стоячей воды» или «чистую доску, на которую позволено наносить любое теоретическое построение»²³³. В первые годы XX столетия Марр был сторонником взглядов немецких и австрийских ориенталистов и ан-

²³¹ Бартольд В. В. Культура мусульманства. С. 145.

²³² Sharp J. A. Russian Modernism between East and West. P. 35, 37.

²³³ Марр Н. Я. К вопросу о задачах арменоведения. С. 17, 20. См. также: *Он же*. Кавказоведение и абхазский язык // ЖМНП. 1916. № 5. С. 1–27. Переиздано в: Марр Н. Я. Избранные работы. Т. 1. Л.: ГАИМК, 1933. С. 59–78, особ. С. 67–68. Этот стереотип был распространенным и в России. См.: Bassin M. Imperial Visions. P. 51.

тропологов, желавших отказаться от попыток классифицировать народы и культуры как отсталые или развитые. Вместо этого в его исследованиях отмечались культурные достижения малых народов Кавказа, обычно считавшихся отсталыми²³⁴. В свою очередь, в 1896 году Ольденбург сетовал на стереотипное изображение европейцами народов Азии, в котором «отсутствовали индивидуальные черты»; ученый утверждал, что (западные) европейцы отказывались видеть в китайцах, монголах или индийцах «живых людей». Хотя то же самое отношение было обычным и среди русских, оба ученых заявляли, что в отличие от Западной Европы «сосед Востока, Россия, всегда хорошо его знала и понимала». Бартольд был не согласен со своими коллегами, настаивая, что и в России более широкое социальное восприятие неевропейских народов и обществ также находилось под сильным влиянием предрассудков и стереотипов, тогда как количество думавших иначе людей было даже меньше, чем в Западной Европе²³⁵.

Скептицизм по поводу противопоставления Востока и Запада, критика европоцентристских предубеждений и высокомерия Европы усилились среди российских востоковедов во время Первой мировой войны и в 1920-х годах. Война спровоцировала невиданный скепсис среди европейской интеллигенции по поводу идеи превосходства европейской цивилизации. В контексте войны и революции Марр с Ольденбургом добавили к своим упрекам в адрес Запада обвинение в том, что европейский империализм в Азии был скорее деструктивным, чем цивилизующим.

В 1915 году при обсуждении происхождения «нашей европейской цивилизации» (курсив мой. — В. Т.) Марр сетовал, что «на культурной прародине яфетических народов [на Кавказе] с момента появления первых

²³⁴ Более подробно об этом см. в гл. 5, 6.

²³⁵ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. С. 482. См. также: *Он же*. Мусульманский мир. С. 286–287.

ариоевропейских племен просвещение стало падать»²³⁶. По утверждению Марра, эти племена сеяли «расколы и разобщение» среди «яфетидов» и уничтожали местную память, при этом обогащая свою собственную культуру. Марр сожалел, что большинство его современников верило в греко-римское происхождение европейской цивилизации и поэтому ученые стремились изучать влияние греков на народы Кавказа. В отношении вышеупомянутых открытий немецких и австрийских ориенталистов, касавшихся древних ассирийцев, вавилонян и шумеров, Марр заметил, что только сейчас «одностороннее искание всегда и во всем греческого влияния» было уравновешено интересом к воздействию древних восточных цивилизаций на греческую и европейскую культуры²³⁷. Марр был уверен, что его собственные теории об уникальной цивилизации Кавказа, которую он назвал яфетической, представляют собой одно из наиболее крупных достижений российского востоковедения, которое могло бы сравниться с широко известными открытиями ассирийских и шумерских культур немецкими и австрийскими учеными²³⁸. В свою очередь, во время войны Ольденбург начал трактовать западноевропейские археологические практики как проявление западного колониализма на Востоке²³⁹.

²³⁶ *Марр Н. Я.* Кавказоведение и абхазский язык. С. 67. Антиколониальную риторику Марра можно сравнить с аналогичными заявлениями современных ему художников-авангардистов, например Натальи Гончаровой. См.: *Sharp J. A.* Russian Modernism between East and West. P. 7. Тем не менее, в отличие от художников-авангардистов и евразийцев, Марр не утверждал, что Россия сама по себе может рассматриваться как некая колония Запада.

²³⁷ *Марр Н. Я.* Кавказоведение и абхазский язык. С. 60.

²³⁸ Это с особой ясностью выражено в: Записка академика Н. Я. Марра о Кавказском историко-археологическом институте // Известия Российской академии наук. 1917. Сер. VI. № 13 (1 окт.), в частности с. 962–963.

²³⁹ *Ольденбург С. Ф.* Экспедиция Д. А. Клеменца в Турфан в 1898 // ИВОРГО. 1917. № 45. С. 111. См. также: *Дьяконова Н. В.* Материалы Первой Туркестанской экспедиции академика С. Ф. Ольденбурга, 1909–1910. М.: Восточная лит-ра, 1995. С. 5–10.

Щербатской и ученые его школы внесли свой вклад в критику противопоставления Востока и Запада. Розенберг страстно призывал к отказу от европейской тенденции рассматривать Восток как экзотический, низменный и непонятный. Для европейцев, отмечал он, «восточный человек — какая-то игра природы, диковинка, на него смотрят как на редкого зверя, а востоковед — что-то вроде странного чудака — артиста, демонстрирующего невиданных зверей». Ученый, шутя и в то же время сетуя, замечал, что «люди Дальнего Востока — наши антиподы; они не только ходят вверх ногами, но и мыслят вверх ногами, и чувствуют вверх ногами — можно перечислить длинный ряд явлений, на которые Восток и Запад отзовутся диаметрально противоположным образом, — что они столько же раз отзовутся одинаково, об этом не говорят, ведь это не интересно»²⁴⁰. Розенберг настаивал, что различные глубинные предрассудки и стереотипы не только влияют на широкую общественность, но «догмат непознаваемости Востока действительно тяготеет каким-то кошмаром над изучением духовной культуры Востока»²⁴¹.

Российские востоковеды, в частности Марр, Ольденбург и Щербатской, считали, что русская наука действительно находится на переднем крае в деле преодоления дихотомии Восток — Запад, показывая вместо этого возможные пути культурного «сближения»²⁴². Даже Бартольд не сомневался в возможности такого сближения, утверждая, что «у историка, которому известно влияние Греции на мусульманскую культуру и влияние мусульманской культуры на западноевропейскую, едва ли даже может возникнуть сомнение в возможности сближения

²⁴⁰ Розенберг О. О. О понимании восточной души // Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей. С. 324.

²⁴¹ Там же.

²⁴² См., например, введение Ольденбурга к работе Г. Цыбикова «Буддист-паломник у святынь Тибета» в: Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. Т. 1. Новосибирск: Наука, 1991. С. 31.

Запада с Востоком»²⁴³. Уже в 1896 году Бартольд отмечал следующее:

Представление о востоке, как о сказочной стране, где господствуют исключительно фантазия и чувство, постепенно отходит в область преданий; все более и более одерживает верх сознание, что на востоке люди живут и действуют под влиянием тех же побуждений, как и на западе, что в обоих случаях ход исторической жизни определяется преимущественно, хотя и не исключительно, экономическими условиями²⁴⁴.

В начале XX века понятие «сближения» Востока и Запада было важной составляющей интеллектуального дискурса о русской самобытности. Как это часто бывает в случае с широкими и, следовательно, неизбежно расплывчатыми терминами, различные группы и отдельные лица приписывали ему разные значения. Как показала Джейн Шарп, для представителей художественного авангарда местом сближения Востока с Западом стала Россия, и это было проявлением специфики страны, отличающей ее от (Западной) Европы. По мнению ведущих деятелей русского авангарда, на территориях, которые постепенно вошли в состав Российской империи, различные народы и племена с совершенно различными восточными и западными традициями взаимодействовали между собой, создавая уникальный симбиоз²⁴⁵.

²⁴³ Бартольд В. В. Ислам // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 6. М., 1966. См. гл. 7. Ислам и современная культура. С. 136–137. Мусульманские общества были классифицированы здесь как Восток. Таким образом, исследуя и критикуя категории Востока и Запада как исторические, политические и культурные конструкты, слишком абстрактные, чтобы считать их отражением объективной реальности, ученые школы Розена тем не менее сами ими пользовались.

²⁴⁴ Он же. Об одном историческом вопросе // Среднеазиатский вестник. Ташкент, 1896. Ноябрь. вып. С. 53.

²⁴⁵ Sharp J. A. Russian Modernism between East and West. Особ. Р. 4, 20, 25.

Определение российскими востоковедами сближения Востока с Западом было несколько отличным и более противоречивым, чем взгляды художников-авангардистов в изложении Шарп. Иногда ученые сходным образом утверждали, что своей спецификой Россия обязана сосуществованию в ней двух разных культур — восточной и западной (именно так картина виделась Розену). Но в других случаях с начала первого десятилетия XX века ученики Розена стали иногда просто отрицать существование каких бы то ни было существенных отличий в традициях Европы и Востока.

Разница во взглядах ученых и художников-авангардистов, возможно, связана с тем, как представители этих двух групп воспринимали свою собственную идентичность. Культурные деятели авангардизма подчеркивали разницу между специфическими традициями русского народного искусства, которое эти художники находили таким привлекательным, и культурными традициями Европы. Указывая на сходство русского средневекового и народного искусства и художественных традиций Азии, российские художники-авангардисты пытались дифференцировать собственную художественную самобытность и опыт своих западноевропейских коллег²⁴⁶.

Хотя востоковеды также стремились выработать специфически русский подход к предмету своих академических исследований, для них более важным был поиск возможностей утвердить себя как видных представителей международного научного сообщества, чьи основные центры располагались в Европе. Если художники-авангардисты подчеркивали неевропейское происхождение своих новых подходов, то российские востоковеды всегда признавали европейские основы своей науки. Никто из них, даже Марр, не отрицал своей принадлежности к европейскому академическому сообществу.

Таким образом, для востоковедов имело смысл отрицать существование каких бы то ни было фундаментальных

²⁴⁶ Sharp J. A. Russian Modernism between East and West. P. 5.

различий между европейскими и азиатскими традициями, поскольку это отрицание помогало преодолеть противоречие между их притязаниями на центральное положение России в европейском востоковедении и их заявлениями о якобы особом уважении и близости российских ученых к «восточным формам знания».

Пересмотр положения России по отношению к Европе

То, как ученые воспринимали Восток и Запад, было тесно связано с их представлениями о России и вдохновляло их пересмотр превалирующих нарративов русской истории. Само понимание Розенём и Кондаковым русской культуры как итога длящихся веками взаимодействий среди различных народов, живших на территории Российской империи, подвергало сомнению восприятие русской национальной идентичности как бесспорно европейской. Если в конце XIX века такие панслависты, как, например, Николай Данилевский и Владимир Ламанский, включали восточные части империи в русское национальное пространство, указывая лишь на территориальную колонизацию (то есть миграцию русских поселенцев в «азиатскую Россию») ²⁴⁷, то исследование культурных взаимодействий между Востоком и Западом, предпринятое школой Розена, было попыткой интегрировать восточную и южную периферии империи в культурном отношении.

²⁴⁷ *Bassin M. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // Slavic Review. 1991. Vol. 50. No. 1. P. 13.* Оба — и Н. Данилевский, и В. Ламанский — придерживались негативного мнения о восточных «инородцах» Российской империи, что отличало их от востоковедов школы Розена. О взглядах Ламанского на «азиатов» см.: *Bassin M. Russia between Europe and Asia. P. 13.* О взглядах Данилевского см.: *Jersild A. L. Faith, Custom, and Ritual in the Boderlands: Orthodoxy, Islam, and the «Small Peoples» of the Middle Volga and the North Caucasus // The Russian Review. 2000. Vol. 59. No. 4. P. 524–525.*

С точки зрения пересмотра господствующего русского национального нарратива работа Бартольда представляла собой особую значимость. Обсуждая влияние географического положения России на формирование ее идентичности, Бартольд пришел к заключению, что отношения России с «миром ислама» отличались от того, как с мусульманскими обществами взаимодействовала Западная Европа. По его мнению, у России была реальная возможность стать мусульманской страной. В дополнение к известному отрывку из «Повести временных лет», где князь Владимир размышляет об исламе, выбирая новую религию для Руси, Бартольд приводил цитату из «мусульманского источника», из которой следовало, что вскоре после обращения Руси в христианство Владимир пожалел о сделанном им выборе и решил, что нужно было бы выбрать ислам²⁴⁸. По мнению Бартольда, сначала Русь поддерживала тесные связи с «миром ислама», однако впоследствии «средневековая Россия осталась почти совершенно в стороне от того общения с мусульманским культурным миром, которое для народов Южной Европы (итальянцев, испанцев и французов) было одной из главных причин их культурных успехов». Бартольд считал, что еще в XVI веке различные мусульманские общества в культурном отношении продолжали быть более развитыми и динамичными, чем Европа. Он настаивал, что изоляция Руси от «исламского мира» была как важной причиной, так и отражением ее культурной отсталости²⁴⁹.

Интерпретация Бартольдом отношений между Русью и монголами была особенно значительным отступлением от господствующего нарратива русской истории XIX – начала XX века, известного по работам Соловьева и Ключевского. Уже в своей диссертации, опубликованной под названием «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», Бартольд развернул борьбу против крайне негативного, как в попу-

²⁴⁸ Бартольд В. В. История изучения мусульманского мира в России (1917) // ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 239. Л. 1.

²⁴⁹ Там же. Л. 5, 6.

лярных, так и в научных работах, изображения монголов, которые якобы не принесли ничего, кроме разрушения, в завоеванные ими общества²⁵⁰. В доминирующем русском национальном дискурсе, который выкристаллизовался в XIX веке, татаро-монгольское иго было названо основной причиной культурной отсталости России от Западной Европы. И в то же время оно рассматривалось в качестве «случайного эпизода», имевшего минимальное воздействие на европейскую природу культурной самобытности России. В этом нарративе Русь щитом оградила Европу от угрозы монгольского завоевания — вклад, который недооценивался на Западе²⁵¹.

Отвергая такой нарратив фактически полностью, Бартольд в первые годы XX века по-новому интерпретирует татаро-монгольское завоевание, трактуя его как период, оказавший благотворное воздействие на Русь и в политике, и в культуре. Он утверждал, что монголы приносили в завоеванные ими общества не опустошение, а политическую стабильность. Согласно Бартольду, стабильность монгольского периода подготовила почву не только для политического возрождения Руси под властью Москвы, но и для дальнейших успехов русской культуры²⁵². Он сделал вывод, что «вопреки часто высказывавшемуся мнению, даже влиянию европейской культуры Россия в московский период подвергалась в гораздо большей степени, чем в киевский»²⁵³. Вместо того чтобы рассматривать монгольское вторжение как эпизод, который привел к последующей культурной отсталости России, Бартольд придерживался мнения, что этот период просто выявил

²⁵⁰ Бартольд В. В. Речь перед защитой диссертации. С. 606–608.

²⁵¹ Becker S. The Muslim East in Nineteenth-Century Russian Popular Historiography // Central Asian Survey. 1986. Vol. 5. No. 3–4. P. 31–33, 36, 38.

²⁵² Такие историки XIX века, как Николай Карамзин и Михаил (Микола) Костомаров, уже обосновали политическую составляющую данного аргумента.

²⁵³ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. С. 364.

уже существующую отсталость Руси, которая оказалась не способна в полной мере воспользоваться вторжением монголов для обогащения своей культуры знаниями с Востока и о Востоке²⁵⁴.

Что касается современной России, то для обсуждаемых здесь востоковедов она была прежде всего европейским государством с азиатскими владениями²⁵⁵. И все же Россия определено не была частью Европы, если под Европой понимался только Запад. Марр выразил эту точку зрения наиболее четко, когда определил Россию как «исторически сформировавшуюся часть особого — ни западноевропейского, ни восточноазиатского — культурного мира»²⁵⁶. Если убрать слово «запад» из сочетания «западноевропейский», то определение Марра совпало бы с определением, предложенным для «России-Евразии» представителями евразийского движения. Тот факт, что Марр противопоставлял Россию не Европе, а Западной Европе, весьма существен: он демонстрирует суть отличия взглядов востоковедов от взглядов евразийцев.

Настойчивое стремление не ограничивать Европу только Западом восходит к эпохе Просвещения XVIII века, когда западноевропейскими элитами была разработана концепция «Восточной Европы» как промежуточного мира между культурой и варварством. Путем разделения понятий

²⁵⁴ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.. С. 363–364. См. также: *Он же*. Восток и русская наука. Современные Бартольду западные ученые не всегда разделяли его взгляды. См.: Бартольд В. В. Научная поездка в Западную Европу (18 июля 1924) // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. С. 564–572.

²⁵⁵ Порой художники-авангардисты и представители евразийского движения изображали Россию как одну из колоний Запада наряду с обществами Азии и Африки. См.: *Sharp J. A. Russian Modernism between East and West. P. 7; Trubetzkoy N. S. The Legacy of Ghengiz Khan and Other Essays on Russian Identity. Ann Arbor: Slavic Publications, 1991. P. 103.* Подобного рода идеи не пользовались популярностью среди российских академических востоковедов, которые считали себя «европейскими учеными».

²⁵⁶ *Марр Н. Я. Всероссийская культурная проблема. Общечеловеческие культурные ценности на Кавказе и их интересы // ПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 2366. Л. 10.*

«Европа» и «Западная Европа» восточноевропейские элиты пытались бороться с «ориентализацией» своих обществ, проводимой их западноевропейскими коллегами²⁵⁷. Это разделение Европы и Западной Европы было ясно отражено в работах славянофилов 1840-х годов. Они противопоставляли послепетровскую Россию не Европе, как часто полагают, а Западной Европе. Славянофилы не ставили под сомнение вопрос о европейской природе русской культуры начиная с XVIII века²⁵⁸. Пересмотр востоковедами географических и культурных границ Запада должен рассматриваться как стремление утвердить европейскую идентичность России и одновременно констатировать ее отличие от Западной Европы.

То же самое можно сказать и о поисках учеными прародины арийцев или, как в случае с Марром, прародины яфетидов на территории России. Интерес к происхождению европейской цивилизации и поиск прародины европейцев в различных регионах мира, включая Индию, Среднюю Азию, Крым или Северную Европу (например, Германию), были важными элементами научных исследований в то время, когда ученики Розена начинали свою карьеру. В рамках этого поиска российские ученые под руководством учителя Розена — Василия Григорьева отождествили в середине XIX века историческую родину арийцев со Средней Азией и Сибирью, а также нашли «колыбель европейской цивилизации» в скифском Крыму, иногда прямо увязывая свои научные изыскания с политическими целями российского империализма (то есть предлагая обосновывать имперскую экспансию как возврат земель, изначально принадлежавших арийцам-европейцам, в европейское [российское] управление)²⁵⁹.

²⁵⁷ *Wolff L. Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization in the Mind of the Enlightenment.* Stanford: Stanford University Press, 1994.

²⁵⁸ Данная проблема в русской интеллектуальной традиции XIX века обсуждается в: *Tolz V. The West // The Cambridge History of Russian Thought / D. Offord, W. Leatherbarrow, eds.* Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 197–216.

²⁵⁹ См., например: Труды Третьего Международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге, 1876 / Под ред. В. В. Григорьева. СПб.:

Понятие «арийский», в противоположность урало-алтайскому и дравидийскому, появилось в лингвистике как описание группы родственных языков в Евразии. Затем лингвистическая концепция дала начало расовым интерпретациям «арийского» и «индоевропейского» в результате ряда факторов: использования этого термина в этнологии; широкого распространения представления, особенно в континентальной европейской науке, о непосредственной связи между языком и этнической принадлежностью; развития физической антропологии; социального дарвинизма; и негативного представления о «цветных» жителях колоний в контексте колониальных конфликтов, усилившихся к середине XIX века²⁶⁰. Даже ученые, которые, как Марр, Бартольд и Розенберг, критиковали использование лингвистических классификаций для идентификации расовых групп и выступали против биологического объяснения культурных различий, пользовались «языком своего времени, говоря об арийской расе»²⁶¹.

В 1896 году Бартольд выступил на заседании Кружка любителей археологии Туркестана с научным докладом об арийской культуре в Средней Азии. В своей речи он поднял вопрос, на который, по его словам, все еще не было дано однозначного ответа: являлся ли арийский народ иранской ветви исконным населением этого региона, или он мигрировал туда откуда-то еще?²⁶² Спустя семь месяцев эта тема, обсуждение которой, по мнению Бартольда, не должно было выходить за академические рамки, была

Тип. бр. Пантелеевых, 1879–1880. Т. 1. С. LV–LVI. История арийского мифа в России исследуется в: *Laruelle M. Mythe aryen et rêve impérial dans la Russie du XIXe siècle*. Paris: CNRS Editions, 2005.

²⁶⁰ *Ballantyne T. Orientalism and Race. Aryanism in the British Empire*. Houndmills: Palgrave, 2002. P. 44–54.

²⁶¹ Цит. по: *Poliakov L. The Aryan Myth: A History of Racist and Nationalist Ideas in Europe*. London: Chatto and Windus: Heinemann for Sussex University Press, 1984. P. 257.

²⁶² Взвешенную трактовку данного вопроса см. в: *Лукин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане*. Ташкент: Изд-во Академии наук Узбекской ССР, 1958. С. 52–55.

использована генерал-губернатором Туркестана бароном Б. А. Вревским в его крайне политизированном выступлении о «восстановлении» правления арийцев в Средней Азии (в форме российского империализма), что ужаснуло Бартольда и вынудило его модифицировать свои первоначальные взгляды. В своей статье «Задачи русского востоковедения в Туркестане», опубликованной в 1914 году, он отметил следующее:

Несмотря на крайнюю шаткость положений «расовой психологии», пристрастные, в ту или другую сторону, суждения о расах пользуются в настоящее время среди образованного общества всех стран еще большим успехом, чем пристрастные суждения о религиях. Преувеличенное представление о культурных заслугах арийцев и варварстве турок не могло не отразиться на понимании научных задач России в Туркестане²⁶³.

Концепция Марра о «яфетической культуре» стала еще одной востоковедческой попыткой найти прародину европейцев. Марр решительно отверг арийскую теорию как расистскую. Тем не менее он сам использовал ее концептуальный и терминологический аппарат²⁶⁴. Разнородные в культурном отношении «яфетиды» Марра достигли самых высоких уровней цивилизации в те времена, когда «индоевропейцы обитали где-то на далеком севере Европы. Греки и римляне, в которых раньше видели создателей древней европейской культуры, еще и не появлялись на свете»²⁶⁵. Тот факт, что Марр обнаружил колы-

²⁶³ Бартольд В. В. Задачи русского востоковедения в Туркестане // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. С. 529.

²⁶⁴ Данное наблюдение принадлежит Юрию Слезкину: *Slezkine Y. N. Ia. Marr and the National Origin of Soviet Ethnogenesis // Slavic Review. 1996. Vol. 5. No. 55. P. 836.* Однако сравнение Слезкиным Марра с немецким этноисториком и археологом Густафом Коссинной неверно. На самом деле подходы Марра и Коссинны к категориям расы и этнической принадлежности имели между собой мало общего.

²⁶⁵ Первую систематическую разработку Марром данной аргументации см.: *Марр Н. Я. Кавказоведение и абхазский язык.*

бель своей яфетической цивилизации на Кавказе — этом перекрестке Востока и Запада, христианства и ислама, чье этнографическое, культурное и лингвистическое разнообразие, согласно этому ученому, сделало данный регион «микрокосмом России»²⁶⁶, — позволил ему постулировать для России центральное, а не периферийное положение в Европе.

Востоковеды и евразийцы

В 1912 году Бартольд сетовал на малочисленность аудитории, которая была у него и его коллег²⁶⁷. В особенности его удручало то, что, по его мнению, ни правительство, ни общество не были заинтересованы в результатах работы востоковедов. И все же Бартольд преувеличивал это небрежение и серьезно недооценивал влияние своих собственных работ и трудов своих коллег за пределами академического мира. В первые три десятилетия XX века российская культурная элита, без сомнения, являлась благодарной аудиторией для представителей научного востоковедения. Например, такие крупные литераторы и художники, как Андрей Белый, Максимилиан Волошин, Александр Блок и Николай Рерих, равно как и представители более широких кругов российской элиты, зачарованные теософией и буддизмом, внимательно читали труды российских ориенталистов²⁶⁸.

С. 59–78. Цит. из: *Марр Н. Я.* Чем живет яфетическое языкознание // *Марр Н. Я.* Избранные работы. Т. 1. С. 171.

²⁶⁶ Цит. по: *Васильков Я. В.* Трагедия академика Марра // *Христианский Восток.* 2001. № 2. С. 399–401.

²⁶⁷ *Бартольд В. В.* От редакции <журнала «Мир ислама»>. С. 366.

²⁶⁸ *Андреев А. И.* Храм Будды в Северной столице. СПб.: Нартанг, 2004. С. 17–18; *Carlson M.* No Religion Higher Than Truth. P. 193–194; *Ропотаева А.* Andrei Belyi and Indian Culture. P. 14–16, 25, 33, 65, 113–116, 143; *Белый А.* Начало века. М.: Худож. лит., 1990. С. 69; *Рерих Н.* Листы из дневника. Т. 3. М.: Международный центр Рерихов, 2002. С. 319, 321. См. также: *Беликов В., Князева В.* Рерих. М., 1972. С. 105–111, 126–127, 167–179, 207.

Николас Рязановский отмечал влияние русской академической науки конца XIX — начала XX века на теории евразийцев. Однако его оценка этого влияния весьма ограничена. Он ссылается только на Николая Трубецкого и Романа Якобсона, использовавших существующие исследования тюркского и финно-угорского языков для разработки евразийских лингвистических теорий, а также на возможное влияние на евразийцев аргументов Ключевского о роли нерусских этнических групп в формировании русской нации²⁶⁹. На деле влияние востоковедов выходило далеко за рамки лингвистической области; в вопросах общего понимания истории России и ее культурного развития евразийцы были намного ближе к школе Розена, чем к Ключевскому.

Между востоковедами и интеллектуалами, так или иначе причастными к евразийскому движению, существовали личные связи, хотя и не очень прочные. Один из организаторов движения географ Петр Савицкий вел переписку с Бартольдом и внимательно читал его работы²⁷⁰. Ведущий идеолог евразийцев Николай Трубецкой в студенчестве испытал на себе влияние этнографов и лингвистов Северного Кавказа, работавших в рамках программы Розена — Кондакова — Веселовского, согласно которой русская культура представлялась как продукт исторического взаимодействия различных народностей империи²⁷¹. Историк Георгий Вернадский, тесно связанный с евразийским движением, находился под сильным

²⁶⁹ *Riasanovsky N. V. Asia through Russian Eyes. P. 26, 375, сноска 50.* Роль востоковедческих исследований в формировании представлений о Востоке в российском обществе в начале XX века отмечена у Марлен Ларюэль только в одном предложении. См.: *Laruelle M. The Orient in Russian Thought at the Turn of the Century // Shlapentokh D. Russia between East and West Scholarly Debates on Eurasianism. Leiden: Brill, 2007. P. 30.* Столь же краткую ссылку см.: *Wiederkehr S. Die eurasische Bewegung. Cologne: Böhlau, 2007. S. 113.*

²⁷⁰ ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 418. Л. 34–43.

²⁷¹ *Широков О. С. Проблема этнолингвистических обоснований евразийства // Исход к Востоку. М.: Добросвет, 1997. С. 7–10.* В 1920-х годах Трубецкой также следил за публикациями лингвисти-

впечатлением идей Кондакова, а также Розена о восточных влияниях на средневековую культуру Европы и роль кочевников в объединении Европы и Азии²⁷².

Кроме того, к началу XX века востоковеды уже выступили инициаторами критики европоцентристских предубеждений и поддержали идею конвергенции Востока и Запада. Их взгляды и мысли стали играть важную роль в общественном восприятии отношений России с Европой и Азией, создавая условия для возникновения евразийского движения, ставшего откликом на травмирующий опыт мировой войны, революцию и распад Российской империи. Не всегда легко определить, кто был первым выразителем тех или иных идей. Например, Трубецкой заявлял, что его собственные антиевропоцентристские взгляды сформировались уже к 1910 году²⁷³. Тем не менее по некоторым конкретным вопросам ученые школы Розена явно лидировали в отстаивании ревизионистской повестки дня. Если надлежащим способом учесть их работы, то некоторые аргу-

ческих работ Марра, становившихся все более экстравагантными. См.: *Trubetzkoy N. S. Letters and Notes. The Hague: Mouton, 1975. P. 74–75.*

²⁷² *Вернадский Г. В.* О значении научной деятельности Н. П. Кондакова: к восьмидесятилетию со дня рождения (1844–I. IX. 1924). Прага: s.l., 1924. Михаил Ростовцев – сначала старший коллега Вернадского в Санкт-Петербургском университете, а позже такой же эмигрант, еще более усилил влияние идей Кондакова на Вернадского. Ростовцева, как специалиста по древнегреческой и римской истории, особенно интересовало смешение различных культур в античный период на территории Крыма (Скифии). В 1910–1920-х годах его работами, в которых критиковалась дихотомия Восток–Запад и особое внимание уделялось неевропейским элементам русской культуры, зачитывались интеллектуальные круги России. См., например: *Бонгард-Левин Г. М.* Скифский роман. М.: РОССПЭН, 1997, в частности с. 516–529 о взаимоотношениях Ростовцева и Вернадского.

²⁷³ В ответ на предположение, высказанное в 1921 году Романом Якобсоном о том, что работа «Европа и человечество» была прежде всего реакцией на русскую революцию и послевоенную международную обстановку, Трубецкой в своем письме к Якобсону писал, что он ошибается, и что эта книга на самом деле была задумана в 1909–1910 годах. См.: *Trubetzkoy N. S. Letters and Notes. 1975. P. 12.*

менты евразийцев окажутся менее оригинальными, чем принято думать²⁷⁴.

Переосмысление Трубецким и Вернадским роли монголов в развитии России и их попытка рассмотреть российскую историю, взглянув на нее с Востока, как правило, представляются как особенно новаторский вклад евразийцев в изучение истории России²⁷⁵. В этом случае новаторство евразийцев сильно переоценивается. Савицкий был готов признать первенство Бартольда в этой области, тогда как Бартольд в своей переписке с Савицким отмечал, что Вернадский недостаточно четко указал зависимость своей интерпретации от концепции Бартольда²⁷⁶. Цитируя подзаголовок одной знаменитой работы Трубецкого, в некрологе Бартольду Савицкий подчеркнул, что Бартольд был первым, кто предложил взглянуть «на русскую историю не с Запада, а с Востока». Савицкий добавил, что труды Бартольда «по полноте соперничают со всеми подобными опытами [евразийских авторов] последних лет, а по времени им предшествуют»²⁷⁷.

Савицкий также справедливо отметил важность ревизионистской точки зрения Бартольда на влияние, ока-

²⁷⁴ Например, Дэвид Чиони Мур преувеличивает оригинальность критики европоцентризма Трубецким, игнорируя упомянутых здесь российских, немецких и австрийских предшественников Трубецкого. См.: *Moore D.Ch. Colonialism, Eurasianism, Orientalism: N. S. Trubetzkoy's Russian Vision // The Slavic and East European Journal. 1997. Vol. 41, No. 2. P. 321–326.*

²⁷⁵ См., например: *Halperin Ch.J. George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols, and Russia // Slavic Review. 1982. Vol. 41. No. 3. P. 477–496 (особ. P. 479–480, 486)*, где Гальпериным подчеркивается разница между интерпретациями Вернадского и Ключевского. Славомир Мазурек представляет взгляды евразийцев на роль монголов в русской истории в качестве примера оригинальности идей этих мыслителей. См.: *Mazurek S. Russian Eurasianism: Historiography and Ideology // Studies in East European Thought. 2002. Vol. 54. No. 1–2. P. 105–123.*

²⁷⁶ ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 418. Л. 53 об.

²⁷⁷ *Савицкий П. Н. В. В. Бартольд как историк // Семинарий им. Н. П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum). Т. 4. Прага, 1931. Переиздано в: Савицкий П. Н. Избранное / Сост., авт. вступит. ст. Е. Л. Петренко [и др.]. М.: РОССПЭН, 2010. См. С. 458.*

занное монголами на Московскую Русь. Самое первое обсуждение этой темы Бартольдом в его работе «История изучения Востока» предшествовало как публикациям Вернадского²⁷⁸, так и знаменитой разработке подобной аргументации Трубецким в его работе «Наследие Чингисхана: взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» (1925 год)²⁷⁹.

Савицкий сам с интересом относился к исследованиям Бартольда о перемещениях центров наиболее интенсивной культурной активности между различными регионами Европы и Азии и к его выводу об исторической кратковременности доминирующей роли западноевропейской культуры. Ключевой аргумент статьи Савицкого «Миграция культуры», опубликованной в 1921 году в евразийском манифесте «Исход к Востоку»²⁸⁰, имел много общего с оригинальными взглядами Бартольда на историческую миграцию культурных центров, изложенными в его работе «История изучения Востока»²⁸¹. Кроме того, Савицкий

²⁷⁸ *Вернадский Г. В.* Движение русских на Восток // Научный исторический журнал. 1914. № 2. С. 52–61. Уже к 1914 году у Вернадского с Бартольдом имелось много общего в их интерпретациях русской истории. Следует отметить, что в данной статье Вернадского есть всего одна ссылка на Бартольда, касающаяся их главного разногласия по поводу того, насколько нашествие монголов расширило географические познания на Руси. См. с. 55. Здесь, как и в своей более поздней работе «Монгольское иго в русской истории» (1927), Вернадский старается преуменьшить несамостоятельность собственных суждений, давая понять, что у Бартольда им были заимствованы лишь некоторые фактические данные, а не их широкие интерпретации.

²⁷⁹ *Trubetskoi N. S.* The Legacy of Genghis Khan: A Perspective on Russian History not from the West but from the East // *Trubetskoi N. S.* The Legacy of Genghis Khan. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1991. P. 161–231.

²⁸⁰ «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» — сборник статей четырех авторов (П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого и Г. В. Флоренского), вышедший в начале августа 1921 года в Софии. Переиздан в Москве в издательстве «Добросвет» в 1997 и 2008 годах.

²⁸¹ *Савицкий П. Н.* Миграция культуры // Исход к Востоку: Предчувствия и свершения. София: Балкан, 1921. С. 119. Савицким признавалась значимость аргументации Бартольда о «миграции

признавал заслуги Бартольда в изучении роли кочевников в распространении результатов культурного творчества оседлых народов на территории (будущего) российского государства²⁸².

Были и другие области, где взгляды членов школы Розена и взгляды евразийцев были сходными, хотя мы не располагаем возможностью достоверно установить непосредственное влияние востоковедов. Сходство заключалось в отказе обеих групп от европоцентристского взгляда на мир. Те, кто настаивает на оригинальности критики евразийцами европейской тенденции ставить знак равенства между «универсальными ценностями» или «универсальной человеческой цивилизацией» и культурой «романо-германских наций», не учитывают, что австрийский наставник Розена — Альфред фон Кремер и другие востоковеды уже выражали подобные мнения в конце XIX века²⁸³. Кремер надеялся, что его научный подход преодолет тенденцию воспринимать как универсальные те идеи, которые, по сути, являлись «предрассудками <...> исповедуемыми лишь небольшой частью человечества» (то есть европейцами)²⁸⁴. Нападки Трубецкого

культурных центров» в его статье «В. В. Бартольд как историк» (см. с. 269–270). Тем не менее, как сообщил автору Мартин Байссвенгер, в личных документах Савицкого за период, когда писалась «Миграция культуры», нет ничего такого, что могло бы указывать на его осведомленность о работе Бартольда в то время.

²⁸² Савицкий П. Н. В. В. Бартольд как историк. С. 261; *Он же*. Степь и оседлость (1922) // Россия между Европой и Азией / Под ред. Л. И. Новиковой, И. Н. Сиземской. М.: Наука, 1993. С. 123–130, где Савицкий также отмечает важность исследования Кондаковым роли культуры кочевников для понимания нами истоков византийского, восточноевропейского и западноевропейского искусства Средневековья.

²⁸³ Дэвид Чиони Мур, к примеру, ошибочно утверждает, что работы Трубецкого были первым примером «критики всеохватного европоцентризма», который возродится лишь в 1950-х годах благодаря работам интеллектуалов третьего мира. См.: *Moore D. Ch. Colonialism, Eurasianism, Orientalism*. P. 323–324.

²⁸⁴ Цит. по: *Paret R. The Study of Arabic and Islam at German Universities*. P. 12.

на представления об универсальности европейской истории и культуры в его книге «Европа и человечество» были новаторскими с точки зрения систематической разработки этого тезиса, но не с точки зрения сути самой аргументации²⁸⁵.

Точно так же оригинальность недвусмысленного отказа Трубецкого от эволюционистской точки зрения на культурное развитие, когда все народы и культуры оценивались по нормам, установленным западноевропейской цивилизацией²⁸⁶, необходимо рассматривать в контексте более раннего отказа немецкоязычных востоковедов и Марра от идеи классификации одних народов как развитых в культурном отношении, а других — как отсталых. К тому же в анализе категорий «Восток» и «Запад» евразийцы лишь следовали по стопам учеников Розена. В 1920-х годах евразийцы и такие востоковеды, как, например, Марр и Ольденбург, находясь в разных условиях (в большевистской России и в эмиграции), высказывали схожую критику по поводу отношений между европейской наукой и империализмом²⁸⁷.

Конечно, существовали и принципиальные различия во взглядах евразийцев и востоковедов школы Розена. В своих письмах к Савицкому Бартольд утверждал, что евразийцы манипулируют историческими данными, пытаясь подогнать материал под свою теоретическую схему и подчеркивал, что концепция «Евразии» как «центральной точки [мира] между Европой и Азией» не может быть научно подтверждена²⁸⁸. Что еще важнее, для евразийцев

²⁸⁵ *Trubetskoi N. S. Europe and Mankind (1920) // Trubetskoi N. S. The Legacy of Genghis Khan. P. 1–64.*

²⁸⁶ *Ibid. P. 15–35.*

²⁸⁷ Данное сходство было справедливо отмечено в: *Slezkine Y. N. Ia. Marr and the National Origins of Soviet Ethnogenetics. P. 833–834.* См. также: *Riasanovsky N. V. Asia through Russian Eyes. P. 29; Глебов С. Границы империи как границы модерна. Антиколониальная риторика и теория культурных типов в евразийстве // Ab Imperio. 2003. № 2. С. 267–291.*

²⁸⁸ ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 418. Л. 35, 37, 37 об.

«Россия-Евразия» не являлась Европой; для них Россия и Европа были разделены непроницаемыми культурными и политическими границами. Для востоковедов, включая Марра, такого разделения не существовало. Как отмечалось выше, некоторые из интерпретаций востоковедов культурной географии Востока и Запада подталкивали их к выводу, что Россия является колыбелью европейской цивилизации — ее центром, а не периферией. В целом, несмотря на интерес Бартольда к отношениям между географией и историей, востоковеды не разделяли географический детерминизм евразийцев²⁸⁹.

Разница между мнением обсуждаемых здесь востоковедов и взглядами классических евразийцев была четко отражена в реакции Трубецкого на статью Петра Бицилли «“Восток” и “Запад” в истории Старого Света», которая была издана в 1922 году в евразийском сборнике «На путях». Историк Бицилли, главным покровителем которого в эмиграции был Кондаков²⁹⁰, отстаивал точку зрения Кондакова о важности персидского влияния на средневековое европейское искусство и о влиянии искусства Византии на культуру Ренессанса. Бицилли, в полном соответствии с исследованиями, начатыми Розеном и его учениками, подробно рассмотрел роль восточных интеллектуальных традиций в формировании христианства и вслед за Кондаковым и востоковедами подчеркнул роль кочевников в распространении различных культурных форм на территории Старого Света. К тому же, подобно Бартольду и другим востоковедам, Бицилли настаивал на том, что концепции «Восток» и «Запад» не отражают никакой объективной реальности²⁹¹. Идея о существовании четкой границы между Европой и Евразией, столь важная для евразийцев, в работе Бицилли отсутствовала.

²⁸⁹ Савицкий П. Н. В. В. Бартольд как историк. С. 263, 266.

²⁹⁰ Именно Кондаков в 1924 году помог Бицилли получить академическую работу в Болгарии.

²⁹¹ Бицилли П. М. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // На путях. Берлин: Геликон, 1922. С. 317–340.

Его выводы были всего лишь повторением аргументов ученых, принадлежащих к школам Кондакова и Розена. Примечательно, что Трубецкой не находил их ни достаточно оригинальными, ни достаточно евразийскими²⁹².

Согласно своей идее о существовании непроницаемой границы между Европой и Евразией, евразийцы безоговорочно осуждали влияние Европы на неевропейские народы как «оккупацию», разрушительно действующую на местные культурные традиции²⁹³. Востоковеды в целом не были согласны с такой позицией. Большинство представителей школ Кондакова и Розена, в частности Бартольд, рассматривали культурные влияния, в том числе европейское влияние на народы Востока, как по большей части положительные или нейтральные силы, стимулирующие новое творческое развитие. Из всех последователей Розена, кажется, один только Марр, имевший в детстве опыт жизни «туземца» при европейском колониализме, в конце концов отошел от оптимистического взгляда своего учителя на культурные взаимодействия. В последнее предреволюционное десятилетие Марр начал утверждать, что для объяснения крупных культурных и лингвистических сдвигов необходимо идентифицировать внутренние, а не внешние импульсы — такие, как, например, миграция; он также охарактеризовал влияние древних греков и других европейских народов на Кавказ как причинившее значительный урон местной культуре. В 1920-х годах взгляды Марра становятся все более радикальными и еще более изоляционистскими²⁹⁴. Столь резкое поношение

²⁹² Глебов С. Евразийство между империей и модерном. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 187.

²⁹³ См., в частности: *Trubetzkoy N. S. On True and False Nationalism* (1921) // *Trubetzkoy N. S. The Legacy of Genghis Khan*. P. 65–79. Об анализе этого аспекта наследия евразийцев см.: Глебов С. Границы империи как границы модерна.

²⁹⁴ См., например: *Марр Н. Я. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании Средиземноморской культуры* // *Марр Н. Я. Избранные работы*. Т. 1. С. 79–124. См. также: *Платонова Н. И. Академик Николай Яковлевич Марр и Санкт-Петербургский университет* // *Знаменитые универсанты*. Т. 1. СПб.:

(Западной) Европы отличало Марра от большинства других последователей Розена, и в 1920-х годах он стал ближе к евразийцам, чем любой из них²⁹⁵.

* * *

Используя в своих трудах категории Востока и Запада, Европы и Азии, ученые школы Розена четко осознавали, что эти понятия являются политическими и культурными конструктами. В частности, Бартольд предпринял новаторское исследование по изучению происхождения этих понятий и истории их употребления, придя к заключениям, схожим с выводами современных ученых. Ученики Розена описывали дихотомию Восток — Запад как часть популярной европейской мифологии, основанной на недостатке знаний и тщеславии.

Хотя сами исследователи сетовали на отсутствие должного внимания к результатам их исследований со стороны членов правительства и широкой публики, на самом деле у них была восприимчивая аудитория, состоявшая из представителей русского культурного модернизма, — аудитория, которая, с одной стороны, находилась под впечатлением работ этих востоковедов, с другой — создавала интеллектуальную среду, благоприятную для востоковедческих исследований. Новые идеи востоковедов о происхождении европейской цивилизации, российской истории и русской идентичности стали контекстом, в котором евразийцы разработали свои теории, оригинальность которых часто

Изд-во СПбГУ, 2002. С. 156–178. Однако на ранней стадии своей карьеры Марр безоговорочно разделял взгляды Розена на то, что «пути культурного общения... это — главные стимулы брожения, основные, хотя не всегда замечаемые, источники прогресса во всех областях народной жизни», см.: *Марр Н. Я.* Памяти В. Р. Розена // ПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 942. Л. 1–2.

²⁹⁵ *Slezkine Y. N.* Ia. Marr and the National Origins of Soviet Ethnogenetics. P. 833–834. Существует свидетельство о том, что Марр выступал с лекцией на закрытом заседании евразийцев в Париже в декабре 1927 года: ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 359. Л. 220 об. (Я признательна Мартину Байссвенгеру за данную справку.)

преувеличивается. Наконец, ревизионистское наследие российских востоковедов должно рассматриваться в контексте развития антиевропоцентристских тенденций европейской науки — особенно немецкой и австрийской. Эти тенденции проявились уже в начале 1880-х годов и приобрели дополнительный импульс во время и после Первой мировой войны. Даже яфетическая теория Марра, экстравагантные аспекты которой привлекли внимание многих современных исследователей, может быть понята только в широком контексте ревизионизма европейской науки рубежа XX века²⁹⁶.

²⁹⁶ *Slezkine Y. N.* Ia. Marr and the National Origins of Soviet Ethnogenetics. P. 833–834; *Добренко Е.* Тотальная лингвистика: власть грамматики и грамматика власти // *Russian Literature*. 2008. Vol. 63. No. 2–4. С. 533–621; *Васильков Я. В.* Трагедия академика Марра. Васильков дает глубокий анализ взглядов Марра, но недооценивает важности общеевропейского научного контекста, в котором были сформулированы его теории.

Глава 3

ВЛАСТЬ И ЗНАНИЕ

Рассматривали ли имперские ученые свои труды как имеющие политический подтекст? Многие современные специалисты часто утверждают, что нет. Такая точка зрения отражена во многих работах об отношениях между знанием и властью, появившихся в ответ на то, как Мишель Фуко, Бернард Кон и Эдвард Саид определили специфику этих отношений в контексте европейского колониализма²⁹⁷. Участники часто цитируемой американской дискуссии о взаимосвязи между востоковедением и политической властью в России (в журнале «*Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History*») увязывают ответ на вопрос о представлениях ученых прошлого о политической значимости их трудов с анализом того, могли ли ученые в имперской России действительно оказывать влияние на политику правительства. По мнению Натаниэла Найта, ситуации, когда российские востоковеды оказывались не в состоянии убедить царских чиновников в том, что их научные исследования имеют политическое значение, а также когда ученые, как это часто случалось с представителями русской интеллигенции, не проявляли заинтересованности в непосредственном участии в процессе формирования политики из-за своего критического отношения к царскому режиму, представляют собой показательный

²⁹⁷ Николас Б. Диркс утверждает, что, «занимаясь своими научными проектами, колониальные этнографы редко задумывались над их связью с политикой». См.: *Dirks N. B. Castes of Mind: Colonialism and the Making of Modern India*. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 51. См. также: *Ashcroft B., Ahluwalia P. Edward Said and the Paradox of Identity*. London: Routledge, 1999. P. 87, 98.

пример невозможности прилагать к России модель взаимоотношений научного востоковедения и европейского колониализма, предложенную Эдвардом Саидом²⁹⁸. В качестве дополнительного аргумента в поддержку взгляда, что научные знания имели весьма отдаленное отношение к имперской политике, нередко используется также тот факт, что ориенталисты XIX – начала XX века как в России, так и в Европе в целом изучали преимущественно мертвые языки и древние тексты и артефакты²⁹⁹.

В современных постсаидовских дискуссиях об отношениях между научным востоковедением и властью, в которых резко критикуются деятельность и позиции имперских ученых прошлого, часто недостаточно полно анализируется то, что именно эти ученые говорили. Так, в обзоре Билла Эшкрофта и Пола Ахлувалии, посвященном влиянию, оказанному Саидом на последующие научные исследования, отмечается, что «одним из интереснейших аспектов» книги Саида «Культура и империализм» является анализ того, «каким образом культура, [на самом деле] прямо связанная с империализмом, воспринималась как совершенно непричастная к нему»³⁰⁰.

Но действительно ли имперские ученые хотели освободить культуру от ее роли в осуществлении Европой имперской экспансии и в установлении европейского господства? Как мы увидим в этой главе, на самом деле имперские ученые часто раздумывали об отношениях между научным знанием и властью. Выражение «Знание – сила» было главным лозунгом научной мысли XIX века³⁰¹. Мы постараемся про-

²⁹⁸ *Knight N.* On Russian Orientalism: A Response to Adeeб Khalid // *Kritika*. 2000. Vol. 1. No. 4. P. 701–715, особ. P. 703–706.

²⁹⁹ *Lewis B.* *Islam and the West*. New York: Oxford University Press, 1993. P. 108–118.

³⁰⁰ *Ashcroft B., Ahluwalia P.* *Edward Said and the Paradox of Identity*. P. 98.

³⁰¹ См., например, аргументацию В. В. Григорьева, что «[с]ейчас каждый признает, что знание – сила»: *Григорьев В. В.* В опровержение некоторых мнений, высказанных в последнее время о преподавании восточных языков в России и об изучении у нас востока вообще //

демонстрировать, что, по сути, большинство имперских ученых имело взгляды, достаточно сходные с позицией Кона и Саида, заключающиеся в том, что именно культура и научные знания наделяли европейцев величайшей силой, позволявшей им господствовать над Востоком. Как показано в настоящей главе, представители школы Розена часто приходили к заключениям, имевшим много общего с выводами современных ученых о связи между научным знанием и властью в имперском и колониальном контексте. Разница между многими (но не всеми) имперскими учеными и их современными коллегами состоит прежде всего в моральной оценке связи между властью и знанием, включая оценку способности ученых выстраивать объективное знание, несмотря на влияние современного им политического контекста на их научную деятельность.

В этой главе анализируется понимание отношений между властью и знанием, свойственное представителям школы Розена. В частности, особое внимание уделяется внутренней логике аргументации этих ученых, которая на первый взгляд кажется противоречивой. Данная глава показывает, как эти ученые старались примирить свое твердое убеждение, что государство должно выстраивать политику на восточных окраинах, базируясь на знаниях, накопленных академическим сообществом, с их собственным стойким нежеланием принимать во внимание практические потребности управления Российской империей в преподавательской деятельности на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета.

Европейская культура и господство над Востоком

Во время защиты своей диссертации Бартольд четко определил собственное восприятие исключительной

День. 1865. № 18 (30 апр.). С. 433. О валоризации научного знания в европейской интеллектуальной традиции см.: *Adas M. Machines as the Measure of Men: Science, Technology, and Ideologies of Western Dominance*. Ithaca: Cornell University Press, 1989.

важности «европейской культуры» в осуществлении власти над Востоком и роли научного востоковедения в эффективном функционировании этой власти. Он утверждал, что «восточные народы вернее всего поверят в превосходство нашей культуры, когда убедятся в том, что мы знаем их лучше, чем они сами себя знают». По сути, это было кредо его учителя Розена, и Бартольд лишь повторил то, что было сказано другим последователем Розена — Марром годом раньше при таких же обстоятельствах³⁰². Впоследствии, будучи уже признанным ученым и профессором факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, Бартольд продолжал уделять много внимания взаимосвязи между научным знанием и политической властью. Его анализ этого вопроса основывался на убеждении, что существует тесная «связь между знанием Востока и возможностью [России] оказывать на него [Восток] влияние, т. е. между развитием русского ориентализма и осуществлением политических и культурных задач России на Востоке»³⁰³. Бартольд критиковал ученых, недооценивавших значение этой связи. Так, в по большей части хвалебной статье об иранисте Карле Залемане Бартольд критически отметил, что «... он [Залеман] никогда не сочувствовал насильственному культуртрегерству европейцев на Востоке, может быть, даже не понимал его исторической необходимости...»³⁰⁴.

В книге Бартольда «История изучения Востока в Европе и России», основанной на курсе лекций, читаемом им в Санкт-Петербургском университете с 1905 года, политические условия, в которых создавались труды по востоковедению, освещаются столь же (если не более) подробно, чем сами эти труды. Бартольд подробно рассмотрел российские работы по буддизму и исламу, а также Афганистану, Средней Азии, Индии, Японии и Монголии

³⁰² Бартольд В. В. Речь перед защитой диссертации. С. 610.

³⁰³ Бартольд В. В. Барон В. Р. Розен и русский провинциальный ориентализм // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. М.: Наука, 1977. С. 589.

³⁰⁴ Бартольд В. В. Карл Германович Залеман // Там же. С. 609.

в контексте внешней политики России. Лейтмотивом труда Бартольда является четко выраженное убеждение в том, что эпистемологическое превосходство европейцев, истоки которого отнесены Бартольдом к концу XVI века, содействовало имперским завоеваниям Европы и ее господству на Востоке. По мнению Бартольда, с того времени связь между научным востоковедением и господством Европы над миром стала особенно тесной. Он отмечал также, что «[п]од влиянием общих успехов европейской культуры торговые и политические сношения [Европы] с Востоком в большей степени, чем прежде, отражались на успехах востоковедения»³⁰⁵.

В целом для Бартольда, как и для Саида, власть Европы над Востоком заключалась прежде всего в ее культуре, научная составляющая которой, оснащенная методами, усовершенствованными в XIX веке, являлась одним из ключевых компонентов. Военные и технологические преимущества были всего лишь побочным продуктом более совершенного европейского научного способа познания мира. Народы Востока могли бы скопировать западную военную организацию и технологии, но, по мнению Бартольда, «труднее усваиваются методы наук гуманитарных <...>. При таких условиях европейские народы, по всей вероятности, еще долго будут сохранять огромные преимущества перед народами ислама», большинство из которых, по мнению Бартольда, в настоящий период было не способно производить знание о своем обществе, подобное тому, которое создавалось европейскими ориенталистами³⁰⁶. Придерживаясь фактически одинаковых взглядов на центральное положение европейской культуры в осуществлении имперского господства, Бартольд и Саид дают диаметрально противоположные оценки последствиям взаимоотношений власти и знания. В отличие от Саида Бартольд считал, что связь между властью

³⁰⁵ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. С. 301.

³⁰⁶ Он же. От редакции <журнала «Мир ислама»>. С. 374–375.

и знанием совсем не обязательно должна это знание компрометировать³⁰⁷. Очевидно, что Бартольд был гораздо более уверен в возможностях объективного научного востоковедения, чем готовы допустить современные постколониальные критики.

Датируя начало господства Европы над Востоком XVI–XVII веками, Бартольд отметил быстрый рост европейской интеллектуальной мощи и, как результат этого, — возможность доминирования над Востоком в XIX веке. По его мнению, резкие изменения, произошедшие в европейской науке в это время, были связаны с появлением у европейцев «национального самосознания». Способность к политической организации на основе национальных принципов наделила европейцев дополнительной властью и стимулировала дальнейшее развитие европейской науки в течение всего XIX века. Как отмечалось выше, воспроизводя ориентализирующий дискурс своего времени, Бартольд утверждал, что неевропейцам особенно трудно давалось постижение методов европейской гуманитарной науки, в то время как «успех [гуманитарных наук] более всего необходим для успеха национального самосознания», без которого «мусульмане будут по-прежнему отставать от европейцев»³⁰⁸. Для Бартольда положение русских было часто не многим лучше, чем положение «мусульман». В России, по его утверждению, «пренебрежительное отношение [государства и общества] к русской науке» было напрямую связано с неразвитостью «национального самосознания»³⁰⁹.

³⁰⁷ Например, Бартольд настаивал на подчинении Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии (РКСИВА) Министерству иностранных дел (МИД), а не Академии наук. Он утверждал: «Выступая в качестве Центрального Комитета Ученого Союза, Русский комитет, чтобы сохранить собственный научный и международный авторитет, должен быть в научном отношении полностью независимым от любого другого научного учреждения. Будучи прикрепленным к МИДу, он [комитет] сохраняет в этом плане свою полную независимость». См.: ПФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 49. Л. 15–25. Документ, из которого приведена цитата, не подписан, но почерк — Бартольда.

³⁰⁸ Бартольд В. В. От редакции <журнала «Мир ислама»>. С. 374–375.

³⁰⁹ *Он же*. Восток и русская наука. С. 544.

Другие ученые соглашались с Бартольдом в том, что «значительный прогресс европейской науки» с начала XIX века был тесно связан с европейской империалистической внешней политикой и внутренней политикой национального строительства. По словам Марра, появлению сильной школы современной ориенталистики во Франции способствовали два главных фактора: наполеоновские «походы на Восток, вместе с высоким подъемом национальной умственной жизни во Франции в связи с великой революцией». Эти политические события «явились исключительно благоприятными творческими условиями. Ими же было вызвано возникновение ориенталистики и за пределами Франции»³¹⁰.

Обостренный интерес российских ученых к связи между политикой и востоковедением заставил их принять как аксиому, что от европейских ученых, включая российских, прежде всего следует ожидать инициативы в изучении регионов Востока, находящихся во власти их стран. Марр пришел в негодование, когда немецкие и французские ученые решили проводить археологические работы в Армении, тогда как Бартольд постоянно сетовал на то, что русская наука не добилась существенного прогресса в изучении различных обществ Востока, которые были частью собственных владений России или находились в сфере ее политического влияния³¹¹. В этом контексте вполне понятно, почему имперские ученые постоянно говорили об «интеллектуальном покорении Востока» и о «научном наступлении» на него³¹².

³¹⁰ Записка академика Н. Я. Марра о Кавказском Историко-Археологическом Институте // Известия Российской Академии наук. 1917. Сер. VI. № 13 (1 окт.). С. 969.

³¹¹ Там же. С. 965; *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России. С. 467.

³¹² Записка академика Н. Я. Марра. С. 965; *Никольский М. В.* Мотивированное предложение об образовании восточной комиссии // Древности восточные: Труды Восточной комис. Моск. археол. о-ва. 1889. Т. 1. Вып. 1. С. 4.

«Чистая» наука против науки прикладной

В 1911 году, объясняя, почему Императорская Академия наук должна играть более значительную роль в обществе, ее руководство заявило, что без русской науки «не может быть сильного российского государства». Бартольд процитировал это решительное заявление, чтобы подкрепить свой собственный аргумент о том, что «выполнение русским народом его исторического призвания на Западе и на Востоке находится в тесной зависимости от состояния русской науки»³¹³. Учитель Розена Григорьев уже сформулировал такую точку зрения на общественную роль российского востоковедения. Несмотря на постоянную критику политики российского государства³¹⁴, последователи Розена, как и многие другие ученые-ориенталисты Европы, выполняли правительственные заказы по сбору определенной информации о «восточных» обществах во время своих полевых исследований. Возвращаясь из поездок на Восток, российские востоковеды обычно писали отчеты для Министерства иностранных дел и Военного министерства, в надежде, что это найдет свое применение в процессе принятия политических решений³¹⁵. Выражая широко распространенное мнение того времени, ученики Розена продолжали настаивать, что их зарубежные археологические экспедиции, особенно в регионы, являвшиеся предметом спора между европейскими империями, должны рассматриваться правительством как инструмент расширения российского влияния³¹⁶.

³¹³ Бартольд В. В. Восток и русская наука. С. 534.

³¹⁴ Ольденбург С. Ф. Интересы России на Крайнем Востоке // ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 135. Л. 39–45; Письма Марра Розену // ПФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 268. Л. 8–8 об.; Д. 269. Л. 6 об.; Бартольд В. В. Восток и русская наука. С. 534, 544.

³¹⁵ Васильков Я. В. Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф. И. Щербатского. С. 190; Вигасин А. А. И. П. Минаев и русская политика на Востоке в 80-е годы XIX в. // Восток. 1993. № 3. С. 108–124.

³¹⁶ Марр Н. Я. Из поездки в Турецкий Лазистан // Известия Императорской Академии наук. 1910. Сер. VI. № 7 (15 апр.). С. 568–569.

Ученые испытывали разочарование, когда видели, что их работа игнорируется правительством. По их мнению, отказ государственных чиновников принимать в расчет научные изыскания востоковедения при формировании политики на Востоке являлся проявлением неуважения к науке, что не могло принести Российской империи ничего, кроме вреда³¹⁷.

Однако страстное желание напрямую соединить знание с властью представляло собой лишь один из аспектов неоднозначной позиции востоковедов. Действительно, Розен и его последователи часто представляли себя как «кабинетных ученых» и заявляли, что «решение вопросов внешней и внутренней политики не возлагается и не должно возлагаться на ученых-теоретиков»³¹⁸. Когда в 1912 году Императорское общество востоковедения предложило Бартольду редактирование журнала «Мир ислама», предназначенного для широкой публики, он решил придать ему «чисто научную ориентацию» и особо отметил, что журнал не ставит себе целью «преподавать советы европейским правительствам, в том числе и русскому, или проводить те или иные взгляды в области внешней и внутренней политики»³¹⁹. В итоге Бартольд пробыл редактором этого журнала всего один год³²⁰. Когда в 1916 году Бартольд предпринял попытку создания другого журнала,

Сравните организацию на Восточном фронте германских этнографических и других научных проектов, которые были начаты в основном с целью распространения немецкого влияния среди славянских и балтийских народов на оккупированных немцами западных окраинах Российской империи. По этому вопросу см.: *Liulevicius V. G. War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity, and German Occupation in World War I. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 113–150.*

³¹⁷ *Григорьев В. В.* В опровержение некоторых мнений... С. 432–435; *Бартольд В. В.* От редакции <журнала «Мир ислама»>. С. 366, 375.

³¹⁸ *Бартольд В. В.* Восток и русская наука. С. 534; *Розен В. П.* О Восточном факультете и восточных кафедрах // ЖМНП. 1891. Вып. 273. Отд. II (январь). С. 161.

³¹⁹ *Бартольд В. В.* От редакции <журнала «Мир ислама»>. С. 375.

³²⁰ См. отчет по данному делу в: Восточный сборник. Т. 1. СПб.: Издание общества русских ориенталистов, 1913. С. 1.

посвященного исламу, — «Мусульманский мир», то опять определил его задачи как «чисто научные», «независимые от каких бы то ни было политических целей»³²¹.

Еще более показательным является то, что с конца 1850-х годов большинство членов факультета восточных языков в Петербургском университете оказывало сильное сопротивление любому давлению со стороны государства и некоторых членов научного сообщества, пытавшихся увеличить практический уклон в учебной программе, что, по мнению правительства, подготовило бы выпускников факультета для службы на Востоке лучше, чем академическое штудирование мертвых языков и древних текстов, превалировавшее в университетских курсах. В начале XX века дискуссия об оптимальных формах обучения и организации исследований Востока обернулась спорами о том, должна ли Россия следовать немецкой или британской и французской моделям проведения востоковедческих исследований. Ученики Розена неизменно поддерживали немецкую модель, которая в начале XX века и до недавнего времени (например, у Саида) часто ассоциировалась с «профессиональным изучением текстов» и представлялась как имеющая лишь самое незначительное отношение к осуществлению колониальной политики³²².

Неприемлемость немецкой модели казалась очевидной для ее российских критиков, которые повторяли мнение о немецком востоковедении как совершенно оторванном от практики и напоминали, что Россия была политически гораздо более тесно связана с Востоком, чем Германия. Какое отношение могло иметь изучение древних культур и мертвых языков к управлению современными «инородцами», спрашивали эти критики. Как

³²¹ Бартольд В. В. От редакции // Мусульманский мир. 1917. № 1. С. 3; переиздано в: Бартольд В. В. Сочинения. Т. 6. М., 1966. См. С. 467.

³²² Said E. Orientalism. P. 19. Критическое обсуждение этой оценки немецкого ориентализма см.: Jenkins J. German Orientalism: Introduction // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. 2004. Vol. 24. No. 2. P. 97–100.

могли отстаивать немецкую модель последователи Розена, утверждавшие, что российское востоковедение было напрямую связано с «историческим призванием России» на Востоке?

Найт, например, считает, что отстраненность русской интеллигенции от государства означала, что практически ориентированная британская модель востоковедческих исследований, как ее изобразил Саид, не может адекватно описать специфику России³²³. Можно также отметить, что Розен, Бартольд и Ольденбург были немецкого происхождения и имели особо тесные связи с немецкими научными кругами. Но такие объяснения явно недостаточны для того, чтобы понять логику позиции этих ученых. В конце концов, недовольство Бартольда, Ольденбурга и Марра большевистской политикой в 1920-х годах было сильнее, чем их неудовлетворенность имперским режимом, и все же, как показала Франсин Хирш, они тесно сотрудничали с большевиками, консультируя советское правительство при разработке национальной политики. Несмотря на свое немецкое происхождение и тесные связи с научными кругами Германии и Австрии, Розен, Бартольд и Ольденбург именовали себя «русскими учеными» и «русскими патриотами» и неустанно работали над развитием того, что они называли «русской наукой»³²⁴. Выполняя эту задачу, они сравнивали, если того требовали обстоятельства, российские и немецкие научные сообщества, делая выводы, неблагоприятные для последних³²⁵. Кажущиеся противоречия в аргументации и поведении российских востоковедов могут быть разрешены, если проанализировать их взгляды на различные типы востоковедческого знания и выводы, к которым они пришли, рассуждая о том, какие типы знания могли бы

³²³ Knight N. On Russian Orientalism. P. 709–715. См. также введение к: *Orientalism and Empire in Russian* / M. David-Fox, P. Holquist, A. Martin, eds. Bloomington: Slavica, 2006. P. 7.

³²⁴ Подробности см. во вводной главе.

³²⁵ *Ольденбург С. Ф.* Экспедиция Д. А. Клеменца в Турфан в 1898 // ИВОРГО. 1917. № 45. С. 111. См. также в: *Дьяконова Н. В.* Шикшин. С. 5–10.

оказаться наиболее полезными для осуществления задач политической власти.

Споры о том, что и как следует преподавать на факультете восточных языков в Санкт-Петербургском университете, начались с момента создания факультета в 1855 году. Первый его декан, Александр (Мирза) Казем-Бек, защищал интересы «практического востоковедения» и видел назначение факультета как «чисто практическое, непосредственно применяемое к делу, именно — приготовление молодых людей для службы по ведомству иностранных дел, военному и другим, между инородцами, живущими в пределах нашего отечества»³²⁶. Его коллеги были категорически против такой позиции.

В результате в 1858 году Казем-Бек ушел в отставку, и вместо него востоковедами Санкт-Петербургского университета был избран ученый совершенно иной направленности. Новый декан А. О. Мухлинский назвал (используя формулировку Григорьева) главной целью факультета «научную обработку» древних текстов и других первоисточников, а также распространение знаний³²⁷. Когда в 1884 году в новом университетском уставе было отражено мнение правительства о том, что при формировании учебной программы факультета практические нужды должны превалировать над научными целями, профессор-индолог Иван Минаев ответил, что, учитывая географическое положение России и в Европе, и в Азии, русское востоковедение всегда «имело практическое применение».

Тем не менее в то время сторонников «чистой науки» среди профессуры было большинство, и новый устав не привнес значительных изменений в преподавательскую и научную работу факультета³²⁸. В 1893 году деканом

³²⁶ Цит. по: История отечественного востоковедения с середины XIX в. / Под ред. А. А. Вигасина. М.: Восточная литература, 1997. С. 9.

³²⁷ Там же. С. 13.

³²⁸ Там же. С. 15. См. также: *Бартольд В. В.* Восток и русская наука. С. 542–545.

становится Розен, а в 1911 году руководство факультетом принимает на себя Марр³²⁹. В период, когда Розен и его ученики заведовали факультетом, с новой силой разгорелись споры о том, какая из европейских моделей востоковедческих исследований была наиболее приемлемой для воплощения в российской науке.

В период деканства Розена, в 1899 году, во Владивостоке был создан Восточный институт. Алексей Позднеев — основатель института и его первый ректор — обрисовал его как учреждение для обучения «практическому востоковедению», под которым он понимал живые восточные языки и информацию о современных обществах, имевших непосредственное отношение к внутренней и внешней политике России. Позднеев, который ранее был профессором Санкт-Петербургского университета, противопоставлял свой институт факультету восточных языков в Петербурге, по отношению к которому он был настроен весьма критически. Аргументация в защиту факультета, высказанная Розеном и его последователями, является показательной для понимания взглядов этих ученых на проблему отношений между властью и научным знанием.

В 1904 году в рамках своих полномочий в качестве члена Совета Министерства просвещения Позднеев написал записку «К вопросу об организации изучения востока в русских учебных заведениях». Она начиналась с заявления: «Мы необходимо должны призвать в пособие к нашему историческому движению на Восток науку»³³⁰. С этой точки зрения между Позднеевым и его бывшими коллегами из Санкт-Петербургского университета не су-

³²⁹ В период между 1903 и 1911 годами деканом факультета был еще один ученик Розена — В. А. Жуковский. Примечателен тот факт, что, хотя Жуковский также возглавлял Учебное отделение Азиатского департамента Министерства иностранных дел, он не пытался сделать преподавание на Восточном факультете университета более прикладным.

³³⁰ Позднеев А. М. К вопросу об организации изучения востока в русских учебных заведениях // АВ ИВР ПФ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 150. Л. 1 об.

ществовало никаких разногласий. Тем не менее взгляды Позднеева на то, каким образом могло бы быть оказано это содействие, резко отличались от мнения представителей школы Розена. Позднеев был возмущен тем, что «[Санкт-Петербургским] факультетом было открыто сказано, что он не считает своей задачей доставление своим слушателям практических знаний... о Востоке». В результате «студенты учат несколько древних восточных языков, но не могут изъясняться или даже прочесть простую бумажку» на современном восточном языке³³¹. По мнению Позднеева, «государственное желание иметь от факультета подготовленных чиновников... разумно и естественно». Поэтому факультет в Санкт-Петербурге должен следовать той же программе обучения, что и институт во Владивостоке³³², который не уклоняется от достижения «узко утилитарных целей»³³³.

Позднеев описывал восточный факультет Санкт-Петербургского университета как несостоятельный образец «науки для науки»³³⁴. Эта модель, сетовал Позднеев, пришла в Россию от немцев, которые полагают, что научные знания «не должны иметь ничего общего с практикой». Он считал принятие немецкой модели ошибочным. Вместо этого российскому востоковедению следовало бы обратить свой взгляд на Англию и Францию, где «нет такого разделения» между наукой и практическими задачами имперских государств. Далее Позднеев настаивал, что:

Простая историческая справка может однако указать каждому, что в пору господства в Германии подобных взглядов [когда наука не имеет ничего общего с практикой], страна эта, именно в силу отсутствия у ней прикладных исследований,

³³¹ Там же. Л. 2 об.

³³² Там же. Л. 3, 5.

³³³ Известия Восточного института. 1899–1900 академический год. Т. 1 / Под ред. А. М. Позднеева. Владивосток: Тип. Сушинский и Ко., 1900. С. 73.

³³⁴ Там же. С. 70.

была совершеннейшим ничтожеством как в политическом и экономическом, так и во всяком ином практическом отношении, и наоборот, никогда не создававшие у себя этой пропасти между наукой и жизнью Англия и Франция, всегда стояли во главе практических успехов в Европе, ничего не теряя в то же время и теоретическом отношении³³⁵.

Таким образом, Позднеев представлял немецкую науку как в гораздо меньшей степени связанную с практическими целями государства и европейским колониализмом и отмечал тесную связь между имперской политикой и научной ориенталистикой в случае с Англией и Францией. Много позже Саид выразит схожие взгляды на взаимоотношения власти и знания в европейском контексте.

Естественно, что представители школы Розена увидели в аргументах Позднеева потенциальную угрозу тому порядку вещей, поддержанию которого они способствовали на восточном факультете Санкт-Петербургского университета. В ответ на это они выступили с критикой института во Владивостоке и отстаивали свое право следовать немецкой модели организации научной работы. Примечательно, что они делали это, отрицая выводы о том, что немецкая наука не имела ничего общего с практической жизнью и что немецкая модель научного исследования привела Германию к политической и экономической маргинализации. Напротив, согласно настойчивым утверждениям Бартольда, Марра, Ольденбурга и Щербатского, высказанным в 1916 году, политическая сила Германии находилась в прямой зависимости от ее научных достижений:

Известно, что при разрешении практических вопросов имеет преимущество тот, кто выступает во всеоружии знаний. Если во франко-прусской войне, по избитой фразе, победил немецкий школьный учитель, то временные успехи Германии в настоящей войне в большой степени объясняются работами немецких ученых, при чем в области изучения

³³⁵ Известия Восточного института. С. 76.

Ближнего Востока, особенно мусульманского мира, немецкой наукой достигнуты более значительные результаты, чем едва ли не во всех других отраслях востоковедения³³⁶.

Мысля в том же направлении, Бартольд высказывался уже по другому поводу, что, как только в начале XX века Германия решила придерживаться имперской политики на Востоке, ее наука предоставила замечательное основание для таких действий³³⁷. По мнению учеников Розена, успешному развитию немецкой науки способствовали два фактора. Во-первых, немецкая наука отнюдь не являлась изолированной от «реальной жизни», а была тесно связана с тем, что мы называем сегодня национально-государственным строительством. По словам Марра, «успехи немецкой науки XIX века находятся в связи не с многочисленностью немецких университетов, а в их нахождении в особой племенной среде, вносящей особые творческие моменты в научную деятельность каждого из них»³³⁸.

Во-вторых, — и по мнению российских востоковедов это было главным, — так называемая «чистая наука», изучающая мертвые языки и древности Востока, была выше всех других видов знания. Как таковая, она представляла собой единственную прочную основу для познания Востока и, следовательно, для осуществления власти над ним. Бартольд отмечал, что «далеко не всеми признается, что деятельность восточного, как и всякого другого, университетского факультета должна определяться исключительно научными, а не политическими или коммерческими задачами». По его мнению:

³³⁶ О проекте Практической восточной академии: записка группы русских востоковедов. Пг.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1916. С. 14–15. См. также: Записка об учреждении новых кафедр на Факультете восточных языков // ПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 579. Л. 4–5.

³³⁷ Бартольд В. В. От редакции <журнала «Мир ислама»>. С. 375–376.

³³⁸ Марр Н. Я. Об изучении Азербайджана // ПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1837. Л. 3–4.

При теоретическом знании восточных языков, при знакомстве с литературой, историей и географией восточных стран будущему дипломату, чиновнику или коммерсанту нетрудно в короткое время приобрести практическое знание нужного ему языка, ознакомиться с вопросами текущей политики, изучить условия коммерческой деятельности на Востоке и т. п. Жертвовать полнотой научного образования ради того, чтобы в будущем избавить молодых людей от несложной самостоятельной работы, значило бы вредить интересам не только науки, но и жизни³³⁹.

Не все понимали эти «азбучные истины». По наблюдению Бартольда, вместо этого пресса представляла Восточный институт во Владивостоке в качестве примера того, как нужно преподавать востоковедческие дисциплины. Но, настаивал Бартольд, то, что делал институт, было не лучшим примером для подражания, поскольку опубликованные собственные «выпуски “Известий” института, содержащие подробный отчет о первых годах его деятельности, едва ли дают повод к радужным надеждам»³⁴⁰.

Бартольд, Марр и Ольденбург постоянно сетовали на то, что Российское государство не понимало превосходства «чистой науки» как вида востоковедческого знания. Вместо этого правительство поддерживало работу антиисламских миссионеров или имперских чиновников, которые отправлялись работать на Восток, не освоив научные методы изучения местных обществ. Многие ученые сегодня сочли бы наивной веру в возможность получить совершенно «объективное знание» об обществе, но востоковеды, о которых идет речь, настаивали на преимуществе своего метода именно потому, что искренне верили в то, что новый подход к востоковедению, пропагандируемый Розеном в России в 1880-х и 1890-х годах, позволит им проводить исследования более «объективно», чем прежде,

³³⁹ Бартольд В. В. По поводу проекта С. Ф. Ольденбурга // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. С. 492–493.

³⁴⁰ Там же. С. 493.

и поможет преодолеть стереотипное восприятие Востока как чего-то стагнирующего, отсталого и безгласного, — этого расхожего мнения, все еще господствовавшего среди тех «экспертов», к которым предпочитало прислушиваться российское правительство³⁴¹. Используя неправильный тип знания, государство было не в состоянии выработать разумную политику в отношении почти двадцати миллионов российских мусульман, настаивал Бартольд. «Русское правительство и общество», игнорируя научные исследования ученых типа Бартольда, «... не имели никакой возможности разобраться в массе противоречивых данных, черпавшихся из западноевропейских трудов... большей частью устарелых, из полемических трактатов миссионеров казанской школы и их учеников, наконец из сочинений самих мусульман в защиту своей религии и культуры». Результаты оказались в высшей степени разрушительными для России, так как:

...русское влияние в деле распространения среди русских мусульман европейской культуры не имело того значения, как можно было ожидать <...>. Представители русской власти нередко видели главную опасность для русского господства именно в прогрессивных элементах мусульманского общества, оказывали поддержку мусульманам-староверам, считая только их верными подданными России, и принимали от них доносы против их прогрессивных единоверцев³⁴².

Под «прогрессивными единоверцами» Бартольд имел в виду джадидов, чей интерес к европейской культуре

³⁴¹ Бартольд В. В. События перед хивинским походом 1830 по рассказу хивинского историка // Кауфмановский сборник. М.: Тип. товарищества И. Н. Кушнерева, 1910. С. 2; Марр Н. Я. Кавказоведение и абхазский язык // Марр Н. Я. Избранные работы. Т. 1. Л.: ГАИМК, 1933. С. 59–60, 67–68; Марр Н. Я. К вопросу о задачах арменоведения // ЖМНП. 1899. Вып. 324. № 7/2. С. 242, 246; [Ольденбург С. Ф.] [Рец. на кн.:] Потанина А. В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. [М., 1895.] // ЗВОРАО. 1896. № 9. С. 304.

³⁴² Бартольд В. В. Восток и русская наука. С. 544.

и чью готовность мыслить в национальных категориях он оценивал положительно³⁴³. Но, как мы говорили в предыдущей главе, востоковеды приветствовали далеко не все национальные движения, а только те, которые, по их мнению, могли бы способствовать укреплению единства Российской империи. Так что Бартольд далее заключал, что национализм, появляющийся среди представителей «татаро-тюркского племени», также мог бы регулироваться при помощи европейской науки. Эта наука, по мнению Бартольда, предлагала «неприкрашенную правду о прошлом», опровергая «сказки» тюркских националистов о «сплошной культурной полосе, некогда простиравшейся, вместо нынешних бесплодных степей, от Джизака до Чиназа, от Чиназа до Казалинска»³⁴⁴.

Так или иначе, попытки ставить финансирование востоковедческих исследований в прямую зависимость от практических потребностей государства, по мнению Бартольда, являлись показателем непонимания правительством того, что политическая ценность науки никогда не бывает очевидной сразу. Так, в конце XIX века государство не видело никакой практической необходимости инвестировать средства в изучение Японии и японского языка. В результате, с сожалением отмечал Бартольд, во время Русско-японской войны 1904–1905 годов Россия «не имела ни одного вполне подготовленного специалиста по японоведению»³⁴⁵.

Самобытность России?

Российские ученые постоянно заявляли, что российское востоковедение являлось частью общеевропейского проекта, и связывали появление этой науки в России с реформами Петра Великого, объединившими Россию

³⁴³ Бартольд В. В. От редакции <журнала «Мир ислама»>. С. 365.

³⁴⁴ Он же. Задачи русского востоковедения в Туркестане. С. 533.

³⁴⁵ Он же. Восток и русская наука. С. 543.

с Европой в культурном отношении³⁴⁶. Такие заявления были отражением «интернационализации» научной деятельности, проходившей в Европе повсеместно и способствовавшей появлению представления о едином общеевропейском научном сообществе. В то же время российские ученые рассматривали науку в России как имеющую свои специфические черты, особенно в том, как она связывала знание и власть. В этом они тоже следовали другой тогдашней общеевропейской тенденции «национализации» науки. В России, как и везде в Европе, интернационализация и национализация научного знания развивались параллельно друг с другом. Поэтому следует всегда с осторожностью относиться к любым утверждениям ученых этого времени, когда они говорят об уникальности своей работы³⁴⁷.

Сам Бартольд иногда спорил с распространенным мнением об особой близости России и Азии и исключительной способности русских понимать население восточных окраин империи. Он подверг критике своего друга Ольденбурга за воспроизведение этого сомнительного тезиса³⁴⁸. Скептицизм Бартольда становится особенно весомым, если вспомнить, что утверждения подобного рода, характеризующие имперскую политику своего собственного государства как наиболее гуманную и, следовательно, превосходящую в нравственном отношении имперские проекты других стран, являлись характерным элементом имперского дискурса в Европе. Так, например, во второй половине XVIII века британцы выражали уверенность

³⁴⁶ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. С. 391; *Он же*. Барон В. Р. Розен и русский провинциальный ориентализм. С. 589.

³⁴⁷ Khalid A. Russian History and the Debate over Orientalism // *Kritika*. 2000. Vol. 1. No. 4. P. 697. Адиб Халид справедливо отмечал, что начиная с XIX века притязания многих российских интеллектуалов на отличие их страны от Европы коренились в немецкой романтической традиции.

³⁴⁸ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. С. 482.

в том, что их империя, в отличие не только от португальской и испанской, но также от французской и голландской, была «мирной торговой империей, распространяющей британскую свободу за границей». Даже после потери американских колоний и имперской экспансии в Индию «фантазии о мирной торговой империи» не исчезли полностью³⁴⁹. Аналогичным образом, несмотря на то что немецкая политика на Востоке, особенно в отношении Османской империи, приобрела в 1890-х годах ярко выраженный имперский характер, представители немецкой элиты, включая ученых-ориенталистов, утверждали, что, в отличие от Британии, Франции и России, Германия была единственным истинным «другом ислама»³⁵⁰.

Если говорить об отношениях знания и власти, то в России был один аспект, который почти все российские ученые-ориенталисты характеризовали как отличительную особенность их страны. Они регулярно критиковали российское правительство за игнорирование преобразующей роли знания, особенно если это касалось использования востоковедческих исследований в процессе принятия политических решений; кроме того, критиковалось нежелание государственных чиновников признавать превосходство академического знания над всеми остальными способами познания Востока. По мнению ученых, результатом такого отношения была неэффективная политика, основанная на чрезмерном принуждении, что в конечном итоге приводило к провалу в деле интеграции «инородцев»³⁵¹. По словам Марра, повторяв-

³⁴⁹ *Pitts J.* A Turn to Empire. The Rise of Imperial Liberalism in Britain and France. Princeton: Princeton University Press, 2005. P. 12; *Armitage D.* The Ideological Origins of the British Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

³⁵⁰ *Hagen G.* German Heralds of Holy War: Orientologists and Applied Oriental Studies // Comparative Studies of South Asia, Africa, and the Middle East. 2004. Vol. 24. No. 2. P. 154–155.

³⁵¹ Записка академика Н. Я. Марра о Кавказском Историко-Археологическом институте. С. 964; *Григорьев В. В.* В опровержение некоторых мнений. С. 792; *Снесарев А. Е.* Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1906. С. VII;

шим многочисленными заявлениями на этот счет Бартольда и Ольденбурга, ни одно европейское правительство не проявляло такого «убийственного равнодушия» по отношению к научному знанию и научным кругам, как это было в России периода конца империи³⁵².

На самом деле уникальность России в этом отношении опять-таки была явно преувеличена. Российские ученые переоценивали зависимость имперской политики государств Западной Европы от научного знания. По крайней мере некоторые из зарубежных ориенталистов выражали аналогичное недовольство собственной ситуацией и порой представляли Россию в качестве положительного примера государственного покровительства науке. Так, Макс Мюллер критиковал британское правительство за его недостаточную заинтересованность в поддержке научного востоковедения. Когда же в 1880-х годах он возглавил кампанию по основанию школ ориенталистики в Британии, то именно Россия была выбрана им как пример государства, правительство которого якобы являлось «самым либеральным покровителем восточной филологии»³⁵³. В инаугурационной речи, произнесенной в Школе современного востоковедения в Лондоне в январе 1890 года, среди стран, где, по его мнению, государство оказывало должную поддержку исследовательской работе востоковедов, Мюллер назвал сначала Россию и только потом Францию, Австрию и Германию³⁵⁴. В своей «Истории востоковедения в России» Бартольд утверждал, что европейские ученые, так хвалившие щедрость русских царей за поддержку востоковедения, ошибочно принимали пу-

Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент: Тип. товарищества печатного дела, 1913. С. 62, 95, 101.

³⁵² Записка академика Н. Я. Марра. С. 964; *Бартольд В. В.* Восток и русская наука. С. 534, 544; *Ольденбург С. Ф.* Интересы России на Крайнем Востоке (1905) // ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 135. Л. 39–45.

³⁵³ *Chaudhuri N. C.* Scholar Extraordinary: The Life of Professor the Rt. Hon. Friedrich Max Müller, P. C. London: Chatto and Windus, 1974. P. 182.

³⁵⁴ *Ibid.* P. 184.

стые заявления за действительность³⁵⁵. В любом случае ясно, что ориенталисты всей Европы часто считали, что важность их работы недооценивается собственными правительствами и что в некоторых других странах дела обстоят значительно лучше, чем у них на родине.

До начала Первой мировой войны российские востоковеды, как правило, позитивно воспринимали связь между знанием и европейской имперской властью. Иногда они критиковали отдельных западных ученых, обслуживающих политические цели путем искажения исторических фактов. Например, российские ученые обвиняли европейских (особенно британских) географов в сознательном искажении карт Азии в целях преувеличения политического влияния своих стран в данном регионе. Российские исследователи возмущались тем, что «физиономия Средней Азии всегда обрисовывалась в том духе и оттенках, как то было желательно англичанам; русская оценка всегда уступала английской»³⁵⁶. И все же это были единичные случаи, которые не колебали убеждение большинства ученых в том, что политическая власть должна опираться на научные знания и что при этом связь между властью и знанием не обязательно требует компромисса с объективностью и независимостью научного исследования. Во всяком случае, ясно, что абсолютное большинство российских ученых пропагандировало упрочение связей между осуществлением политической власти и академическим знанием.

Однако с началом Первой мировой войны критика российскими учеными (западно)европейской науки стала усиливаться; оказавшись в новой ситуации, такие

³⁵⁵ Бартольд В. В. Восток и русская наука. С. 542.

³⁵⁶ Снесарев А. Е. Индия как главный фактор. С. 11. См. также: Венюков М. И. Россия и Восток. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1877. С. 216–217. В. В. Бартольд в статье «Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве» (1902) подверг критике некоторых западноевропейских ученых за то, что, по его мнению, их оценка политики России на Востоке основывалась не на фактах, а на политических предрассудках. См.: Бартольд В. В. Сочинения. Т. 6. С. 341.

ученые, как Марр и Ольденбург, стали выражать мнение, что обслуживание целей империализма содержит в себе угрозу систематического извращения востоковедческого знания, а применение этого знания в политике может нанести ущерб колониальным обществам³⁵⁷. После Октябрьской революции, особенно в конце 1920-х годов, нападки этих ученых на западноевропейскую ориенталистику стали особенно острыми. Марр и Ольденбург шаг за шагом выявляли связь между востоковедением и европейским империализмом, изображая европейскую науку покорной прислужницей хищных колониальных держав, иногда подводя под это широкое обобщение до-революционное российское востоковедение, а иногда исключая его.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов, когда Ольденбург отчаянно пытался защитить Академию наук и самого себя на посту непеременимого секретаря Академии от кампании критики, оркестрированной правительством, вышли его работы, в которых он осуждал европейскую науку за ее прямое служение империализму и выражал сожаление в отношении ее узкого интереса к древности и мертвым языкам, которые он характеризовал как абстрактные предметы, «не имевшие отношения к жизни и ее целям»³⁵⁸. В политической атмосфере того времени подобное «абстрактное» изучение древностей уже не могло более отстаиваться как высшая форма знания. Вместо этого в период между 1929 и 1934 годами советская пропаганда последовательно

³⁵⁷ *Ольденбург С. Ф.* Экспедиция Д. А. Клеменца в Турфан в 1898. С. 111. См. также: *Дьяконова Н. В.* Материалы первой Туркестанской экспедиции академика С. Ф. Ольденбурга. С. 5–10; *Марр Н. Я.* Кавказоведение и абхазский язык. С. 59–60.

³⁵⁸ См., например: *Ольденбург С. Ф.* Что должно делать советское востоковедение для изучения Туркестана // ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 113. Л. 5. См. также: *Ольденбург С. Ф.* Советское востоковедение в изучении наших восточных республик // ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 111. Л. 1–2; *Он же.* Советское востоковедение // Фронт науки и техники. 1931. № 7 / 8. С. 64–65; *Он же.* Востоковедение в Академии наук на новых путях // Вестник Академии наук. 1931. № 2. С. 9–11.

представляла этот вид исследований не только как «бесполезный», но и как «реакционный»³⁵⁹.

В этот же период Ольденбург объявил о развитии в Советском Союзе новой науки о Востоке. Этот новый подход был якобы свободен от западноевропейских предубеждений в отношении Востока и от развращающего влияния империализма. Тем не менее он не был свободен от политики. Напротив, новое советское востоковедение, по словам Ольденбурга, готово было «служить в качестве основы для [построения] новой жизни» в восточных и южных республиках СССР, для чего предполагалось сосредоточить внимание на современных и очевидно политических вопросах³⁶⁰.

Чтобы принять состоятельность аргументов Ольденбурга, необходимо поверить, что советская политика по отношению к восточным и южным республикам не имела ничего общего с империализмом и была всегда для них только благоприятна. Среди ученых, поверивших в вывод Ольденбурга о глубоком различии между советским и «западным» востоковедением и о «нравственном превосходстве» первого над вторым, был Анвар Абдель-Малек, который использовал труды Ольденбурга в своей работе «Кризис ориентализма»³⁶¹. Саид, который находился под сильным влиянием работ Абдель-Малека, тоже, кажется, принял эти выводы. Чтобы оправдать исключение российского востоковедения из своего критического обзора европейского ориентализма, Саид сослался на якобы существующее коренное отличие российской имперской

³⁵⁹ Васильков Я. В. Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф. И. Щербатского. С. 202–203.

³⁶⁰ Цит. по: Ольденбург С. Ф. Что должно делать советское востоковедение. Л. 5. См. также: Ольденбург С. Ф. Советское востоковедение в изучении наших восточных республик. Л. 1–2; О проблемах советского востоковедения. Ф. 208. Оп. 1. Д. 110. Л. 5–6; Востоковедение и Октябрь. Ф. 208. Оп. 1. Д. 109. Л. 32–32 об.; Востоковедение в Академии наук на новых путях.

³⁶¹ *Abdel-Malek A. Orientalism in Crisis // Diogenes. 1963. Vol. 11. No. 44. P. 104–112.*

экспансии и империалистической политики Британии и Франции, на котором настаивали российские мыслители начиная с XIX века³⁶².

Заключение

Обсуждаемые здесь востоковеды подчеркивали роль европейской культуры в имперском господстве Европы над Востоком и в колониальной политике, а не отрицали ее. Скорее подобно постколониальным критикам европейского ориентализма, они верили, что сила Европы заключалась именно в «знании Востока». Поэтому, по их мнению, востоковеды могли и должны были играть важную роль в господстве Европы над миром. Тем не менее большинство имперских ученых отличались от современных историков европейской науки в своих нравственных оценках связи между властью и знанием. Имперские ученые полагали, что научные знания могут быть объективными и не зависящими от разрабатываемой политики, даже если они остаются тесно связанными с осуществлением имперской власти и национально-государственным строительством. Однако российские востоковеды допускали, что на практике слияние науки и политики нередко приводило к искажению научных данных. И с самого начала Первой мировой войны такие ученые, как Марр и Ольденбург, начали систематически подвергать критике взаимоотношения науки и власти в контексте западноевропейского колониализма.

Главный тезис представителей школы Розена заключался в том, что знание, которое создавали ученые, подобные им самим, превосходило все иные виды знания о Востоке, поскольку было лучше приспособлено к преодолению стереотипов и предрассудков, основанных на вере в глубинные различия между Востоком и Западом. (Они настаивали,

³⁶² Said E. *Orientalism*. P. 17; *Idem*. *Culture and Imperialism*. New York: Knopf, 1993. P. 10.

что работы антиисламских миссионеров, имперских чиновников и путешественников на Восток были пронизаны подобного рода стереотипами.) Такие академические специалисты, как Бартольд, считавшие себя «кабинетными учеными», не уставали напоминать об огромном политическом потенциале изучения древних рукописей и мертвых языков Востока, на первый взгляд, казалось бы, ничемного с точки зрения практических задач сегодняшнего дня. По мнению учеников Розена, такие исследования были исключительно важными для понимания «коренных традиций», а следовательно, и современных обычаев, образа жизни и даже экономических отношений в «восточных» обществах. Следуя логике этой позиции, представители факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета могли предложить немецкую научную ориенталистику в качестве модели для России и отстаивать мнение, что именно эта модель, а не более практически ориентированные французские или британские востоковедческие школы могла быть особенно полезной России в управлении ее собственным Востоком.

Однако, несмотря на то что российские ученые представляли востоковедение своей страны как часть общеевропейского стремления к научному познанию мира, ими были также определены особые характеристики русской науки. Не следует принимать на веру заявления об особых способностях русских понимать народы других культур или о особенно сильном пренебрежении к научному востоковедению со стороны российского правительства и общества. На самом деле это были типичные заявления ориенталистов всей Европы.

Наиболее радикальные заявления о различии между русской и западноевропейской наукой были сформулированы российскими учеными в конце 1920-х — начале 1930-х годов, в атмосфере целенаправленных политических кампаний. На первый взгляд, заявления Ольденбурга о новой советской / российской науке очень легко опровергнуть. В своих худших проявлениях советская наука (особенно в том, что касается ислама) переняла

тенденциозный подход и возродила предрассудки, от которых такие последователи Розена, как, например, Бартольд, старались отказаться уже на рубеже XX века³⁶³. Тем не менее, несмотря на все возможные возражения, настойчивые утверждения Ольденбурга и Марра о ревизионистском характере русской науки, в особенности в 1920-х годах, не были, как мы покажем в следующей главе, чисто конъюнктурной фантазией.

³⁶³ О советском антиисламском дискурсе см.: *Kemper M. The Soviet Discourse and the Origin and Class Character of Islam, 1923–1933 // Die Welt des Islams. 2009. Vol. 49. No. 1. P. 1–48.*

Глава 4

КРИТИКА ЕВРОПЕЙСКОЙ НАУКИ

Переосмысление учеными таких важных для европейцев понятий, как «Запад» и «Восток», выявление ими сконструированности категорий «Европа» и «Азия» и подробный анализ отношений между востоковедением и политической властью были частью их более широкой критики состояния европейской ориенталистики, а также общих посылок романтического национализма, на которых основывалась европейская наука XIX века. С 1880-х годов ревизионистские тенденции в гуманитарных науках в Европе стимулировались открытием новых археологических материалов и древних текстов о различных культурах Востока, что вызвало критику превалирующих в то время представлений о происхождении «европейской цивилизации» из древнегреческой и римской культур, чьи достижения обычно воспринимались как качественно новый этап в истории человечества. На основе новых исторических свидетельств австрийские и немецкие ориенталисты особенно активно приступили к разрушению «знакомой картины классического мира и независимости и своеобразия [греческой, римской и европейской культур], используя восточный материал для критики старых предассудков и догм»³⁶⁴.

В большинстве случаев ревизионистские тенденции в той или иной области науки бывают связаны с более

³⁶⁴ *Marchand S. German Orientalism and the Decline of the West // Proceedings of the American Philosophical Society. 2001. Vol. 145. No. 4. P. 465–473, цит. на с. 469. См. также: Eadem. German Orientalism in the Age of Empire: Religion, Race, and Scholarship. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.*

широкими изменениями в обществе и профессиональными интересами ученых. Так было и в рассматриваемом здесь российском случае. Розен начал создавать новую школу востоковедения на принципах немецкого ревизионизма и увязал деятельность этой школы с собственно российской ревизионистской традицией, которая была связана с именем историка византийского искусства Кондакова. Последователи Розена сумели придать новое направление ревизионизму и (в особенности в период после революций 1917 года) еще больше радикализировали ревизионистские тенденции европейской ориенталистики конца XIX – начала XX века. Отражая общие тенденции общеевропейского развития, ревизионизм в российском востоковедении обладал и собственными специфическими чертами.

Претензия России на особую роль в изучении Востока была высказана уже в 1810 году, в период первого «восточного Ренессанса» в Европе. Ее автором был граф Сергей Уваров, впоследствии получивший известность своей концепцией государственного патриотизма, в основе которой лежала триада «самодержавие, православие и народность»³⁶⁵. К концу первого десятилетия XIX века Уваров предложил учредить в Санкт-Петербурге Азиатскую академию, что, по его мнению, позволило бы науке извлечь пользу из того обстоятельства, что многие подданные Российской империи были азиатского происхождения. По замыслу Уварова, в этой академии «европейский критик» должен был трудиться рука об руку с «азиатским ламой»³⁶⁶. Плану Уварова не суждено было воплотиться в то время, но в 1840-х годах, в период, когда русская интеллигенция приступила к систематическому поиску уникальных особенностей так называемого «национального характера» русских, Василий Григорьев сделал вывод,

³⁶⁵ Schwab R. *Oriental Renaissance: Europe's Rediscovery of India and the East, 1680–1880*. New York: Columbia University Press, 1984.

³⁶⁶ Riasanovsky N. V. *Asia through Russian Eyes // Russia and Asia: Essays on the Influence of Russia on the Asian People* / W.S. Vucinich, ed. Stanford: Hoover Institution Press, 1972. P. 13.

что тот факт, что азиатские народы являются подданными Российской империи, дает российскому востоковедению преимущество над западноевропейской наукой о Востоке³⁶⁷. Григорьев не приводил никаких убедительных доказательств в поддержку своего тезиса. До момента возникновения школы востоковедения Розена это заявленное преимущество российской науки в значительной степени было стандартным проявлением общеевропейского стремления к поиску национальной специфики. В настоящей главе показывается, что только на рубеже XX века и в 1920-х годах наличие «азиатов» на периферии Российской империи стало существенным образом влиять на развитие русской науки о Востоке.

Национализация российского востоковедения, нашедшая свое отражение в призыве Розена изучать собственный Восток, способствовала исследованию текущего состояния неевропейских народов России в период, когда доминирующая в Европе немецкая модель востоковедческих исследований была склонна рассматривать современный Восток как малоинтересный для науки. Еще одной отличительной особенностью ситуации, сложившейся в России и повлиявшей на научные исследования, явился приток на рубеже XX века в столичные высшие учебные заведения, включая Санкт-Петербургский университет, представителей восточных народностей. Как уже обсуждалось ранее, последователи Розена принимали активное участие в широко развернувшихся дискуссиях о способах интеграции этих меньшинств в общероссийское государственное сообщество. По мнению ученых, одним из способов такой интеграции могло стать привлечение образованных представителей нацменьшинств к исследованиям в области востоковедения. Эта инициатива имела последствия — как политические, которые мы рассмотрим чуть позже, так и интеллектуальные, о которых говорится в этой главе.

³⁶⁷ *Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // Slavic Review. 2000. Vol. 59. No. 1. P. 79–80.*

Поражение России в войне с Японией и Первая мировая война существенно содействовали переосмыслению широко распространенных европоцентристских предпосылок мировоззрения XIX века. В свою очередь, распад Российской империи в ходе той же войны, революция 1917 года и создание большевиками нового государства на антиколониальной основе (по крайней мере на уровне декларируемых заявлений) усилили интерес российских ученых к влиянию европейского колониализма на область их исследований. В 1920-х годах вовлечение представителей школы Розена в разработку новых стратегий ассимиляции нерусских этнических групп в новом советском государстве на принципах, часто отличающихся от используемых другими имперскими державами, вынуждало ученых переосмысливать значения таких категорий, как национальность и этническая принадлежность, язык и диалект.

Вовлечение ученых в процессы, которые большевики называли «национальным строительством» на имперской периферии, послужило дальнейшему укреплению связей академического сообщества столичных городов с представителями восточных и южных национальных меньшинств, некоторые из которых были студентами Санкт-Петербургского университета на рубеже XX века. Кроме того, в контексте разрушения старого общественного порядка традиционные представления об источниках власти, включая власть определенных доминирующих научных идей и подходов, были подвергнуты тщательному пересмотру и стали открыты для критики.

Таким образом, в 1920-х годах, последовавших за такими драматическими историческими событиями, как война и революция, авангардистские эксперименты и ревизионизм — отличительные черты европейской культуры рубежа XX века — резко усилились. В этот период интенсивного интеллектуального брожения Россия играла ведущую роль в развитии новых форм искусства и новых областей научного исследования. Действительно, как показывают работы Галина Тиханова и Крейга Брандиста, происхождение таких научных областей, как теория литературы

и социолингвистика, следует искать в российской и центральноевропейской науке начала XX века. Ревизионизм российского востоковедения может быть понят только в этом широком культурном контексте³⁶⁸.

Наконец, в ситуации относительной политической децентрализации — в которой дореволюционные формы институционализации и контроля над наукой были ослаблены и порой разрушены, в то время как новые структуры находились до конца 1920-х годов в процессе формирования и непрерывно менялись, — можно было достаточно легко создавать новые междисциплинарные и экспериментальные исследовательские группы, занимающиеся ревизионистскими проектами. Брандистом было продемонстрировано, что в рамках этих институтов ученые могли приобретать символический престиж и официальное признание среди коллег, если им удавалось убедительно доказать, что их работа предлагает «более точное представление о мире, чем у их конкурентов». В результате эти новые (обычно недолговременные) научно-исследовательские учреждения советской России 1920-х годов создали ситуацию, в которой конкуренция между учеными сильно «способствовала эпистемологическому прогрессу»³⁶⁹.

³⁶⁸ *Tihanov G. Why Did Modern Literary Theory Originate in Central and Eastern Europe? (And Why Is It Now Dead?) // Common Knowledge. 2004. Vol. 10. No. 1. P. 64; Brandist C. Le marrisme et l'héritage de la Völkerpsychologie dans la linguistique soviétique // Cahiers de L iLSL. 2005. No. 20. P. 29–56. См. также о возникшей в 1910–1920-х годах оригинальной московской математической школе: Graham L., Kantor J. M. Naming Infinity: A True Story of Religious Mysticism and Mathematical Creativity. Cambridge: Harvard University Press, 2009.*

³⁶⁹ *Brandist C. Sociological Linguistics in Leningrad: The Institute for the Comparative History of the Literatures and Languages of the West and East (ILJAZV) 1921–1933 // Russian Literature. 2008. Vol. 63. No. 2–4. P. 172. О 1921–1927 годах как о периоде культурного плюрализма и экспериментирования см., например: Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York: Oxford University Press, 1989. Полезный фактический материал о новых институциональных структурах в Петрограде/Ленинграде, где ученые выработывались в высшей степени оригинальные идеи и теории,*

В данной главе мы сначала рассмотрим разностороннюю критику, высказанную учеными школы Розена в отношении современного им состояния востоковедения; затем покажем, как эта критика повлияла на постколониальную науку на Западе. Далее мы более подробно проанализируем одну из областей востоковедения — изучение буддизма, так как именно в ней российские ученые предложили наиболее новаторские методы решения проблем, существующих в их дисциплине.

Критика ориенталистики в работах Бартольда, Марра и Ольденбурга

Первая систематическая критика научной ориенталистики в Европе российским ученым была высказана вскоре после окончания Русско-японской войны. Это была «История изучения Востока в Европе и России» Бартольда, которую мы уже обсуждали здесь в связи с анализом устоявшихся категорий, сквозь призму которых европейцы привыкли воспринимать мир³⁷⁰. Эта работа была не только одним из наиболее подробных из существовавших на то время обзоров европейской науки о Востоке, но и значительно более амбициозным по своим целям проектом, чем предшествующие аналогичные исследования³⁷¹. Работа Бартольда представляла собой не просто

представлен в: *Жирмунская-Аствацатурова В. В.* М. Жирмунский и эпоха сталинизма // *Russian Literature*. 2008. Vol. 63. No. 2–4. P. 371–382.

³⁷⁰ Версия 1920-х годов опубликована в: *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 9. С. 199–482. Первое издание книги вышло в свет в 1911 году, второе — в 1925-м. В «Сочинения» В. В. Бартольда вошла последняя версия с предисловиями к 1-му и 2-му изданиям. См.: Т. 9. С. 199–482.

³⁷¹ *Mohl J.* Vingt-sept ans d'histoire des études orientales: rapports faits à la Société asiatique de Paris de 1840 à 1867. 2 vols. Paris: Reinwald, 1879–1880; *Dugat G.* Histoire des orientalistes de l'Europe du XIIe au XIXe siècle. 2 vols. Paris: Maisonneuve et Cie, 1868–1870. Это также относится к исследованию Н. И. Веселовского о российском востоковедении. См.: *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России // Труды третьего международного съезда

насыщенный фактами хронологический отчет об основных исследованиях и проектах в области ориенталистики. Напротив, это был комплексный анализ представлений о Востоке и Западе различных авторов начиная с Древней Греции и до сегодняшнего дня, содержащий критику декларируемых ими исторических, культурных и политических предрассудков.

Отдавая должное западноевропейским, в первую очередь австрийским и немецким арабистам — от Альфреда фон Кремера до Карла Генриха Бека, — за предпринятые ими усилия в борьбе с предубеждениями европейской науки о Востоке и подчеркивая, что его учитель — Розен — был первым, кто применил этот новый подход к изучению ислама в России, Бартольд продемонстрировал, как христианские предубеждения и враждебное отношение к исламу продолжали оказывать свое влияние на ориенталистику в Европе вплоть до XIX века. Хотя, с точки зрения Бартольда, вполне можно было бы заниматься наукой, не попадая под влияние политических пристрастий, ориенталистам часто не удавалось сохранять такую объективность. По мнению самого Бартольда, дихотомия Восток — Запад, разделяемая не только большинством простых европейцев, но и многими учеными, была бессмысленна. Он утверждал, что необходимо было лишь оглянуться на культурные и политические достижения «исламского мира» в прошлом и на сегодняшнюю «энергию» «представителей мусульманских движений, которой могли бы позавидовать представители многих общественных организаций в Европе»³⁷². По мнению Бартольда, чувство собственного культурного и технического превосходства полностью развилось в Европе только в XVII веке, а позже ученые экстраполировали это восприятие на прошлое³⁷³.

ориенталистов в С-Петербурге. 1876. Т. 1 / Под ред. В. В. Григорьева. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1879–1880. С. 97–256.

³⁷² Бартольд В. В. От редакции <журнала «Мир ислама»>. С. 371.

³⁷³ Он же. История изучения Востока в Европе и России. С. 234, 310; Он же. Культура мусульманства. С. 145.

Двигаясь дальше во времени, Бартольд отмечал, что «[у]спехи востоковедения в XIX в. определяются отчасти развитием европейской колониальной политики, отчасти успехами, вообще достигнутыми в эту эпоху европейской научной мыслью, притом еще больше в области гуманитарных наук, чем в области естествознания»³⁷⁴. Таким образом, ученый полностью отдавал себе отчет в существовании тесной связи между востоковедением и империализмом в частности и между научным знанием, политической властью и общественным развитием в целом³⁷⁵. Социальные условия и политика оказывали влияние на науку и способствовали созданию различных школ и подходов к научной работе. По мнению Бартольда, культурная отсталость России и незаинтересованность государства в науке объясняли ограниченность достижений российского востоковедения, несмотря на преимущественное географическое положение России для проведения таких исследований по сравнению с Западной Европой³⁷⁶.

Тщательно анализируя существующие подходы, Бартольд строго критиковал многих ведущих европейских ориенталистов за воспроизведение расхожих предрассудков в отношении Востока, особенно за преуменьшение достижений мусульманских обществ и предание забвению того, насколько толерантными были исламские общества по сравнению с христианским миром до относительно недавнего времени³⁷⁷. Бартольд сетовал, что в России публикации об исламе были часто особенно некомпетентными и вводили в заблуждение и обще-

³⁷⁴ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. С. 319.

³⁷⁵ См. гл. 3.

³⁷⁶ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. С. 467.

³⁷⁷ Ревизионистские взгляды Бартольда на историю ислама и мусульманские общества нашли свое отражение в его работах по этой тематике, которые он начал публиковать на рубеже XX века. Опубликовано в: Бартольд В. В. Сочинения. Т. 6.

ство, и правительство³⁷⁸. За шесть десятилетий до появления книги Саида Бартольд уже критиковал Бартелеми д'Эрбело и Уильяма Мьюра, Рейнхарта Дози и Эдварда Гиббона за некритическое воспроизведение исторически сложившихся и культурно обусловленных европейских предубеждений в отношении ислама и за склонность к скоропалительным морализаторским обобщениям, основанным на ограниченном знании первоисточников. Бартольд высказывал озабоченность тем, что многие его современники продолжали некритически ссылаться на эти работы, и особенно негативно оценивал освещение ислама в «Кембриджской истории средневековья», изданной в 1913 году³⁷⁹.

Недостаток этой и других работ, как отмечал Бартольд, заключался в том, что они были подвержены влиянию распространенного мнения, что «вся жизнь мусульманских государств до настоящего времени определяется учением основателя ислама и теориями толкователей этого учения»³⁸⁰. На самом деле все было не так, и подобный религиозный детерминизм был в принципе невозможен³⁸¹. Постепенно некоторые ученые пришли к пониманию того, что, как отмечал Бартольд в предисловии к первому выпуску журнала «Мир ислама» в 1912 году, «религии вынуждены применяться к обстоятельствам действительной жизни, а не наоборот, и ислам в этом отношении не составляет исключения»³⁸². (Бартольду

³⁷⁸ Бартольд В. В. Мусульманский мир. С. 286–287, 403–412.

³⁷⁹ Там же. С. 271–272, 278, 295–296. Критику Саидом тех же авторов, которых критиковал Бартольд, см. в: *Said E. Orientalism*. P. 65–66, 74, 150–151.

³⁸⁰ Бартольд В. В. Теократическая идея и советская власть в мусульманском государстве // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 6. С. 303.

³⁸¹ Он же. Мусульманский мир. С. 295–296; Он же. История изучения мусульманского мира в России (1917) // ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 239. Л. 24. См. также статью Бартольда «Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве» (1902) в: *Бартольд В. В. Сочинения*. Т. 6. С. 303–304.

³⁸² Бартольд В. В. От редакции <журнала Мир ислама>. С. 367.

позволили занимать пост редактора в этом журнале всего только один год, после чего правительство распорядилось о его замене.)

Еще раньше, в начале своей академической карьеры в 1896 году, Бартольд высказал мнение, что на Востоке, равно как и на Западе, «ход истории определяется, по большей части, если не исключительно, экономическими факторами»³⁸³. Бартольд был одним из первых европейских специалистов по исламу, обративших особое внимание на экономические и политические события в изучаемых ими обществах³⁸⁴. Соответственно, именно Бартольд был тем автором, на которого ссылался Бернард Льюис, опровергая утверждение Саида о том, что специалисты по мусульманским обществам не принимали во внимание экономические и политические аспекты, придавая слишком большое значение религиозному фактору³⁸⁵. Бартольд заявлял вслед за Розеном:

В настоящее время можно считать доказанным, что главный фактор прогресса — общение между народами, что прогресс и упадок отдельных народов объясняются не столько их расовыми свойствами и религиозными верованиями, не столько даже окружающей их природой, сколько тем местом, которое они в разные периоды своей исторической жизни занимали в этом общении. <...> культура мусульманского мира была выше культуры христианского, пока в руках мусульман оставались главные пути мировой торговли³⁸⁶.

³⁸³ Бартольд В. В. Об одном историческом вопросе // Среднеазиатский вестник. 1896. Нояб. вып. С. 53.

³⁸⁴ Сам Бартольд отмечал, что его интерес к вопросам экономики и политики в мусульманских странах был проявлением общеевропейской тенденции, также наблюдаемой среди ориенталистов Германии, Франции и Италии. См.: Бартольд В. В. История изучения мусульманского мира в России // ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 239. Л. 24.

³⁸⁵ Lewis B. Islam and the West. New York: Oxford University Press, 1993. P. 112.

³⁸⁶ Бартольд В. В. Культура мусульманства. С. 146.

Тем не менее, считал Бартольд, расстановка сил начала меняться «после открытия [европейцами] Америки и морского пути в Индию»³⁸⁷. В культурном и техническом превосходстве современной Европы он не сомневался. Он считал, что, помимо прочего, это проявлялось и в превосходстве европейских методов научного исследования, особенно в области гуманитарных наук³⁸⁸. Утверждая, что единственно возможная модель модернизации — та, которой следует Европа, он таким образом устанавливал прямую связь между развитием европейской науки (особенно начиная с XVIII века) и политическим господством Европы в мире. Как было отмечено в предыдущей главе, Бартольд не высказывал никаких возражений против такого доминирующего положения Европы и не клеймил европейский империализм в Азии как таковой, хотя и критиковал некоторые аспекты российской имперской политики³⁸⁹.

В отличие от Бартольда два других представителя школы Розена — Марр и Ольденбург — предложили свою критику европоцентризма в европейской ориенталистике, включавшую в себя резкие нападки на европейский империализм и колониализм, а также на устоявшиеся научные методологии, которые, по убеждению этих ученых, нередко фундаментальным образом зависели от политических соображений. Последовательная критика Марра в адрес западноевропейской науки за «истребление» ею как «плоти», так и «духа» различных народов Азии, Африки, Северной и Южной Америки была особенно резко сформулирована

³⁸⁷ Бартольд В. В. От редакции <журнала «Мир ислама»>. С. 372.

³⁸⁸ Там же. С. 374.

³⁸⁹ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. С. 327, 329; *Он же*. Культура мусульманства. С. 203; *Он же*. От редакции <журнала «Мир ислама»>. С. 374. Бартольд отличался от Саида своей незыблемой верой в современное культурное превосходство Европы, а также в превосходство европейского научного мышления над «туземными» формами знания. Об этом сравнении Бартольда с Саидом см.: *Evans Ch. T. Vasilii Barthold: Orientalism in Russia? // Russian History*. 1999. Vol. 26. No. 1. P. 25–44.

в его лингвистических работах 1920-х годов³⁹⁰. Тем не менее критика Марром западноевропейской науки за ее содействие выработке негативных стереотипов восприятия Востока и деструктивного характера европейского империализма началась уже в 1890-е годы и значительно обострилась в период 1915–1916 годов, в контексте Первой мировой войны³⁹¹.

Война стала поворотным моментом в осмыслении природы российского и европейского империализма для многих либеральных представителей русской интеллигенции³⁹². В контексте войны некоторые ученые начали более обстоятельно, чем когда-либо ранее, размышлять о том, каким образом политические соображения могли влиять на поведение и мышление их коллег. Эти размышления были частично спровоцированы ощущением предательства, которое российские ученые, в том числе и немецкого происхождения, испытали перед лицом антироссийской пропагандистской кампании в Германии. Во время войны немецкая пресса публиковала открытые письма, подписанные известными немецкими учеными, которые изображали Россию страной «варваров-азиатов», от полчищ которых необходимо было уберечь европейскую

³⁹⁰ *Марр Н. Я.* Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании средиземноморской культуры // *Марр Н. Я.* Избранные работы. Т. 1. Л.: Изд-во ГАИМК, 1933. С. 90–91.

³⁹¹ См., например, статью Н. Я. Марра «Кавказоведение и абхазский язык», впервые представленную в виде его лекции в Сухуми в 1915 году, а затем опубликованную в 1916 году в: *Марр Н. Я.* Избранные работы. Т. 1, в частности, с. 67; *Он же.* К вопросу о задачах арменоведения // *ЖМНП.* 1899. Сер. 324. № 7. Отд. 2. С. 246–247. Обсуждение европоцентризма европейской ориенталистики см.: *Он же.* Об организации Факультета общественных наук // *ПФ АРАН.* Ф. 800. Оп. 1. Д. 261. Л. 28.

³⁹² *Ростовцев М.* Международное научное общение // *Русская мысль.* 1916. Кн. 3. С. 76–77. См. также: *Randall P. A.* Religion, War, and Revolution: E. N. Trubetskoi's Liberal Construction of Russian National Identity, 1912–1920 // *Kritika.* 2006. Vol. 7. No. 2. P. 195–240; *Holquist P.* Dilemmas of a Progressive Administrator: Baron Boris Nolde // *Ibid.* P. 241–273.

цивилизацию³⁹³. В свою очередь, некоторые российские ученые усилили ответную критику Запада, подвергнув более детальному обсуждению, чем раньше, методы, использовавшиеся западноевропейскими учеными в их полевых исследованиях на Востоке³⁹⁴. Неудивительно, что в ходе этого делались заявления о большей объективности русской науки, которые основывались порой на сомнительных аргументах.

Война значительно ослабила международное научное сотрудничество в Европе, начавшее развиваться в XIX веке. В результате конкуренция между национальными научными кругами обратилась в прямую конфронтацию, а совместная работа ученых со своими национальными правительствами существенно расширилась³⁹⁵. В то же время начиная с XVIII века войны использовались европейскими ориенталистами и другими учеными для получения доступа к еще не исследованным историческим материалам на территориях, оккупированных войсками их государств.

В условиях Первой мировой войны ученые провозглашали себя хранителями исторических достопримечательностей на оккупированных территориях. Например, ученые Германии составляли списки подлежащих сохранению памятников старины на западных окраинах Российской империи, которые на тот момент находились под немецким контролем, особо подчеркивая в своих отчетах запущенное состояние местной старины³⁹⁶. Руководствуясь той же прак-

³⁹³ *Marchand S.* Down from Olympus: Archaeology and Philhellenism in Germany, 1750–1970. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 235–236. В ответ на это некоторые российские ученые поставили свои подписи под письмами с подобными выпадами в адрес Германии. Ольденбург и большинство других членов Императорской Академии наук воздержались от их подписания. См.: *Каганович Б. С.* Сергей Федорович Ольденбург: опыт биографии. СПб.: Феникс, 2006. С. 66.

³⁹⁴ *Ростовцев М.* Международное научное общение.

³⁹⁵ Там же.

³⁹⁶ *Liulevicius V. G.* War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity, and German Occupation in World War I. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 129–130.

тикой, в 1916 году Российская Императорская академия наук назначила Марра координатором и руководителем археологических, этнографических и лингвистических экспедиций на территории Османской империи, оккупированной российскими войсками. В первый год войны Ольденбург возглавил крупную экспедицию в Восточный Туркестан³⁹⁷.

В условиях войны, когда империи вели ожесточенную борьбу за территории, прилегающие к их границам, ученые больше, чем когда-либо раньше, начали напрямую связывать свои интеллектуальные устремления с политикой, полагая, что их археологические и этнографические находки помогут обосновать претензии их государств на определенные территории. В условиях беспрецедентной войны унаследованное от XIX века представление о том, что ученые обладают приоритетом в изучении исторических объектов, расположенных в пределах границ их государств, приобрело новый политический смысл. Например, научные конкуренты из-за рубежа стали восприниматься и представляться как военные противники.

Темпераментный Марр видел в западных ученых, стремившихся проводить в военное время археологические экспедиции где-нибудь у границ России, прямых врагов. Не только немецким ученым, но и гражданам государств Антанты не удалось избежать его гнева. Например, французские археологи, работавшие в Тифлисской губернии и в районах Персии на границах с Россией, были описаны Марром как хищные птицы, свившие свои гнезда «для эксплуатации наших собственных древностей». По словам ученого, «не дремавшие немцы повели научное наступление

³⁹⁷ Отчет академика Н. Я. Марра о командировке летом 1916 года на Кавказ для охраны памятников в районе военных действий // Известия Императорской Академии наук. 1916. Сер. VI. № 16 (15 нояб.). С. 1481; *Фалев П. А.* Отчет о поездке в Закавказье и в Азербайджан летом 1916 года (в связи с охраной памятников восточных древностей на Кавказском фронте) // Известия Императорской Академии наук. 1917. Сер. VI. № 3 (15 февр.). С. 171–173; *Меньшиков Л. Н.* К изучению материалов Русской Туркестанской экспедиции. 1914–1915 гг. // Петербургское востоковедение. 1993. Вып. 4. С. 329.

прямо на район нашей компетенции, решив обосноваться в Ване» в Турции с ее большой армянской общиной. В целом «иностранные ученые на Западе при щедрой поддержке государственных и общественных учреждений» проявили «лихорадочную деятельность», сознательно нарушая права российских ученых³⁹⁸. Однако, несмотря на это, Марр настаивал, что российские ученые выйдут победителями из этой военно-научной конфронтации. Их главным оружием, заявил Марр в сентябре 1917 года, станут его собственные исследования Кавказа, уже вдохновившие российское научное сообщество на разработку единственно правильного «общего мирозерцания», при помощи которого могут быть разрешены ключевые вопросы об истоках европейской цивилизации и культуры. На Западе с его недостаточным знанием и пониманием восточных обществ «такое общее мирозерцание не было выработано и не могло быть выработано»³⁹⁹.

Такая резкая критика западноевропейской науки, сформировавшаяся в условиях мировой войны, оказалась весьма актуальной после большевистской революции 1917 года. Труды Марра в области лингвистики — главной области его академических интересов в советское время — все более и более усиленно клеймили европейский колониализм. Многие из заявлений Марра по проблемам языкознания были любительскими и зачастую просто абсурдными⁴⁰⁰. Однако, по утверждению Брандиста, в то же самое время работы Марра, в частности о важности идеологических и политических факторов в определении языковых границ, содержали в себе важные выводы, которые предвосхитили исследования в области социолингвистики на Западе более чем на пятьдесят лет. В свою очередь,

³⁹⁸ Записка академика Н. Я. Марра о Кавказском Историко-Археологическом Институте // Известия Императорской Академии наук. 1917. Сер. VI. № 13 (1 окт.). С. 964–965.

³⁹⁹ Там же. С. 977–978.

⁴⁰⁰ См., например: *Алпатов В. М.* История одного мифа. Марр и марризм. М.: Наука, 1991; *Thomas L. L.* The Linguistic Theories of N. Ya. Marr. Berkeley: University of California Press, 1957.

настойчивые попытки Марра установить связь между индоевропейской лингвистикой и имперскими идеологиями, колониальной политикой и чувством европейского превосходства предшествовали появлению в 1992 году влиятельной книги Мориса Олендера «Языки рая», развивавшей сходные идеи⁴⁰¹.

Один аспект массированных нападок Марра на устоявшиеся методы научного исследования имел особое значение для востоковедения. Это был его анализ категорий этнической и национальной принадлежности, согласно которому невозможно научно доказать наличие прямой связи между современными русскими или немцами, армянами или грузинами и народами, населявшими те же территории многими веками раньше. Эта позиция, которая на сегодняшний день признается большинством ученых, в начале XX века была новшеством, так как шла вразрез с подходом написания национальных исторических нарративов, принятым в науке XIX века. Аргументы Марра имели также явный политический подтекст, так как именно в период Балканских войн и Первой мировой войны геополитические претензии европейских государств впервые стали систематически основываться на наличии связей такого рода⁴⁰².

Ревизионистские взгляды Марра в отношении категорий этнической и национальной принадлежности сформировались под влиянием по меньшей мере четырех факторов: уверенности его учителя Розена в смешанном характере любой культуры, которая не может быть отождествлена только с одной этнической группой; в высшей степени проблематичной и сложной природы идентичности самого Марра, являющегося одновременно уроженцем Кавказа и членом российского имперского научного

⁴⁰¹ *Brandist C.* Marxism and the Philosophy of Language in Russia in the 1920's—1930's // *Historical Materialism*. 2005. Vol. 13. No. 1. P. 63–84.

⁴⁰² *Weitz E.* From Vienna to the Paris System: International Politics and the Entangled Histories of Human Rights, Forced Deportations, and Civilizing Missions // *American Historical Review*. 2008. Vol. 113. No. 5. P. 1313–1343.

сообщества; столкновений Марра с грузинскими и армянскими национальными историками, которым не нравилось то, как он применял идеи Розена к изучению культур и истории Кавказа⁴⁰³; и участия Марра в реализации советской национальной политики, в результате которой для всего населения Советского Союза были разработаны категории этнонациональной принадлежности, иногда вне всякого соответствия с имеющимися научными данными и с самоидентификациями людей⁴⁰⁴.

И здесь опять война оказалась событием, серьезным образом поменявшим ход рассуждений Марра. Когда немецкие ученые были заняты поиском следов древней немецкой культуры на оккупированных западных окраинах Российской империи, что должно было подтвердить право Германии на политическое господство в этих регионах⁴⁰⁵, Марр начал выступать с заявлениями, согласно которым историческое развитие сопровождается настолько массивными изменениями и сдвигами, что нет никакой возможности выстроить и научно обосновать национальную историю в виде непрерывной линии от прошлого к настоящему. Отойдя от своего более раннего взгляда на цели исследования Армении, состоявшего в проведении именно такой непрерывной линии⁴⁰⁶, Марр обвинил своих коллег, в частности из Армении и Грузии, в том, что их взгляды ничем не отличались от взглядов «оголтелых националистов» и что они подчинили научные исследования Кавказа националистическим целям. Марр утверждал, что примером национализма в науке было игнорирование

⁴⁰³ Письма Н. Я. Марра В. Р. Розену // ПФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 267. Л. 1, 16.

⁴⁰⁴ *Марр Н. Я.* Барон В. Р. Розен и христианский Восток // Памяти Барона Виктора Романовича Розена. СПб., 1909. С. 13; *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2005; *Slezkine Y. N.* Ia. Marr and the National Origin of Soviet Ethnogenesis // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55. No. 4. P. 834.

⁴⁰⁵ *Liulevicius V. G.* War Land on the Eastern Front. P. 130–131.

⁴⁰⁶ *Марр Н. Я.* К вопросу о задачах арменоведения. С. 242.

армянскими и грузинскими учеными культуры и языков закавказских нацменьшинств, не обладавших собственными прочными литературными традициями⁴⁰⁷. В 1915 году он высказал ряд тезисов, имевших значительные политические последствия (они будут рассмотрены нами позже в этой книге), о «цивилизационном величии» этих малочисленных народов Кавказа⁴⁰⁸.

Кроме того, согласно Марру, армянские и грузинские ученые сознательно преуменьшали влияние ислама на армянскую и грузинскую культуру и историю, поэтому Марр предпринял собственное исследование в этой области⁴⁰⁹. Изучение Марром роли ислама в Закавказье подрывало не только местные представления об Армении и Грузии как чисто христианских обществах, но и аналогичное восприятие этих народов в российской политической традиции, согласно которой установление русского имперского владычества в регионе представлялось как защита христиан от мусульманских врагов⁴¹⁰.

В 1920-х годах аргументы Марра становились все более политизированными и постепенно стали использоваться в политических целях, включавших репрессии против научных оппонентов Марра. После так называемого «академического дела» 1929–1931 годов мало кто из ученых мог

⁴⁰⁷ *Марр Н. Я.* Этническая и национальная культура Кавказа // ПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1801. Л. 2, 8–9, 160–162; Записка академика Н. Я. Марра о Кавказском Историко-археологическом институте. С. 988.

⁴⁰⁸ *Он же.* Кавказоведение и абхазский язык. С. 59–78, особ. С. 59–62.

⁴⁰⁹ *Он же.* Этническая и национальная культура Кавказа. О новаторской работе Марра о синкретической (как христианской, так и исламской) природе городской культуры средневековой армянской столицы Ани см.: *Платонова Н. И.* Николай Яковлевич Марр: археолог и организатор археологической науки // *Археологические вести.* 1996–1997 [1998]. № 5. С. 380.

⁴¹⁰ *Jersild A. L.* Faith, Custom, and Ritual in the Borderlands: Orthodoxy, Islam, and the «Small Peoples» of the Middle Volga and the North Caucasus // *The Russian Review.* 2000. Vol. 59. No. 4. P. 514–515, 519–520.

не видеть, сколь губительным может оказаться поддержка «неправильной» научной позиции⁴¹¹. В напряженной атмосфере, создавшейся вокруг разворачивающегося «академического дела», в ходе разработки которого были арестованы члены бывшей Императорской, а теперь советской Академии наук, включая тех, кто находился на самом вершине академической иерархии, коллегой и другом Марра Ольденбургом была сформулирована наиболее последовательная критика европейского востоковедения — как прошлого, так и настоящего. Эта критика многократно воспроизводилась в течение всего советского периода; она должна была указывать на то, что советский режим дал начало новой науке о неевропейских обществах, свободной от европоцентристских предрассудков и стереотипов.

Тем не менее истоки идей Ольденбурга восходят к рубежу XX века, и начало их формирования приходится на период первого появления критики европоцентристских предубеждений со стороны различных групп европейских ученых. Уже в 1895 году Ольденбург начал рассуждать о неспособности европейцев понять или даже попытаться понять жизнь народов в Азии из-за нежелания видеть в представителях этих народов «человека»⁴¹². Далее, для Ольденбурга, как и для Марра, Первая мировая война стала поворотным событием в его интеллектуальном развитии. После 1914 года взгляды Ольденбурга существенно радикализируются. Он начинает трактовать археологические методы западноевропейских ученых как проявление варварства западных империалистов, все внимание которых было занято исключительно обогащением музеев Европы сокровищами с Востока. Ольденбург противопоставлял

⁴¹¹ Алпатов В. М. История одного мифа; *Slezkine Y. N. Ia. Marr and the National Origins of Soviet Ethnogenesis*, особ. P. 843–862; *Tolz V. Between Professionalism and Politics: Russian Academicians and the Revolution*. Basingstoke: Macmillan, 1997. P. 104–106.

⁴¹² [Ольденбург С. Ф.] [Рец. на кн.:] Потанина А. В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. [М., 1895.] // ЗВОРАО. 1895. № IX. С. 304.

этому подходу работу российских ученых, в которой он видел проявление гораздо большего уважения к традициям и нуждам неевропейских народов⁴¹³.

Так же как и в случае с Марром, жесткая критика, высказываемая Ольденбургом в адрес западноевропейской ориенталистики после 1917 года, и противопоставление ей советской науки о Востоке не являлись простым проявлением политического оппортунизма. До известной степени работы этих ученых представляли собой дальнейшее развитие взглядов, сформировавшихся как в России, так и в большинстве европейских стран уже в первые годы XX века и ставших особенно очевидными во время Первой мировой войны в результате травм, нанесенных национальному самосознанию, и возникновения сомнений в нравственных основах «европейской цивилизации».

В послевоенный период критика европейских культурных традиций и пессимизм по поводу будущего Европы достигли новой стадии, начало которой ознаменовалось появлением работы Освальда Шпенглера «Закат Европы». Обе революции 1917 года, временный распад империи, кровавая Гражданская война и установление большевистского режима с обещаниями построить новое общество на принципах, отрицающих колониализм, стимулировали в российских интеллектуальных кругах артикуляцию антиколониальных дискурсов.

Наиболее известный из этих дискурсов был сконструирован евразийским движением в эмиграции, возникшим на волне общеевропейских интеллектуальных

⁴¹³ *Ольденбург С. Ф.* Экспедиция Д. А. Клеменца в Турфан в 1898 // ИВОРГО. № 45. С. 111. См. также: *Дьяконова Н. В.* Материалы Первой Туркестанской экспедиции академика С. Ф. Ольденбурга, 1909–1910. М.: Восточная литература, 1995. С. 5–10. Позиция, занимаемая Ольденбургом, не являлась специфической для России. О сходных аргументах немецких ученых об их археологической работе см.: *Marchand S.* Down from Olympus. P. 192. См. также: *Hagen G.* German Heralds of Holy War: Orientalists and Applied Oriental Studies // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. 2004. Vol. 24. No. 2. P. 149.

и политических тенденций, а также как отклик на события в России. В книге «Европа и человечество», опубликованной в 1920 году, будущий интеллектуальный лидер евразийцев Николай Трубецкой утверждал, подобно Марру, что амбициозное стремление европейской культуры считать себя критерием, относительно которого другие общества могут быть классифицированы как отсталые, являлось эффективным инструментом европейского империализма, влияние которого неизбежно оказывалось разрушительным для колонизированных обществ⁴¹⁴.

Попытки Ольденбурга очертить новые принципы советского востоковедения, которые, как предполагалось, должны были отличаться от принципов европейской науки, коренящихся в империалистической эксплуатации Востока, следует понимать в этом широком интеллектуальном контексте. Ключевой элемент критики, неоднократно повторявшийся Ольденбургом в первые годы советского периода, состоял в том, что «западный человек плохо понимает Восток, поскольку его занимают исключительно достижения его собственной цивилизации, и поэтому он закрывает глаза на великую, захватывающую воображение культуру Востока»⁴¹⁵. Дальнейшее развитие взглядов Ольденбурга нашло отражение в ряде статей, написанных им между 1927 и 1932 годами — в критический период с точки зрения его личной карьеры и сложившейся ситуации в отношениях между советским режимом и Академией наук, с которой была связана вся его профессиональная жизнь⁴¹⁶.

⁴¹⁴ Уже в работе «Европа и человечество» (1920) Николай Трубецкой указал на прямую связь между универсалистскими амбициями европейской культуры и колониализмом. См.: *Глебов С.* Границы империи как границы модерна. Антиколониальная риторика и теория культурных типов в Евразийстве // *Ab Imperio*. 2003. № 2. С. 275–276.

⁴¹⁵ *Ольденбург С. Ф.* Предисловие к каталогу издательства «Всемирная литература» // *Литература Востока*. 1919. № 2. С. 6.

⁴¹⁶ В октябре 1929 года Ольденбург был снят с должности постоянного секретаря Академии наук, которую он занимал с 1904 года. См.: *Tolz V.* *Between Professionalism and Politics*. P. 117–122.

В этих статьях, сейчас практически забытых, ученый беспрецедентно радикализировал свою критику связи между востоковедческим знанием и разлагающим влиянием имперской власти. В обзоре работ Ольденбурга по истории востоковедения, написанном вскоре после смерти ученого, его младший коллега И. Ю. Крачковский проигнорировал эти статьи, по-видимому считая их грустным примером уступки политическому давлению со стороны советского режима⁴¹⁷. И тем не менее было бы слишком упрощенно видеть в статьях Ольденбурга лишь пример политического оппортунизма. Вместо этого мы должны отнести к его статьям как к попытке, предпринятой не политическим оппортунистом и приспособленцем, а вполне честным ученым, адаптирующим взгляды, развиваемые им уже достаточно долго (и к тому же тесно связанные с влиятельной европейской интеллектуальной традицией того времени), к требованиям предпринятой режимом политической кампании по советизации Академии. Несмотря на то что политическая обстановка конца 1920-х — начала 1930-х годов заставляла Ольденбурга использовать примитивный и крайне политически ангажированный стиль письма, содержание его статей отражало некоторые из давно вынашиваемых им идей о том, что

Восток является предметом империалистических, захватнических тенденций. Всему миру известны желания капитализма превратить Восток в бессловесную колонию. <...> Во всю многовековую историю сношений Востока с Западом, начиная со столкновений греков в античности, продолжая крестовыми походами в средние века и кончая теми упорными стремлениями, которые в новые и новейшие времена проявляли господствующие классы Запада один за другим и которые мы можем наблюдать и сейчас, можно было бы

⁴¹⁷ Крачковский И. Ю. С. Ф. Ольденбург как историк востоковедения // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. 5. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.

составить толстую книгу из одних выписок, выявляющих эту точку зрения Запада⁴¹⁸.

Эта давняя цель подчинить Восток своему господству, сформированная под влиянием представления о глубоком различии между Востоком и Западом, «естественно» «нашла себе отражение и в области исследований Востока»⁴¹⁹. Само существование термина «востоковедение» было отражением такого подхода, поскольку не существует сопоставимой с ним дисциплины под названием «западноведение». Ольденбург рассуждал о странности того, что до сих пор никто даже не спросил, насколько допустимо было выделение изучения Востока в отдельную дисциплину⁴²⁰. Более того, это разделение исследований Востока и Запада укрепило мнение, что они являли собой два разных мира, и это восприятие не только оказывало влияние на европейскую колониальную политику на Востоке, но и само укреплялось благодаря такой политике⁴²¹.

Из-за такой обособленности востоковедения экономическое и политическое развитие «Востока» практически не изучалось. Также ученые не занимались современным положением неевропейских обществ. Вместо этого они, как правило, были сосредоточены на изучении прошлого

⁴¹⁸ *Ольденбург С. Ф.* Советское востоковедение // Фронт науки и техники. 1931. № 7/8. С. 64.

⁴¹⁹ *Он же.* Восток и Запад в советских условиях (1931 г.) // ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 116. Л. 5. См. также нападки на «старое» востоковедение в 1930-х годах в обсуждении: К положению на восточном фронте // Там же. Д. 122. Л. 233.

⁴²⁰ См.: *Ольденбург С. Ф.* Востоковедение и Октябрь (1932 г.) // ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 109. Л. 32. Фактически этот вопрос был поставлен Марром уже в 1918 году во время создания факультета общественных наук Петроградского университета и упразднения факультета восточных языков (*Марр Н. Я.* Об организации Факультета общественных наук. Л. 28).

⁴²¹ *Ольденбург С. Ф.* Востоковедение в Академии Наук на новых путях // Вестник Академии наук. 1931. № 2. С. 9–10. Подробно об этом см. также статью Ольденбурга «Востоковедение и Октябрь».

и интересовались проблемами религии и лингвистики⁴²². Наконец, многие европейские ученые полагали, что на Востоке не существует «точной науки, научного мирозерцания, отличающего культуры Запада». По словам Ольденбурга, большинство европейских востоковедов всегда придавало «мало значения восточному научному преданию, его пониманию памятников восточного творчества, противопоставляя ему, как единственно верное западное понимание, основанное на единственно, по их мнению, верных, западных методах исследования». Таким востоковедам Ольденбург противопоставлял других ученых, которые «считали и считают, что у каждого культурного народа, независимо от того, западный ли он или восточный, есть свое понимание своей культуры, считаться с которым и во многих случаях даже руководствоваться которым обязан всякий, кто задается целью научно исследовать данную культуру»⁴²³. К последней группе Ольденбург, конечно, относил самого себя. Подытоживая свои рассуждения, Ольденбург заключил, что востоковедение как научная дисциплина должно реформироваться в соответствии с требованиями времени и, «раздробившись, стать неотъемлемой частью экономики, истории, языковедения, литературоведения и т. д.»⁴²⁴

Достаточно легко установить, какие из аргументов в этих статьях были навязаны Ольденбургу извне, а какие принадлежали ему самому, если не по форме, то по содержанию. Влияние европейского колониализма на востоковедение, пренебрежение европейских ученых «научным мировоззрением Востока» и недооценка ими экономических и политических вопросов в изучении неевропейских обществ — все это было предметом его неподдельного интереса. Однако утверждая, что изучение прошлого и рели-

⁴²² *Ольденбург С. Ф.* Советское востоковедение. С. 64; *Он же.* Востоковедение в Академии Наук. С. 11.

⁴²³ Цит. по: *Крачковский И. Ю.* С. Ф. Ольденбург как историк востоковедения. С. 16.

⁴²⁴ *Ольденбург С. Ф.* Советское востоковедение. С. 65.

гии было бесполезным и даже реакционным, Ольденбург, который до революции видел в научном изучении прошлого высшую форму знания и который сам был специалистом по буддизму, просто повторял нападки на «буржуазную науку» активистов советской культурной революции. Также маловероятно, чтобы Ольденбург, который до революции был неутомимым борцом за создание международно признанного «русского востоковедения», действительно хотел добиться ликвидации всей этой дисциплины в целом. Когда в 1918 году факультет восточных языков Петроградского университета был упразднен, а его сотрудники были распределены по четырем разным отделениям вновь созданного факультета общественных наук, ученики Розена были очень обеспокоены «разгромом» того, что являлось, по их мнению, всемирно известным факультетом, который они представляли «уникальным» по своим масштабам и целям⁴²⁵.

Критика Ольденбургом востоковедения в том виде, как она была сформулирована в конце 1920-х — начале 1930-х годов, очень похожа на ключевые аргументы Саида,

⁴²⁵ Об этой реакции см. записку, написанную Марром в 1918 году, который был деканом восточного факультета с 1911 года до его упразднения: «Об организации Факультета общественных наук». Записка Марра о создании нового расширенного факультета общественных наук и упразднении факультета восточных языков, сохранившаяся в его личном архиве, была задумана им либо как обращение к правительству, либо как публичное выступление. Начинается она с восхваления создания нового факультета общественных наук и утверждения, что востоковедение только выиграет от более тесной интеграции с филологическими и историческими исследованиями европейских обществ. Марр повторил свою точку зрения, которую разделяли Розен и его последователи, что такая тесная интеграция поможет преодолеть «односторонний» европоцентризм в востоковедении (Л. 28). Но вдруг, несколько противореча вышесказанному, в середине записки Марр восклицает: «Разрушен (выделено Марром. — В. Т.) Факультет восточных языков, единственный до сих пор существующий в мире, не только в России, и необходимо не только сохранить то творчество, которым факультет приобрел всеобщее признание в ученом мире востоковедов лишь за несколько десятков лет, но и усилить его, иначе не стоило приносить себя в жертву новому университетскому строительству» (Л. 29–30).

направленные против европейского ориентализма⁴²⁶. Саид писал, что он заимствовал у Мишеля Фуко его понятие дискурса, которого, конечно, нет в работе Ольденбурга. Тем не менее влияние Фуко на концептуальные основы критики Саида, по сути, довольно поверхностно. То, что Фуко называет «дискурсом», предполагает наличие «новых государственных структур, институтов власти, экономического производства, форм рационального планирования, которые возникли в период между XVI и XVIII веками»⁴²⁷. Согласно Фуко, «дискурс» должен изучаться в контексте конкретных исторических, политических, социальных и экономических условий. Такой исторически конкретный анализ дискурса по большому счету отсутствует в работе Саида. Вместо этого концептуальная модель Саида, а не только отдельные утверждения сохраняет близость к подходу Ольденбурга. Работы обоих авторов предполагают, что «(а) существуют единая европейская / западная идентичность, которая силой своей мысли создавала историю; (б) эта непрерывная и единая история европейской идентичности и формирующая ее интеллектуальная деятельность существуют со времен Древней Греции до сегодняшнего дня, постоянно воспроизводя определенный набор неизменных убеждений и ценностей»⁴²⁸. Оба автора в значительной степени воспринимали Запад как эссенциалистскую категорию.

Саид не был знаком с работами российских ученых. Тем не менее существует прямая связь между Саидом и его российскими предшественниками. В своей критике европейского ориентализма Саид опирался на труды некоторых арабских авторов, инициировавших в начале 1960-х годов критику западного востоковедения с позиций

⁴²⁶ Работа Саида имеет один явно выраженный аспект, который отсутствует в работах Ольденбурга. Саид воспринимал ориентализм как литературный феномен и применял для его исследования инструментарий литературной критики.

⁴²⁷ *Ahmad A. Between Orientalism and Historicism: Anthropological Knowledge of India // Studies in History. 1991. Vol. 7. No. 1. P. 145–146.*

⁴²⁸ *Ibid.*

одновременно марксистского, постколониального и националистического подходов⁴²⁹. Первой публикацией, в которой были четко обозначены главные обвинения против западных ориенталистов, которые позже популяризировал Саид, была статья «Кризис ориентализма», опубликованная в 1963 году марксистским социологом из Египта Анваром Абдель-Малеком⁴³⁰. По мнению Абдель-Малека, западная ориенталистика была неразрывно связана со стремлением Европы доминировать над Востоком и с империализмом нового времени. Европоцентризм и расизм превратили «Восток и жителей Востока» в «объекты» исследования с отметкой инаковости», при этом «Восток» неизменно описывался как «пассивный, безучастный» и бессловесный. Европейская ориенталистика была сосредоточена на изучении прошлого, и «само это прошлое изучалось в его культурных аспектах, особенно языка и религии, рассматриваемых изолированно от социальной эволюции». С точки зрения применяемых концепций и методологических подходов ориенталистика по сравнению с другими отраслями гуманитарных и общественных наук была устаревшей дисциплиной. «Научная работа ученых из восточных стран старательно замалчивалась»⁴³¹. Последнее, но не менее важное обвинение заключалось в том, что европейцы разграбили культурные ценности восточных обществ, увезя их в музеи и библиотеки Запада.

⁴²⁹ *Said E. Orientalism Reconsidered // Literature, Politics and Theory / F. Baker et al., eds. London: Methuen, 1986. P. 214–215.* Эдвард Саид признавал: «В сущности, то, что сказано мною в ориентализме, уже было сказано до меня» А. Л. Тибави (A. L. Tibawi), Абдаллой Ларуем (Abdullah Laroui), Анваром Абдель-Малеком (Anwar Abdel-Malek), Талалом Асадом (Talal Asad), С. Г. Алатасом (S. H. Alatas), Францем Фаноном (Frantz Fanon), Эме Сезером (Aimé Césaire), К. М. Паниккаром (K. M. Panikkar), Ромилой Тхапаром (Romila Thapar).

⁴³⁰ *Abdel-Malek A. Orientalism in Crisis // Diogenes. 1963. Vol. 11. No. 44. P. 103–140.* Примеры использования Саидом аргументации Абдель-Малека см., в частности: *Said E. Orientalism. P. 96–97, 105, 108, 325.*

⁴³¹ *Ibid.*

Одна из причин такого сходства аргументов Абдель-Малека и Ольденбурга заключается в прямом заимствовании. Первая сноска в статье Абдель-Малека содержит ссылку на статью «Востоковедение» в Большой советской энциклопедии 1951 года издания, где были кратко подытожены основные положения критики европейского востоковедения, впервые сформулированные Ольденбургом⁴³². Французский востоковед Максим Родинсон заметил, что иногда критика Саидом европейского ориентализма, если довести ее выводы до логического конца, имеет сходство с советской теорией «двух наук»⁴³³. Это сходство представляется результатом заимствования Саидом через арабских ученых-марксистов 1960-х годов критики европейского востоковедения, артикулированной Ольденбургом в рамках советской идеологической кампании.

Однако такое заимствование было, конечно, не механическим. Критика западноевропейской науки Ольденбургом и Марром, с одной стороны, и Абдель-Малеком и другими левыми арабскими интеллектуалами, включая Саида, с другой, была сформулирована этими авторами в рамках поиска идентичности, в котором сравнение с Западом и осознанная или неосознанная необходимость получить от него своего рода одобрение стояли во главе угла⁴³⁴. Другую причину общности взглядов между этими двумя группами авторов следует искать в марксизме. Марксистский анализ «гегемонии меньшинства, обладающего властью» над обездоленным большинством и его стремление обратить внимание на важность экономических процессов являлись формообразующими

⁴³² Востоковедение (иначе – ориенталистика) // Большая советская энциклопедия. Т. 9. М.: Советская энциклопедия, 1951. С. 193–202, особ. С. 193–196. Абдель-Малека также ссылался на французское издание работы Бартольда «История изучения Востока в Европе и России» (С. 130).

⁴³³ *Rodinson M. La fascination de l'islam. Paris: Maspero, 1980. P. 14.*

⁴³⁴ Саид с готовностью признавал связь между своей критикой европейского ориентализма и вопросом собственной самоидентификации (см.: *Said E. Orientalism. P. 25–28, 338.*)

принципами трудов Абдель-Малека и других более поздних авторов. Ольденбург и Марр тоже уделяли внимание этому аспекту, хотя вопрос о том, насколько хорошо они знали учение Маркса и сочувствовали ли они марксизму, продолжает оставаться открытым.

Конечно, не может быть полного сходства между теоретическими подходами современных ученых и работами, написанными в начале XX века. Тем не менее обсуждаемые здесь идеи Ольденбурга приводят нас к необходимости поставить вопрос о степени оригинальности современных постколониальных исследований. На первый взгляд кажется парадоксальным, а на самом деле вполне закономерно, что самое резкое осуждение связи европейской науки о Востоке с политическими целями имперских государств было сформулировано именно при политическом режиме, который старался подчинить академическую науку идеологическим и политическим целям государства в несравненно большей степени, чем когда бы то ни было в истории России, не говоря уже о Европе в целом.

Методологические новшества и научное изучение буддизма

Критикуя состояние европейской ориенталистики, последователи Розена предложили целый ряд методологических новшеств — от упора на экономические и социальные, а не только религиозные вопросы в изучении мусульманских обществ до отказа от создания национальных исторических нарративов в виде линейного развития единого народа от древних времен до наших дней. Самая далекоидущая и наиболее последовательная попытка пересмотра устоявшихся методологий была предпринята в одной отрасли российского востоковедения — изучении буддизма. Рассматриваемая здесь критика науки о буддизме на заре XX века удивительно схожа с ревизионистскими тенденциями в буддологии, возникшими в Северной Америке и Западной Европе

в 1960-х годах. Сформировавшееся в ходе холодной войны восприятие России как неевропейского государства привело к исключению российской науки имперского периода и первых лет советской власти, которая, несомненно, была частью общеевропейской интеллектуальной истории, из постколониальных исследований истории европейской науки. В результате некоторые важные открытия российских специалистов по буддизму, проводивших свои исследования в последние годы имперского и первое десятилетие советского периода, остались в этих критических обзорах истории европейской науки без внимания.

Когда в 1960-х годах в науке Северной Америки и Западной Европы начался пересмотр традиционных методов изучения буддизма, особенно интенсифицировавшийся после публикации книги «Ориентализм» Саида и появления постколониальных исследований, несколько общепринятых точек зрения, бытовавших в западной буддологии, были выбраны для особой критики. Основными из них являлись, говоря словами Дональда Лопеца, представления о том, что «рукопись важнее живого информатора», а «классический [древний] источник важнее современного народного»⁴³⁵. Лишь в редких случаях непосредственное общение с живым носителем традиции оценивалось выше, чем филологическая работа с текстом⁴³⁶. Даже в тех случаях, когда признавалась необходимость привлечения «туземцев» в целях облегчения доступа к текстуальной традиции буддизма, они не рассматривались в качестве равноправных участников научного процесса⁴³⁷. В течение XIX века европейская наука и практикуемые ею методы исследования все чаще представлялись превосходящими те, которыми пользовались

⁴³⁵ Lopez D. Introduction // Curators of the Buddha: The Study of Buddhism under Colonialism / D. Lopez, ed. Chicago: Chicago University Press, 1995. P. 1.

⁴³⁶ Ibid. P. 4.

⁴³⁷ См. подробное обсуждение этого вопроса в гл. 5.

«образованные туземцы»⁴³⁸. Это распространялось на все области ориенталистики и создавало особенно неоднозначные отношения между буддологами из Европы и самими буддистами, «также заявляющими свои права на тексты»⁴³⁹.

Согласно Лопецу, период ревизионизма в европейской науке на рубеже XIX–XX веков почти не отразился на изучении буддизма, поскольку на тот момент буддология только формировалась как отдельная академическая дисциплина. С 1880-х годов ограничение научных исследований филологической работой с текстами и поиском «подлинного» учения Будды в определенных древних письменных источниках (например, Палийского канона) было главной чертой как континентальной, так и британской науки о буддизме. «Реифицированная чистота изначального, подлинного» буддизма была противопоставлена вырожденческой природе его современной живой традиции⁴⁴⁰. Современные практики буддизма почти не изучались. По словам Лопеца, западноевропейские публикации по вопросам тибетского буддизма имели свои особенности. В некоторых случаях тибетский буддизм рассматривался как пример искажения изначального индийского учения «дикими монгольскими племенами», в других же преподносился как идеализированная область чистой духовности⁴⁴¹.

⁴³⁸ *Raj K.* Colonial Encounters and the Forging of New Knowledge and National Identities: Great Britain and India, 1760–1850 // *Osiris*. 2000. Ser. 2. Vol. 15. P. 119–134, особ. P. 134; *Raheja G.* Introduction: Power and Dialogue in the Production of Colonial Ethnographies in Nineteenth-Century India // *South Asia Research*. 1999. Vol. 19. No. 1. P. 1–4.

⁴³⁹ *Lopez D.* Introduction. P. 3.

⁴⁴⁰ *Almond Ph.C.* The British Discovery of Buddhism. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 7–32; *Snodgrass J.* Defining Modern Buddhism: Mr. and Mrs. Rhys Davids and the Pāli Text Society // *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. 2007. Vol. 27. No. 1. P. 186–202.

⁴⁴¹ *Lopez D.* Foreigner at the Lama's Feet // *Lopez D.* Curators of the Buddha. P. 252.

В первые десятилетия XX века, особенно в 1920-х годах, российские специалисты по буддизму под руководством Щербатского обозначили те же проблемы в европейских исследованиях буддизма и предложили свои пути их преодоления. Этим они предвосхитили основные положения постколониальной буддологии, возникшей во второй половине XX века. С начала 1900-х годов Щербатской со своими учениками и Ольденбургом ратовали за систематическое использование живой устной традиции интерпретации древних буддийских текстов и подчеркивали необходимость изучения современных буддистских практик с привлечением практикующих буддистов из числа российских бурят как авторитетных экспертов.

То, что Щербатской и Ольденбург называли «живым подходом» к изучению буддизма, который, по их мнению, являлся спецификой русской науки, имеет сложную историю⁴⁴². Во-первых, в России так же, как и в Западной Европе, изучение буддизма было тесно связано с имперскими задачами государства. Первое в России систематическое исследование «живой буддийской традиции» на основе этнографических исследований, использовавших беседы с ламами, было предпринято в 1880-х годах профессором монгольских языков в Санкт-Петербургском университете Алексеем Позднеевым с целью сбора для имперской администрации информации о религиозных практиках бурят и калмыков⁴⁴³.

Тем не менее, говоря о своей интеллектуальной предыстории, ни Ольденбург, ни Щербатской со своими последователями не упоминали Позднеева. В силу того, что Позднеев выказывал определенные симпатии к православному миссионерству среди буддистов, а также потому, что либеральные востоковеды считали, что он поддерживал слишком уж тесные связи с правительством (что, по их

⁴⁴² *Ольденбург С. Ф., Щербатской Ф. И., Тудянский М. И.* Институт изучения буддийской культуры // Известия АН СССР. 1927. Сер. VI. № 21 / 18. С. 1703.

⁴⁴³ См.: *Ермакова Т. В.* Буддийский мир глазами российских исследователей. С. 84–110.

мнению, было неприемлемо для ученого), они критически относились к нему⁴⁴⁴. Вместо Позднеева Щербатской предпочитал упоминать в качестве наставников, оказавших на него особое интеллектуальное влияние, австрийского и немецкого индологов — Иоганна Георга Бюлера из Венского университета и Германа Якоби из Бонна, придававших, по его словам, огромное значение индийской «туземной науке». Впрочем, по словам российских востоковедов, Бюлер и Якоби интересовались лишь брахманическими традициями и даже смотрели на буддизм «глазами брахманов»⁴⁴⁵.

Кроме того, российские ученые высоко оценивали работы бельгийского специалиста по буддизму Луи де ла Валле Пуссена и Хендрика Керна из Лейденского университета за их сопротивление доминирующей точке зрения, приписывающей исключительную важность только буддийским текстам Палийского канона, как это делалось представителями школы Томаса Рис-Дэвидса в Британии⁴⁴⁶. Усиливающаяся критика европоцентризма немецкоязычными востоковедами, а также Розеном и его последователями в России, равно как и становление археологии и этнологии в качестве независимых дисциплин, также ставили под вопрос изучение истории и культуры исключительно посредством филологического анализа текстов⁴⁴⁷.

⁴⁴⁴ См., например: Письмо Д. Клеменца В. Радлову от 11 января 1892 // ПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Д. 128. Л. 17.

⁴⁴⁵ *Ольденбург С. Ф.* Записка об ученых трудах профессора Федора Ипполитовича Щербатского / С. Ф. Ольденбург, П. К. Коковцев, Н. Я. Марр и В. В. Бартольд // Известия Российской Академии наук. 1918. Сер. VI, XII. № 16. С. 1718.

⁴⁴⁶ *Он же.* Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму // Известия Российской Академии наук. 1918. Сер. VI, XII. № 7. С. 531–548, особ. С. 542–543.

⁴⁴⁷ См., например: *Marchand S.* German Orientalism and the Decline of the West. P. 465–473; *Eadem.* The Rhetoric of Artifacts and the Decline of Classical Humanism: The Case of Josef Strzygowski // *History and Theory.* 1994. Vol. 33, No. 4. P. 106–130.

Наконец, особенности, характерные для России, тоже внесли свой вклад в формирование ревизионистских взглядов российских специалистов по буддизму. Среди растущего числа представителей восточных меньшинств в российских университетах в начале XX века буряты, знавшие буддийские традиции из первых рук, представляли собой значительную группу. Наибольшую известность за свой вклад в изучение буддизма со временем получили Гомбожаб Цыбиков (1873–1930), Банзар Барадийн (1878–1937) и Цыбен Жамцарано (1880–1937). Щербатской и Ольденбург видели в сотрудничестве с ними возможность способствовать интеграции национальных меньшинств в общероссийскую государственность, помогая этим бурятам стать самостоятельными специалистами и одновременно содействуя развитию научной буддологии⁴⁴⁸. В свою очередь, политическая и интеллектуальная атмосфера 1920-х годов немало способствовала дальнейшей радикализации ревизионистских тенденций и расширяла возможности сотрудничества между (бывшей) имперской ориенталистикой и носителями традиций «живого буддизма» в новых, находящихся на стадии становления научных институциональных структурах.

Работу Щербатского «Теория познания и логики по учению позднейших буддистов», опубликованную в двух частях в 1903 и 1909 годах, можно рассматривать как первую значительную попытку сформулировать методологическую критику европейских исследований буддизма⁴⁴⁹. Данный труд хотя и осторожно, но поставил под сомнение надежность использования филологического метода в работах таких российских ученых, как синолог Василий Васильев, и западноевропейских специалистов по буддизму, которые пытались трактовать значение буд-

⁴⁴⁸ Подробное обсуждение взаимоотношений Санкт-Петербургских востоковедов и бурятских ученых см. в гл. 5.

⁴⁴⁹ *Щербатской Ф. И.* Теория познания и логики по учению позднейших буддистов. Ч. 1. СПб.: Герольд, 1903; То же. Ч. 2. 1909.

дийской терминологии (особенно в текстах, представлявших собой перевод с санскрита на китайский и тибетский) на основе общелингвистического употребления слов. Таким образом, по мнению Щербатского, большинство его коллег не учитывало, что в буддийских религиозных и философских концепциях применялся свой собственный терминологический инструментарий, что ставило перед учеными задачу интерпретации явлений и понятий, закодированных в терминах, а не просто перевода текстов с использованием грамматик и словарей по методике, взятой из классической филологии⁴⁵⁰.

Щербатской пришел к выводу, что осуществление «концептуального перевода» буддийских философских текстов с тибетского и китайского языков непременно требует помощи со стороны «туземных ученых». Чувство превосходства европейцев в отношении их собственной «учености» по сравнению с «ученостью» «туземных специалистов» было безосновательным⁴⁵¹. Вместо этого Щербатской видел большую системность во взглядах индийцев по различным аспектам логики, чем в традиционных европейских подходах. Он настаивал, что сокровища древней буддийской философии должны стать неотъемлемой частью европейского образования, чтобы «сделать имена Дигнаги и Дармакирти настолько же нам близкими и дорогими, насколько близки и дороги нам имена Платона и Аристотеля или Канта и Шопенгауера»⁴⁵².

После революций 1917 года Ольденбург, Щербатской и их ученики заострили свою критику европейской буд-

⁴⁵⁰ *Ермакова Т. В.* Буддийский мир глазами российских исследователей. С. 153–154; *Васильков Я. В.* Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф. И. Щербатского. С. 184. См. также: *Ольденбург С. Ф.* Памяти Василия Павловича Васильева. С. 539.

⁴⁵¹ *Щербатской Ф. И.* Тибетский перевод *Abhidharmakoshakarikah* и *Abhidharmakoshabhāṣyam* сочинений *Vasubandhu*. *Bibliotheca Buddhica*. Вып. XX. Пг., 1917. Фск. I, п. II; *Ольденбург С. Ф.* Записка об ученых трудах профессора Федора Ипполитовича Щербатского. С. 1717; *Он же.* Памяти Василия Павловича Васильева. С. 542–543.

⁴⁵² Цит. по: *Ольденбург С. Ф.* Памяти Василия Павловича Васильева. С. 548. См. также с. 543.

дологии и расхожих представлений о буддизме в Европе. Европейцы критиковались за их взгляды на тибетский буддизм как «искажение» исходного «чистого» индийского буддизма «полуварварскими ордами» из Монголии и Тибета. Поскольку буддийские общины в России практиковали именно тибетскую форму буддизма, российские ученые были особенно возмущены ее негативным освещением в научных работах по буддизму. В 1919 году учеником Щербатского Борисом Владимирцовым было отмечено, что, «как и всякое мировое учение, как и всякое гениальное произведение, буддизм, живя, переходя от одного поколения к другому, от одной страны к другой, оставаясь все тем же, по-разному принимался своими последователями»⁴⁵³. Русские имперские специалисты утверждали, что ученые должны изучать все эти формы восприятия как монахов-буддистов, так и мирян, принимая во внимание исторический и культурный контексты⁴⁵⁴. В свою очередь, бывший студент Щербатского и Ольденбурга бурят Барадийн в своем новаторском этнографическом исследовании современных буддийских практик в тибетских монастырях сетовал на разделение исследования буддийских текстов (сфера деятельности ученых) и «изучения уклада жизни самих буддистов» (сфера деятельности путешественников). Как он не без основания заметил в 1926 году, сколько-нибудь последовательная попытка соединить оба подхода нашла себе место именно в российском востоковедении⁴⁵⁵.

⁴⁵³ Цит. по: Владимирцов Б. Я. Буддизм в Тибете и Монголии // Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей. С. 230.

⁴⁵⁴ Там же.

⁴⁵⁵ Барадийн Б. Б. Буддийские монастыри // Очерки истории бурятского народа. Верхнеудинск: Бурят-монгольское изд-во, 1926. С. 108–151, особ. С. 109–110. О появлении в начале 1960-х годов работ сторонников подхода, аналогичного подходу Барадийна, в западной буддологии см.: Goldstein M. C., Tsarong P. Tibetan Buddhist Monasticism: Social, Psychological, and Cultural Implications // Tibet Journal. 1985. Vol. 1. No. 10. P. 14–31, особ. P. 14. До Барадийна этнографическое описание тибетского общества было сделано Гюмбожабом

Ученик Щербатского Оттон Розенберг предложил наиболее радикальный пересмотр методологических и теоретических подходов к изучению буддизма, особенно явственно предвосхитив позднейшую постколониальную критику европейской буддологии⁴⁵⁶. В работе «Проблемы буддийской философии», опубликованной в 1918 году, а также в ряде коротких статей, которые оставались неизданными вплоть до 1990-х годов, Розенберг охарактеризовал целую серию ошибок и заблуждений европейской буддологии⁴⁵⁷. Он упрекал европейских ученых в том, что они часто представляют буддийское учение как полное диковин «волшебное царство <...> со странными интеллектуальными ландшафтами»⁴⁵⁸. Как утверждал Розенберг, причиной такого представления был несовершенный методологический подход к изучению буддизма в европейской науке:

Цыбиковым, в котором помимо прочего изображались его социально-экономические проблемы, опровергающие идеализирующий миф о «старом Тибете». См.: Цыбиков Г. Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета // Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. Т. 1. Новосибирск: Наука, 1991. С. 36–216.

⁴⁵⁶ Биографию Розенберга и библиографический перечень его произведений см. в: *Kollmar-Paulenz K., Barlow J. S. Otto Ottonovich Rozenberg and His Contribution to Buddhology in Russia*. Vienna: Institut Vienna: Institut für Südasiens-, Tibet- und Buddhismuskunde Universität Wien, 1998. В данной книге отмечается, что работы Розенберга «до сих пор могут считаться вехой в западной буддологии (С. IX)». Она включает в себя обзор российской буддологии конца XIX и начала XX века, составленный Ермаковой, который также представлен в цитирующейся здесь ее книге «Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX века» (СПб., 1998).

⁴⁵⁷ *Розенберг О. О. Введение в изучение буддизма (по японским и китайским источникам)*. Ч. 2: Проблемы буддийской философии. Пг.: Издания факультета восточных языков Петроградского университета, 1918. С. 45. Анализ оригинального подхода Розенберга см.: *Пятигорский А. М. О. О. Розенберг и проблема языка описания в Буддологии* // Труды по знаковым системам. Т. V. Тарту: Изд-во Тартуского университета, 1971. С. 423–436.

⁴⁵⁸ *Розенберг О. О. О понимании восточной души* // Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей. С. 325.

Общепринятое отношение к буддизму, исходя из положения, ничем не обоснованного, что буддизм в сущности — явление определенное, однообразное, что это непременно должна быть одна система мировоззрения, одно определенное учение для всех, исповедующих его, — не принимает во внимание того факта, хорошо, впрочем, известного, что буддизм, как все религии, с одной стороны, разбит на целый ряд вероисповеданий, сект и философских школ; а с другой стороны, как-то забывают, что буддизм, тоже как все религиозные системы одно, а в популярных простонародных формах — нечто другое⁴⁵⁹.

Кроме того, как считал Розенберг, этот вневременной буддизм, вынесенный за пределы какого-либо конкретного исторического и культурного контекста, «изучался слишком литературным, книжным способом». «Вследствие этого мы связывали такие факторы отдельных направлений [буддизма] или отдельных текстов, создавали такие комбинации, которых в живом буддизме никогда не бывало, и разумеется, что такие комбинации легко могли оказаться полными противоречий и странностей». Особым недостатком европейской буддологии, по Розенбергу, являлось то, что «меньше всего мы знаем современный буддизм — о нем как-то умышленно забывали. А на самом деле это, казалось бы, именно наиболее доступный и близкий материал»⁴⁶⁰. По мнению Розенберга, которое позже опять появится в постколониальной критике западной буддологии, проблема заключалась в нежелании отказаться от использования подхода 1880-х годов — периода, когда «в европейской филологии и в истории религии господствовало увлечение древними памятниками». Таким образом, европейские ученые взялись за решение сомнительной задачи — «изложение буддизма Будды» на основе «древнейших источников — проповедей палийского канона».

⁴⁵⁹ Розенберг О. О. О понимании восточной души. С. 325–326.

⁴⁶⁰ Там же. С. 326–327.

По словам Розенберга, «не подлежит сомнению, что прием исследования, пренебрегающий материалом современным, глубоко ошибочен», так же как и подход, который не учитывает полностью «туземных» знаний и интерпретаций⁴⁶¹.

Розенберг отметил попытку Бюлера включить «туземные традиции» изучения «индийской литературы» в европейские исследования этой письменной традиции. В буддологии подобного не случилось, хотя, по мнению Розенберга, имеются возможности найти «хранителей традиции» «и при их помощи <...> и для европейца возможно понять древнейшие тексты, как их понимает туземный ученый — действительно ученый. Путь более верный и близкий, чем самостоятельные попытки раскрыть тексты, какие бы они ни были оригинальные и остроумные»⁴⁶².

Подвергая критике превалирующий среди европейских ориенталистов иерархический взгляд на «туземные» знания и типы исследований как несовершенные по сравнению с европейскими научными методами, Розенберг риторически заявлял:

Представьте себе, например, японца, который стал заниматься Аристотелем или, например, русскими былинами, но который обратился бы непосредственно к первоисточникам, пренебрегая всем тем, что писалось об Аристотеле в позднейшей философской литературе, пренебрегая всеми современными научными трудами об Аристотеле или о былинах. Разве мы такие занятия считали бы серьезными? А ведь это именно до сих пор метод, применявшийся к буддизму и к дальневосточной религиозной литературе вообще, — полное игнорирование современной традиции»⁴⁶³.

Серьезное знакомство с интерпретациями современных ученых буддистов (которые помимо прочего могут

⁴⁶¹ Розенберг О. О. О понимании восточной души. С. 327.

⁴⁶² Там же. С. 328.

⁴⁶³ Там же. С. 327.

пролить свет на древние буддийские тексты) должно осуществляться в тесном взаимодействии с этнографическими исследованиями современных практик и верований. Такой подход, настаивал Розенберг, «применим не только по отношению к Востоку, но и по отношению к любому чужому народу»⁴⁶⁴.

С первых лет XX века Ольденбург, Щербатской и их ученики начали сотрудничать с бурятами, исповедующими буддизм, которые были студентами восточного факультета Санкт-Петербургского университета, а также с буддийскими ламами. Наиболее значительной попыткой в плане реализации программы Розенберга (после преждевременной смерти своего ученика эту программу продолжал развивать Щербатской) стало создание Института изучения буддийской культуры, основанного как часть Академии наук СССР и просуществовавшего с 1927 по 1930 год. Как следует из отчетов, в институте был принят «живой подход» к изучению буддизма, охватывающий его современные практики и традиции устного творчества. Институт должен был способствовать организации тесного сотрудничества на паритетных началах между учеными, вооруженными европейскими методами исследования, и образованными буддистами с их собственным подходом к интерпретации буддийских текстов и практик. Как писал Щербатской в письме русско-польскому монголоведу Владиславу Котвичу:

У нас есть большое преимущество (по сравнению с зарубежными учеными) прямого ознакомления с этой [буддийской] философией непосредственно через ученых лам. Вы сами хорошо знаете, сколь обширны, глубоки и ценны их знания. В этом смысле нам работать легче (чем западноевропейским специалистам по буддизму. — В. Т.)⁴⁶⁵.

⁴⁶⁴ Розенберг О. О. Об изучении японского буддизма // Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей. С. 321.

⁴⁶⁵ ПФ АРАН. Ф. 761. Оп. 1. Д. 32. Л. 17.

По словам основателей института Ольденбурга и Щербатского, его упор на восточно ориентированное научно-исследовательское сотрудничество представлял собой «единственно верный подход» к изучению буддизма⁴⁶⁶. Таким образом, мечта графа Уварова о российском центре востоковедения, где лама будет трудиться рука об руку с европейским ученым, как ни парадоксально, воплотилась в жизнь, когда Санкт-Петербург уже более не являлся столицей Российской империи и был переименован в честь основателя первого коммунистического государства.

Учредители института осознавали, что некоторые из современных «туземных» исследований буддизма были написаны теми местными учеными в Японии, Китае, Бурятии и Монголии, которые испытали влияние европейской системы образования и интерпретировали свои традиции с точки зрения европейского концептуального аппарата⁴⁶⁷. Ольденбург и Щербатской не видели в этом проблемы. Наоборот, они считали — так же как и Розен, — что это благоприятный знак интеллектуального сближения Востока и Запада⁴⁶⁸.

Заключение

Продолжая традицию ревизионизма, возникшую в европейской науке рубежа XX века, последователи Розена предложили важные концептуальные и методологические нововведения в свои дисциплины. Их новаторские подходы предвосхитили на несколько десятилетий многие

⁴⁶⁶ Ольденбург С. Ф. Институт изучения буддийской культуры. С. 1702.

⁴⁶⁷ См. обсуждение вопроса о восприятии буддизма японскими мыслителями в начале XX века в: *Sharf R. H. The Zen of Japanese Nationalism // History of Religion. 1993. Vol. 33. No. 1. P. 1–43; Snodgrass J. Presenting Japanese Buddhism to the West: Orientalism, Occidentalism, and the Columbian Exposition. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2003.*

⁴⁶⁸ Ольденбург С. Ф. Институт изучения буддийской культуры. С. 1704.

выводы постколониальных исследований, появившиеся почти полвека спустя.

Новый подход к востоковедению конца XIX — начала XX века имел различные последствия. Некоторые из них были негативными. Так, начиная с конца 1920-х годов озабоченность последователей Розена влиянием политики на науку приняла новые формы. (Здесь опять-таки можно заметить очевидные параллели с Германией и Австрией. В период нацизма противоречивое наследие ревизионистской немецкой и австрийской ориенталистики позволило использовать некоторые из ее открытий и выводов в создании расистской науки Третьего рейха⁴⁶⁹.) В сталинском Советском Союзе в период после 1929 года ревизионистская аргументация таких ученых, как Марр и Ольденбург, включая и конструктивные идеи, как, например, критику Марром упрощенных способов написания национальной истории или их анализ взаимоотношений знания и власти, стали использоваться в политических целях, что было чревато опасными последствиями для тех, кого стали клеймить как последователей «буржуазной науки»⁴⁷⁰.

С другой стороны, школа Щербатского стала жертвой кампании против буддизма, начавшейся в 1930 году. Большинство русских и бурятских учеников и последователей этого ученого погибло во время сталинских репрессий⁴⁷¹. В 1937 году Щербатской сам подвергся жестким нападкам за свои высказывания о том, что европейские философы могли бы много узнать о логике из работ индийских мыслителей. Попытка Щербатского преодолеть разделение между Востоком и Западом была представлена его критиками как доказательство его нежелания при-

⁴⁶⁹ *Pollock Sh.* Deep Orientalism? P. 80–96; *Marchand S.* German Orientalism and the Decline of the West. P. 473.

⁴⁷⁰ *Tolz V.* Combining Professionalism and Politics. P. 99.

⁴⁷¹ *Андреев А. И.* Храм Будды в Северной столице. С. 153–162; *Васильков Я. В.* Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф. И. Щербатского. С. 178–179, 204–207.

нять неопровержимость интеллектуального превосходства диалектического материализма⁴⁷².

То, что мы можем установить прямую связь между критикой европейской ориенталистики со стороны российских ученых и конкретными политическими событиями в России, Европе и даже Советском Союзе, само по себе не отменяет выводов российских востоковедов о проблемах, стоящих перед их дисциплинами. Поскольку Россия была одним из первых обществ, пытавшихся осуществить модернизацию в условиях конкуренции с более развитой Западной Европой (как экономически, так и политически), и поскольку в начале XX века русские сначала утратили империю, а затем вновь воссоздали ее, сопровождая это утверждениями о том, что новое государство будет по своей природе антиколониальным, у русской интеллигенции развилась, по выражению Исая Берлина, «обостренная чувствительность к нравственным, социальным и эстетическим проблемам, важное значение которых» в конце концов их западные коллеги осознали лишь во второй половине XX века⁴⁷³. Таким образом, вывод Сюзанн Маршанд о том, что мы не только «наследники [европейского] империалистического “взгляда”», как утверждал Саид, но в нашем постколониальном видении мира также «потомки немецкой ориенталистики» рубежа XX века⁴⁷⁴, должен быть распространен (особенно учитывая отмеченную здесь связь между Ольденбургом и Саидом) и на российское востоковедение школы Розена.

⁴⁷² Васильков Я. В. Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф. И. Щербатского. С. 205.

⁴⁷³ Сделанное Берлином наблюдение касается русских народников 1870-х и 1880-х годов. См.: *Berlin I. Russian Thinkers*. London: Penguin, 1978. P. 210–237. Прекрасный анализ взглядов Берлина см.: *Kelly A. Towards Another Shore: Russian Thinkers between Necessity and Chance*. New Haven: Yale University Press, 1998. P. 23.

⁴⁷⁴ *Marchand S. German Orientalism and the Decline of the West*. P. 473.

Глава 5

ИМПЕРСКИЕ УЧЕНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ СРЕДИ НАЦМЕНЬШИНСТВ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА

Работа имперских ученых парадоксальным образом сыграла важную роль в формировании национальных (и националистических) идеологий народов колониального мира. Бенедикт Андерсон, Бернард Кон и Эдвард Саид, в частности, продемонстрировали, насколько глубоким оказалось влияние представлений определенной части имперских элит (в том числе ученых-востоковедов) о колониальных владениях своих стран на национальное самовосприятие колонизированных народов⁴⁷⁵. На первый взгляд кажется непонятным, почему результаты работ востоковедов, если они являлись «важной частью колониального проекта по контролю и надзору», были широко использованы в своих целях лидерами национальных движений в колониях⁴⁷⁶. В современной науке наиболее распространенное объяснение этого парадокса сводится к тому, что в тот период востоковедческие исследования мало кем воспринимались как вклад в упрочение колониального

⁴⁷⁵ *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1991; *Cohn B.* Colonialism and Its Forms of Knowledge: The British in India. Princeton: Princeton University Press, 1996; *Idem.* An Anthropologist among the Historians and Other Essays. New York: Oxford University Press, 1988; *Said E.* Culture and Imperialism. New York: Knopf, 1993.

⁴⁷⁶ *Dirks N.* Foreword to Cohn, Colonialism and Its Forms of Knowledge. P. X.

господства⁴⁷⁷. В них видели скорее результаты объективных научных изысканий, которые именно в силу своей объективности могли быть безоговорочно приняты, в том числе и колонизированными народами⁴⁷⁸.

Такое объяснение кажется недостаточным. Скорее всего, еще более важным фактором, способствовавшим использованию востоковедческой науки в национальном строительстве народов, находившихся под колониальным господством Европы, было то, что большинство имперских ученых XIX века являлись адептами традиции романтического национализма. В самой Европе данные переписи населения и географические карты, о значении которых в установлении европейского контроля в колониях говорит Андерсон, первоначально использовались европейскими правительствами для контроля над населением метрополий. Создание музеев, равно как сбор лингвистической и археологической информации, также нередко служили целям национального строительства внутри метрополий. Собранная информация, начиная с переписи населения и заканчивая археологией, систематически использовалась учеными Европы для создания исторических и культурных нарративов, описывающих их собственные народы в категориях национальной принадлежности. Эти нарративы, в свою очередь, широко использовались национальными лидерами и политическими движениями в метрополиях, чья деятельность не всегда приходилась по душе правительствам европейских стран. На этом фоне становится гораздо более понятным (и уже не парадоксальным) то, что новые национальные и националистические движения, возникавшие в среде колониальных подданных, тоже старались использовать переписи, карты, музеи и достижения европейской науки (ориенталистики) для целей собственного национального

⁴⁷⁷ Убедительность данного аргумента обсуждается в гл. 3.

⁴⁷⁸ *Ludden D. Orientalist Empiricism: Transformations of Colonial Knowledge // Orientalism and the Postcolonial Predicament: Perspectives on South Asia. P. 252.*

строительства, которое в конечном итоге привело к распаду империй.

Более того, как уже говорилось ранее в этой книге, последователи Розена считали, что рост так называемого национального самосознания среди восточных и южных нацменьшинств будет способствовать их интеграции в общероссийское сообщество, а не порождать сепаратизм. Исходя во многом из опасения, что «национальное самосознание» было слабо развито среди многих групп нацменьшинств на собственном Востоке России, они поставили перед собой задачу привлечь представителей изучаемых ими сообществ «к проекту создания будущих наций»⁴⁷⁹.

На рубеже XX века наиболее энергичные усилия имперских ученых в развитии такого «национального самосознания» были направлены на представителей тех общин, где не имелось устоявшихся письменных традиций на родном языке. К числу таких нацменьшинств относились буряты в Сибири и абхазы на Кавказе, занимавшие промежуточное положение между малочисленными этническими группами Крайнего Севера России, которые на тот момент безапелляционно воспринимались как «не имеющие культуры»⁴⁸⁰, и национальностями со своей собственной древней письменной культурой, такими как армяне и грузины. Внутри этих промежуточных групп «инородцев» имелась своя элита, владевшая русской и монгольской грамотой, как в случае с бурятами, или грузинской и арабской — в случае с абхазами. В последние предреволюционные десятилетия представители этих нацменьшинств стали восприимчивы к циркулирующим в империи идеям романтического национализма и благодаря этому начали представлять свои сообщества как отдельные нации. Как мы покажем далее, такое «воображение» часто возникало

⁴⁷⁹ Hroch M. From National Movement to the Fully-Formed Nation: The Nation-Building Process in Europe // *Becoming National: A Reader*. P. 63.

⁴⁸⁰ Штернберг Л. Я. Инородцы. Общий обзор // *Формы национальных движений в современных государствах* / Под ред. А. Кастелянского. СПб.: Общественная польза, 1910. С. 533.

в результате непосредственных встреч имперских ученых с представителями этих меньшинств.

В этой главе исследуется возникновение тесных связей, начавших складываться на рубеже XX века между имперскими учеными и теми представителями «инородцев» из местных, не обладающих собственным литературным языком сообществ Сибири и Кавказа, которые в 1905 году стали национальными лидерами внутри своих этнических групп. После Октябрьской революции эти же лидеры нацменьшинств заняли руководящие посты в государственных, образовательных и научных учреждениях вновь созданных республик и этнических автономий Советского государства. Востоковеды были одним из основных источников национальных представлений среди этих меньшинств, так как многие из первых национальных лидеров этнических групп Сибири и Кавказа, обсуждаемых в этой главе, развили интерес к собственному «национальному наследию», работая в качестве научных ассистентов имперских ученых.

Влияние имперских ученых на представителей нацменьшинств не было односторонним. Наблюдалось и обратное воздействие. Представители обеих групп совместно стали воображать общины «инородцев» как самостоятельные этнокультурные национальности. Это сложное двустороннее взаимодействие имело серьезные политические последствия.

Роль образованных «туземцев» в создании новых знаний о европейских колониальных владениях является предметом жарких дискуссий в постколониальной науке. На основе материалов, касающихся прежде всего Южной Азии, было разработано три способа теоретизации этой роли. Вслед за Коном некоторые ученые говорят о «масштабном присвоении» результатов работы «туземцев» и замалчивании их роли в производстве знания. Согласно этой интерпретации, только имперские элиты обладали правом определять, что является приемлемым, а что нет в контексте колониальной жизни, а потому невозможно воспринимать представителей колонизированных

обществ как активных деятелей в производстве колониального знания⁴⁸¹. Противоположную позицию с особой решимостью отстаивает Юджин Ирщик. Он считает, что представления об Индии, сформулированные в колониальный период, возникли как результат «диалога» между «туземцами» и британцами, в котором обе стороны «участвовали на равных»⁴⁸². Ирщик, однако, отмечает, что соразмерность вклада обеих сторон — это скорее ретроспективная оценка, чем точка зрения, разделяемая людьми того времени. Промежуточную позицию по отношению к этим подходам занимает Капил Радж, который, предлагая поставить в центр внимания вопрос о совместном производстве современной науки европейцами и колониальными народами, отвергает концепцию диалога на том основании, что в контексте Южной Азии взаимоотношения между британцами и учеными-«туземцами» были строго иерархическими и их роли были четко разграничены⁴⁸³.

Некоторые российские востоковеды позднеимперского периода открыто заявляли, что их целью являлось расширение прав и возможностей «туземцев» при создании научного знания для того, чтобы они стали полноправными участниками в развитии определенных областей востоковедения. Некоторые ученые, в том числе и Ольденбург, утверждали, что эта цель была признаком

⁴⁸¹ *Dirks N.* Colonial Histories and Native Informants: Biography of an Archive // *Orientalism and the Post-Colonial Predicament*. P. 279–313; *Prakash G.* Another Reason: Science and the Imagination of Modern India. Princeton: Princeton University Press, 1999; *Anthropology and the Colonial Encounter* / T. Asad, ed. Atlantic Highlands: Humanities Press, 1995. P. 16.

⁴⁸² *Irschick E. F.* Dialogue and History: Constructing South India, 1795–1895. Berkeley: University of California Press, 1994; *Trautmann Th.* Hullabaloo about Telugu // *South Asia Research*. 1999. Vol. 19. No. 1. P. 53–70. См. также: *Bayly C. A.* Empire and Information: Intelligence Gathering and Social Communication in India, 1780–1870. Cambridge: Cambridge University Press, 1996; *Dodson M. S.* Orientalism, Empire and National Culture: India, 1770–1880. Basingstoke: Palgrave, 2007.

⁴⁸³ *Raj K.* Colonial Encounter and the Forging of New Knowledge and National Identities: Great Britain and India, 1760–1850 // *Osiris*. 2001. Ser. 2. Vol. 15. P. 119–134.

превосходства российского востоковедения над западноевропейским⁴⁸⁴. В данной главе, начинающейся с обсуждения систематического привлечения «инородцев» к исследованиям в области востоковедения в 1880-х годах и далее анализирующей события периода революции 1905 года как важной вехи в отношениях между имперскими учеными и их научными ассистентами-«инородцами», прослеживается, насколько ученым Российской империи удалось реализовать свою цель.

Превращение «туземных информантов» в ученых: происхождение национально мыслящей «туземной» интеллигенции

Большинство современных ученых считает, что появление национально мыслящей интеллигенции в колониях в первую очередь было связано с созданием систем образования европейского типа при очень ограниченной социальной мобильности и скромных возможностях профессиональной реализации для представителей колониального населения, получивших такое образование⁴⁸⁵. В России создание различных школ для «инородцев» в результате реформ 1860-х годов и расширение доступа к российским высшим учебным заведениям увеличили количество представителей восточных и южных нацменьшинств, получивших образование европейского типа⁴⁸⁶. Однако расшире-

⁴⁸⁴ *Ольденбург С. Ф.* Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму // Известия Российской Академии наук. 1918. Сер. VI. Т. 12. № 7. С. 544–548; *Ольденбург С. Ф., Щербатской Ф. И., Тубянский М. И.* Институт изучения буддийской культуры // Известия Академии наук СССР. 1927. Сер. VI. Т. 21. № 18. С. 1701–1704.

⁴⁸⁵ *Anderson B.* Imagined Communities. P. 140; *Hroch M.* From National Movement to the Fully-Formed Nation. P. 66–67; *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* / R. G. Suny, T. Martin, eds. New York: Oxford University Press, 2001. P. 52.

⁴⁸⁶ *Dowler W.* Classroom and Empire: The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2001.

ние доступа к образованию не могло само по себе служить стимулом к возникновению желания представителей нацменьшинств изучать и хранить культурное наследие их собственных этнических сообществ, что в большинстве случаев являлось первым шагом на пути их выступления в качестве национальных лидеров этих сообществ.

Действительно, если обратиться к биографиям людей, ставших лидерами политических движений среди «инородцев» в 1905 году, а после Октябрьской революции занявших руководящие посты в правительствах вновь созданных национальных автономий Советского государства среди малочисленных нацменьшинств в Сибири и на Кавказе, то можно увидеть, что они поступали в университет с целью получить престижную работу в области права, медицины или дипломатии. Интересно, что, в отличие от вышеописанной теории социальных и профессиональных ограничений как стимула к выработке националистических представлений, во многих известных нам примерах их интерес к национальным вопросам предварял опыт профессиональной дискриминации⁴⁸⁷. Во многих случаях этот интерес возникал благодаря контактам с имперскими востоковедами, нанимавшими представителей нацменьшинств, учившихся в Санкт-Петербурге, в качестве научных ассистентов при проведении полевых работ на восточной и южной окраинах государства. Контакты с востоковедами были, конечно, не единственным источником национального мировоззрения этих представителей восточных и южных нацменьшинств. Тем не менее этот источник являлся одним из наиболее значимых.

В рассматриваемый здесь период подданные колоний постоянно привлекались европейскими ориенталистами к проводимой ими работе в качестве источников информации. Однако, как правило, их не воспринимали

⁴⁸⁷ Козьмин Н. Н. Туземная интеллигенция Сибири // Сибирская живая старина. 1923. № 1. С. 72–89; Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. Т. 1. С. 10–33; Гулиа Д. Л. Материалы по абхазской грамматике. Сухуми: Наркомпрос Абхазской ССР, 1927; Хварукия М. Андрей Максимович Чочуа. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1981. С. 17, 53, 127–128.

в качестве полноправных ученых; их открытия, включаемые в издаваемые работы, публиковались в основном под именами европейских исследователей, что в результате привело к «масштабному присвоению» имперской наукой свидетельств и интерпретаций представителей колонизированных народов⁴⁸⁸.

Первое систематическое и крупномасштабное привлечение к научным проектам представителей инородческих групп в России произошло, вероятно, в 1860-х и 1870-х годах во время работы Петра Услара по созданию алфавитов для местных языков различных групп нацменьшинств Кавказа. Это общение между Усларом и его «информаторами», или «руководителями», как он их называл, было важно, так как многие местные помощники Услара впоследствии стали школьными учителями в новых школах для «инородцев», которые в то время начали создаваться правительством⁴⁸⁹. И все же имен «руководителей» Услара сегодня никто не помнит.

Спустя несколько десятилетий ситуация изменилась. В отличие от «инородцев», работавших с Усларом, тех, кто начинал свою деятельность в качестве «информаторов», или, выражаясь современным языком, научных помощников имперских ученых на рубеже XX века, сегодня очень хорошо помнят на их родине и чествуют как «национальных героев». Как и почему это произошло? В 1880-х годах основные российские периодические издания, печатающие востоковедческие труды, приступили к регулярной публикации работ представителей этнических меньшинств. Первоначально эти публикации содержали тексты первоисточников (например, записанные образцы фольклора), но в начале XX века некоторые ученые-«инородцы» пре-

⁴⁸⁸ Цит. по: *Dirks N. Castes of Mind*. P. 105.

⁴⁸⁹ Услар П. К. Записка об исследовании кавказско-горских языков // Известия Кавказского Отдела ИРГО. Прил. к т. IX. Тифлис: Тип. Канцелярии наместника Кавказского, 1887. С. 10; Абдуллаев М. А. Из истории философии и общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX в. М.: Наука, 1968. С. 55.

вратились из простых сборщиков информации в ее полноценных интерпретаторов⁴⁹⁰.

Такая трансформация, необычная по своему размаху, если сравнивать ее с европейской ориенталистикой того времени, произошла в России по нескольким причинам. Одна из них была связана с усиливающейся среди востоковедов тенденцией воспринимать Российскую империю как уникальный симбиоз западных и восточных культур⁴⁹¹. В 1857 году Александр (Мирза) Казем-Бек, профессор персидского языка и первый декан факультета восточных языков в Санкт-Петербургском университете, заявил, что на его факультете европейские и «восточные» ученые работали рука об руку, как нигде больше в Европе, что было предугадано еще графом Сергеем Уваровым в 1810 году.

Тем не менее Казем-Бек (происходивший из персидского Азербайджана), который до своего обращения в христианство получил традиционное мусульманское образование, был в то время скорее исключением. «Выходцы с Востока», о которых он говорил, нанимались на работу в основном для преподавания языков⁴⁹². Более систематическое привлечение «туземцев» как специалистов, обладающих самостоятельным правом не просто собирать, но и интерпретировать первоисточники, началось почти полвека спустя. Когда эта перемена произошла, участие «туземцев» стало более всего заметно в двух областях востоковедения — исследованиях Кавказа и буддизма, что яв-

⁴⁹⁰ В качестве примеров аналитических работ авторов из «инородцев» см., например: *Барадийн Б. Б.* Путешествие в Лавран // Известия ИРГО. 1908. Т. 49. Вып. 4. С. 183–232; *Он же.* Буддийские монастыри // Очерки истории бурятского народа / Под ред. М. Н. Богданова. Верхнеудинск: Бурят-монгольское изд-во, 1926. С. 108–151.

⁴⁹¹ См. гл. 2.

⁴⁹² Статья Александра (Мирзы) Казем-Бека была опубликована в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1857. № 91), цит. по: *Рзаев А. К.* Очерки об ученых и мыслителях Азербайджана XIX века. Баку: Маариф, 1969. С. 9–10. Подробное обсуждение жизни и карьеры Казем-Бека см.: *Schimmelpenninck van der Oye D.* Mirza Kazem-Bek and the Kazan School of Russian Orientalology // *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East.* 2008. Vol. 28 No. 3. P. 443–458.

лялось результатом внутреннего развития этих областей науки.

Особенно важная роль по содействию этим переменам в ходе исследования Кавказа была сыграна Марром. В период между 1899 и 1915 годами Марр внес изменения в программу Российской Академии наук по изучению Кавказа, постулировав необходимость исследования малочисленных этнических групп, не имевших устоявшихся письменных традиций на родном языке⁴⁹³. Таким образом, он предложил проводить исследования такого рода, которые существенно увеличивали зависимость ученых от «туземных информаторов», в то время как традиционное востоковедение в значительной степени опиралось на филологическую интерпретацию текстуальных данных⁴⁹⁴. В ходе регулярных поездок в Абхазию для проведения археологических и лингвистических исследований Марр установил тесные связи с членами Бзыбского комитета Общества распространения просвещения среди абхазцев, в частности с Андреем Чочуа (1879–1965), Самсоном Чанбой (1886–1937) и Дармитом (Дмитрием) Гулиа (1874–1960). Все эти люди стали политическими и культурными лидерами Абхазии в 1920-х годах. Они уже были знакомы с идеями национализма, в частности из грузинских источников⁴⁹⁵. Тем не менее в конце имперского

⁴⁹³ *Марр Н. Я.* Академия наук и изучение Кавказа // ПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1409.

⁴⁹⁴ Критика филологического метода и новые оценки роли так называемых «бесписьменных народов» в культурной деятельности не ограничивались одной Россией. Аналогичные тенденции были заметны в немецкой и австрийской науке, о чем были хорошо осведомлены российские ученые. Ревизионизм в Германии принял несколько иные формы и имел иные, чем в России, последствия. См., например: *Marchand S.* The Rhetoric of Artifacts and the Decline of Classical Humanism: The Case of Josef Strzygowski // *History and Theory*. 1994. Vol. 33. No. 4. P. 106–130.

⁴⁹⁵ Грамота на грузинском языке была широко распространена в Абхазии. О влиянии грузинской интеллигенции на развитие Абхазии в конце XIX и начале XX века см.: *Инал-Ипа Ш. Д.* Абхазы. Сухуми: Алашара, 1965. С. 160–165; *Он же.* Страницы абхазской литературы.

периода они именно совместно с Марром начали воспринимать и представлять абхазов как отдельную нацию⁴⁹⁶.

Подобного рода ревизионизм возник и в буддологии. Как мы уже видели, к концу первого десятилетия XX века Щербатской и другие российские специалисты по буддизму разработали новую программу исследований, которая способствовала изучению «живых устных традиций» буддизма, в противоположность сосредоточению внимания исключительно на древних буддийских текстах, как было принято в европейской науке того времени⁴⁹⁷. Этот научный подход и его теоретические обоснования привели Щербатского и Ольденбурга к выводу, что российские буряты будут наиболее подходящими участниками в проведении нового типа исследований буддизма. Их выбор пал на Гомбожаба Цыбикова, Банзара Барадийна и Цыбена Жамцарано — будущих лидеров бурятского движения во время революции 1905 года и ведущих деятелей национального строительства в Бурятии в 1920-х годах. Эти буряты приехали учиться на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, чтобы затем делать дипломатическую карьеру⁴⁹⁸. Однако Ольденбург и Щербатской видели будущее своих студентов в несколько ином свете.

В 1903 году Ольденбург и Щербатской написали в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, что, если бы Барадийн стал самостоятельным ученым, это дало бы России большое преимущество перед Англией в изучении Тибета, который был закрыт для европейских ученых. Ольденбург и Щербатской отметили, что англичане использовали «индийских пундитов» для разведывательных мероприятий. Пундиты

Сухуми: Алашара, 1980. С. 6–24; *Дзидзария Г. А.* Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми: Алашара, 1979.

⁴⁹⁶ *Чарая П.* Об отношении абхазского языка к яфетическим. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1912.

⁴⁹⁷ *Ермакова Т. В.* Буддийский мир глазами российских исследователей; в частности гл. 2.

⁴⁹⁸ *Цыбиков Г. Ц.* Избранные труды. Т. 1. С. 7–8.

производили важные географические исследования, но ничего не предпринимали для изучения «сокровищ буддизма». Российские буряты, прошедшие «строгое монастырское образование» в дацанах, а затем, обученные Ольденбургом и Щербатским европейским научным методам, могли бы стать не только «настоящими пундитами» (по-видимому, намек на возможную разведывательную работу для правительства), но также и «надежными исследователями, вносящими свой вклад в изучение индо-тибетской традиции»⁴⁹⁹. При этом Ольденбург и Щербатской предложили разработать специальную учебную программу для Барадийна, которая включала бы индивидуальные занятия с бурятским ламой. Они пришли к выводу, что на четвертый год своего обучения в университете Барадийн будет хорошо подготовлен для проведения «независимой научной деятельности» в Тибете. Ольденбург и Щербатской были убеждены, что «наука может ожидать от него много ценного и нового»⁵⁰⁰. В 1905 году Барадийн приступил к полевым работам в Тибете. В этом он следовал по стопам Цыбикова, которого по предложению его университетского профессора Алексея Позднеева тоже направили в Тибет от Географического общества. Цыбиков стал первым человеком, обученным европейским методам научной работы, который предпринял всестороннее описание жизни в Тибете⁵⁰¹.

В своей работе Цыбиков и Барадийн не просто составили описание, но интерпретировали полученные ими данные, что было представлено на рассмотрение научно-

⁴⁹⁹ Протокол II съезда РКСИВА 25 апреля 1903 г. // ПФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 12. Л. 1. Письма Б. Б. Барадийна С. Ф. Ольденбургу // ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 28. Л. 24 об. — 25, где Барадийн жаловался Ольденбургу на ожидания представителей российского правительства, что он (Барадийн) будет систематически заниматься агентурной работой в пользу России в Китае и Тибете.

⁵⁰⁰ ПФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 12. Л. 1 и Протокол IV съезда РКСИВА 13 ноября 1904 г. // ПФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

⁵⁰¹ Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. Т. 2. С. 218.

му сообществу в Санкт-Петербурге, которое приняло их работы очень одобрительно⁵⁰².

В то же самое время Жамцарано занимался исследованием бурятского фольклора и религиозных обрядов, поддерживая тесные контакты с Ольденбургом и знаменитым в прошлом народником, специалистом по «инородцам» Сибири Дмитрием Клеменцем. Тогда Клеменц создавал этнографический отдел Русского музея в Санкт-Петербурге, рекрутируя представителей этнических меньшинств, учившихся в имперской столице, для помощи в сборе этнографического материала. Его аргументы о том, почему его новобранцы должны быть заинтересованы в такой работе, находились в полном соответствии с обсуждавшейся ранее идеологией движения «малой родины». Клеменц утверждал, что этнографические исследования усилят чувство гордости среди «инородцев» за их культурные и исторические традиции, что позволит «инородцам» сохраниться в качестве особых этнокультурных групп и в то же время поможет им лучше интегрироваться в общероссийское сообщество⁵⁰³.

Как можно судить по переписке между Барадийном, Жамцарано, Ольденбургом и Щербатским, к 1904 году эти буряты уже играли важную роль в реализации новой исследовательской программы, ориентированной на «живой подход» к изучению буддизма. Отчеты о полевых работах, написанные этими бурятами, открыли петербургским ученым различные подходы к буддизму современных буддистских общин; бурятские коллеги также помогли имперским ученым в установлении контактов с бурятскими ламами⁵⁰⁴.

⁵⁰² Барадийн Б. Б. Путешествие в Лавран. В 1903 году Цыбиков выступил с докладом о своей экспедиции на заседании Географического общества в Петербурге. См.: Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. Т. 1. С. 13.

⁵⁰³ Мерген А. Д. А. Клеменц и сибирские инородцы // Известия ВСОРГО. 1916. Т. 45 (1917). С. 243.

⁵⁰⁴ Письма Б. Б. Барадийна С. Ф. Ольденбургу // ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 28. Л. 10–11 об., 23, 40–42 об.; Письма Ц. Жамцарано С. Ф. Ольденбургу // ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 210. Л. 4, 30–34; Письма Б. Барадийна Ф. И. Щербатскому // ПФ АРАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 34. Л. 3–4, 7.

В свою очередь, Ольденбург и Щербатской способствовали налаживанию связей Барадийна, Цыбикова и Жамцарано с Агваном Доржиевым (1853?–1938) – бурятом из Забайкалья, который прошел обучение в Лхасе и в конце 1880-х годов стал советником Далай-ламы⁵⁰⁵. Поддерживая тесные связи с российским правительством и являясь распространителем пророссийских, а в 1920 году – просоветских симпатий в Тибете, Доржиев был далек от того, чтобы быть просто царским или советским агентом. У него были свои представления об особой роли российских бурят в воображаемом им общемонгольском буддийском теократическом государстве с центром в Тибете. Будучи с 1898 года другом Ольденбурга и Щербатского, Доржиев разрабатывал идеи, которые имели большое влияние на представления о «национальном возрождении бурят» с начала XX века⁵⁰⁶.

Тон интенсивной переписки, продолжавшейся два десятилетия, между Ольденбургом, Щербатским, Барадийном и Жамцарано дает возможность заключить, что отношения между ними отличались от тех, которые имели имперские эксперты более старшего поколения, чем ученики Розена, с их «туземными помощниками». Так, например, в своих письмах к знаменитому миссионеру Николаю Ильминскому крещеные представители меньшинств Поволжья регулярно подчеркивали свое подчиненное положение по отношению к нему, используя самоуничижительную лексику. Информирова Ильминского о своей деятельности, его корреспонденты называли себя «ничтожными» и «темными» людьми, которым миссионер «показал свет»⁵⁰⁷. Сходный тип отношений отражен и в переписке этнографа Всеволода Миллера с его осетин-

⁵⁰⁵ Письма А. Доржиева С. Ф. Ольденбургу // ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 196. Л. 1–28.

⁵⁰⁶ Андреев А. И. Храм Будды в Северной столице. С. 25–27; Snelling J. Buddhism in Russia: The Story of Agvan Dorzhiev: Lhasa's Emissary to the Tsar. Longmead: Element, 1993.

⁵⁰⁷ Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 968. Оп. 1. Д. 82. Л. 60–63; Д. 88. Л. 17–18.

скими помощниками. Так, составитель первой осетинской азбуки Алмахсит Кануков, который очень близко сотрудничал с Миллером, в письме Миллеру, написанном в декабре 1890 года, извинялся за то, что осмелился посвятить столичному ученому «свой ничтожный труд»⁵⁰⁸. Другие корреспонденты надеялись порадовать Миллера своими «маленькими успехами»⁵⁰⁹.

Даже после возникновения национальных движений на восточных и южных окраинах империи во время революции 1905 года письма осетин Миллеру оставались пронизаны самоуничижительными высказываниями и уверенностью в неравенстве своей культуры по отношению к культуре европейской. Обращение сотрудников первой осетинской библиотеки к Миллеру в связи с 25-летием его научной деятельности является типичным примером:

25 лет тому назад впервые имя осетин, благодаря Вашим почетным научным трудам, стало известно культурной Европе. Немногочисленный, забитый и судьбой и грозной горской природой, этот народ, по мнению многих, должен был постепенно вырождаться и, быть может, в недалеком будущем уже исчезнуть с лица земли. Но вот прошло несколько десятков лет, и этот маленький народец быстрыми и решительными шагами двинулся на путь культурных народов⁵¹⁰.

Другое поздравление от осетин рисовало образ Миллера как единолично пробуждающего «национальное самосознание и народное творчество» этого народа⁵¹¹.

Письма Барадийна и Жамцарано к Ольденбургу и Щербатскому отражают их положение учеников и часто начинаются с обращения «дорогой учитель». Но ав-

⁵⁰⁸ Большая подборка писем Миллеру от осетин была опубликована в: *Калоев Б. В.* В. Ф. Миллер-кавказовед. Орджоникидзе: Северо-осетинское кн. изд-во, 1963; цит. на с. 116.

⁵⁰⁹ Там же. С. 45.

⁵¹⁰ Там же. С. 184.

⁵¹¹ Там же. С. 180.

торы писем не употребляют уничижительной лексики ни по отношению к себе, ни при обсуждении бурятских проблем. Вместо этого они рисуют картину работы бурят и имперских ученых над общим передовым научным проектом, в которой обе стороны имеют уникальные знания и навыки и нуждаются друг в друге. Тот факт, что Барадийн и Жамцарано учились на факультете восточных языков Петербургского университета и что их учителя признавали свою зависимость от бурят не только в сборе, но и в интерпретации источников, создало между ними отношения, отличающиеся от тех, которые имел Миллер со своими осетинскими помощниками. Так, рекомендуя Ольденбургу одного ламу, которого можно было бы пригласить в Петербург для помощи в интерпретации буддистских текстов, Барадийн писал в 1904 году: «Он (лама. — В. Т.) был бы очень подходящим для нас (выделено мной. — В. Т.) лицом и его приезд хотя бы на одну зиму был бы для нас небесполезным»⁵¹². В других письмах Барадийн делал предложения, говоря от лица «нашего ученого мира»⁵¹³.

Представления Барадийна и Жамцарано о значимости собственной работы сильно отличались от тех, которые мы видим в случае осетинских помощников Миллера. Эти два бурята осознавали, что их знания и навыки нередко ставили имперских ученых в открыто признаваемую зависимость от них, что приводило к перевертыванию обычной системы отношений между «туземцами» и имперскими экспертами в производстве знания. Например, в письме к Ольденбургу от 18 июня 1906 года Жамцарано привлек внимание Ольденбурга к интересной буддийской рукописи, которую хотел издать тогдашний глава Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества Дмитрий Першин. Жамцарано с уверенностью пишет Ольденбургу, что такая работа Першину не по плечу («... я убежден, что

⁵¹² ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 28. Л. 10 об.

⁵¹³ Там же. Л. 23.

сам не сумеет справиться. Рукопись требует коренной редакции... Потом нуждается в объяснениях и перетранскрипции текста») ⁵¹⁴. Жамцарано, конечно, тут же предлагает самому осуществить публикацию.

Даже в тех случаях, когда Жамцарано и Барадийн представляют имперских ученых как своих благодетелей, они не теряют ощущения собственной значимости. Например, в октябре 1906 года Жамцарано проинформировал Ольденбурга о том, что ему скоро принесут в подарок редкий якутский пояс. Смысл подарка был так охарактеризован Жамцарано:

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

Вы получите от Агуана Доржиева пояс якутки. История этого пояса такова. Один якут подарил его буряту Бичаханову с условием, чтобы последний подарил этот пояс своему хорошему другу или полезному человеку. Бичаханов подарил мне, выражая этим свое сочувствие моей деятельности... Тогда я ему заявил, что пояс будет подарен Вам, Сергею Федоровичу Ольденбургу, которому так много обязаны буряты вообще и я в частности... Пояс... представляет тип исчезнувших поясов... ⁵¹⁵

После этого вступления Жамцарано переходит к разговору «о деле», подробно описывая свои научные и общественные начинания.

Как мы сейчас увидим, природа взаимоотношений между имперскими учеными и их бурятскими коллегами претерпела дальнейшие изменения в период революции 1905 года, сделав их еще более непохожими на отношения востоковедов более старшего поколения с их «туземными помощниками». В этот новый период особенно Жамцарано регулярно ставил под сомнение существующие иерархии отношений.

⁵¹⁴ ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 210. Л. 20–21; цит. на л. 20–20 об.

⁵¹⁵ Там же. Л. 22.

Революция 1905 года — переломный момент

Во время революции 1905 года среди нацменьшинств восточных и южных окраин империи возникли движения, которые заговорили о «национальном самоопределении»⁵¹⁶. В «иностранческой» среде Сибири и Кавказа эти движения часто возглавлялись бывшими научными помощниками имперских востоковедов. Ученые с консервативными взглядами, такие как Позднеев, были встревожены подобным развитием событий⁵¹⁷. Либералы же были в восторге. Они были убеждены, что формирование этих движений подтверждает их точку зрения, согласно которой появление национально ориентированной интеллигенции среди нацменьшинств, равно как и растущее чувство гордости «иностранцев» за свое этнокультурное наследие, являлись признаками «естественного» развития. Образованные, национально мыслящие лидеры «иностранческих» общин могли уберечь нацменьшинства от полной ассимиляции и при этом облегчить их интеграцию в российские государственные структуры, а не породить сепаратизм, как предсказывали консерваторы.

Во время первой русской революции имперские ученые вели непрерывную почтовую переписку со своими бывшими студентами, ставшими теперь политическими активистами, и получали от них подробные сведения об изменениях в сообществах «иностранцев»⁵¹⁸. Новые лидеры рассчитывали на поддержку своей деятельности со стороны имперских ученых и действительно получали ее. Так, например, Жамцарано и Барадийн регулярно отправляли Ольденбургу отчеты о событиях, происхо-

⁵¹⁶ Ожидалось, что большинство требований «национального самоопределения» будет реализовано без нарушения территориальной целостности Российской империи.

⁵¹⁷ Позднеев А. М. Отчет о поездке к терским, уральским и оренбургским калмыкам // АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 60. Л. 97; *Он же*. О Новом бурят-монгольском алфавите // Там же. Д. 69. Л. 1–5.

⁵¹⁸ ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 210. Л. 16–19, 21 об., 22–25 об., 28–29, 30–34; См. также: Ф. 208. Оп. 3. Д. 28. Л. 23–23 об.

дивших у бурят, которые Барадийн охарактеризовал как «великое освободительное движение»⁵¹⁹. В частности, бурятские ученые подчеркивали свое требование предоставить бурятам «полную свободу изучать и практиковать свою религию, согласно духу и канонам буддизма» и использовать в бурятских школах версию монгольской письменности, предложенную Доржиевым⁵²⁰. Жамцарано просил Ольденбурга организовать освещение этих событий в либеральной ежедневной прессе Санкт-Петербурга, чтобы тамошняя «сознательная публика» могла понять, «как мы, бурятские “инородцы”, понимаем свою религию»⁵²¹.

Жамцарано отмечал, что описание бурятских событий в сибирской прессе доступно только ограниченному кругу читателей. Еще одна проблема, по мнению Жамцарано, заключалась в том, что у его оппонентов среди бурят также имелся доступ к периодическим изданиям, публиковавшимися в Сибири, и возможность представлять точку зрения, значительно отличавшуюся от точки зрения Жамцарано⁵²². Летом 1905 года Жамцарано опять настоятельно просил Ольденбурга, чтобы, в случае если правительство будет консультироваться с ним по вопросу о «ламаистском “духовенстве”», он не забыл все, что Жамцарано рассказывал ему о дискуссиях по поводу роли буддизма среди бурят⁵²³. Типичным представляется длинное письмо Жамцарано от 4 ноября 1905 года, в котором он инструктирует Ольденбурга, как тот может способствовать «бурятскому делу»:

Посылаю при сем копию протокола нашего съезда хотя в «Вост[очном] обозрении» она напечатана, но было бы

⁵¹⁹ См.: Письмо Барадийна Ольденбургу от 2 декабря 1905 года // ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 28. Л. 23.

⁵²⁰ ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 210. Л. 17; Там же. Д. 28. Л. 22–25.

⁵²¹ Там же. Д. 28. Л. 17–18.

⁵²² Там же. Л. 16; Богданов М. Бурятское «возрождение» // Сибирские вопросы. 1907. № 3. С. 38–49.

⁵²³ ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 210. Л. 18.

весьма не лишнее напечатать в какой-нибудь столичной газете, самое лучшее, по моему разумению, в «Сыне Отечества»... Съезд единогласно и безоговорочно осудил новый порядок... (Обсуждая реформу. — В. Т.) все до единого — проникались таким негодованием, что я, напр [имер], от удовольствия не мог усидеть на одном месте. По протоколу Вы видите, что правосознание у бурят есть... А мы — миряне и нештатные ламы, как Тарбаев, стоим за полную свободу изучения и исполнения своей религии, согласно духу и канону буддизма... Когда будет обсуждаться вопрос о ламайском «духовенстве» — надо будет иметь все это ввиду. Вероятно, Вы будете принимать в комиссии⁵²⁴ участие. Если бы можно было напечатать, мне кажется, будет небезынтересно ознакомить сознательную публику, через «Сын Отечества», как мы — буряты, «инородцы» — понимаем свою религию...⁵²⁵

Ольденбург обещал свою помощь и действительно способствовал созданию крупного бурятского издательства в Санкт-Петербурге и оказывал содействие в положительном освещении общественной деятельности своих бывших бурятских студентов в прессе Санкт-Петербурга. Клеменц также поддерживал позицию Жамцарано⁵²⁶.

Отношение либеральных ученых к тому, что они начиная с 1905 года воспринимали как знак «национального возрождения» среди восточных и южных нацменьшинств России, было наиболее радикально выражено в двух статьях о деятельности «инородцев», опубликованных Львом Штернбергом в 1910 году. (К тому времени бывший ре-

⁵²⁴ Имеется в виду комиссия для подготовки проекта Указа императора Николая II «Об укреплении начал веротерпимости», принятого в апреле 1905 года.

⁵²⁵ ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 210, л. 16–18.

⁵²⁶ ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 210. Л. 16, 18. См. также: ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 196. Л. 18–19; История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 года. С. 369.

волюционный народник Штернберг уже был ведущим этнографом⁵²⁷.)

Статьи Штернберга до сих пор используются в качестве важного источника по вопросам этнической политики во время революции 1905 года. Однако, несмотря на кажущуюся глубокомысленность своего анализа, Штернберг предлагал весьма предвзятую оценку. Среди «инородцев» возникли разные движения, предлагавшие различные сценарии будущего развития сообществ, от лица которых они делали свои заявления. В случае с бурятами Штернберг стал на сторону одной группы, некритически усвоив полемические высказывания этой группы в адрес ее оппонентов. Точно так же поступил Клеменц в своих публикациях о «бурятском национальном возрождении»⁵²⁸.

Таким образом, если говорить о ситуации до 1905 года, то, хотя некоторые представители восточных и южных нацменьшинств работали как самостоятельные ученые, публикуя результаты своих исследований в российских академических изданиях и информируя имперских ученых о религиозных и политических событиях в жизни своих сообществ, их работа внесла определенный вклад в характер восприятия культуры «инородцев», но не определяла это восприятие. В 1905 году некоторые представители нацменьшинств начали формировать такое восприятие среди своих собственных народов и среди имперских экспертов⁵²⁹.

⁵²⁷ Подробно биографию Штернберга см.: *Kan S. Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2009.

⁵²⁸ *Клеменц Д. А. Пессимизм на бурятской почве // Сибирские вопросы. 1907. № 10. С. 22.*

⁵²⁹ Существует параллель между обсуждаемым здесь случаем и приведенным Робертом Крузом описанием, как представители российской имперской элиты «управляли исламом», примыкая к той или иной группировке мусульман, которые занимали разные позиции по религиозным вопросам. См.: *Crews R. Empire and the Confessional State: Islam and the Religious Politics in Nineteenth-Century Russia // American Historical Review. 2003. Vol. 108. No. 1. P. 50–83.* Тем не менее, в отличие от тех

Согласно Штернбергу, во время революции в среде «инородцев» появились признаки превращения «народа» в «национальный коллектив»⁵³⁰. Штернберг отметил роль «туземной» интеллигенции — этого «удивительного духовного фермента» — в превращении экономического и социального недовольства в национальное и политическое⁵³¹. «Такая интеллигенция, — продолжал Штернберг, — с глубоким знанием прошлого (выделено мной. — В. Т.), которая видела ясно горизонты настоящего, могла народиться только под влиянием европейского просвещения, в данном случае через посредство русской культуры и русского просвещения»⁵³². Используя аргументы, мало чем отличающиеся от тех, какими пользуются современные ученые при объяснении ранних этапов развития национальных движений, Штернберг сделал вывод, что первым интеллигентам-«инородцам» удалось политизировать экономическое и социальное недовольство и превратить его в недовольство национальное, показав местному населению то, как экономическая и социальная дискриминация связана с этнической принадлежностью.

Утверждая, что некоторые идеи являлись общими для многих «инородческих» движений, Штернберг при этом признал существование разных позиций как между разными «инородческими» общинами, так и внутри них. Особенный интерес для него представляли буряты, у которых возникновение национально ориентированной интеллигенции происходило особенно стремительно. Бурятские лидеры не могли прийти к единому мнению

случаев, которые проанализирует Круз, имперские ученые обладали не политической, а интеллектуальной властью.

⁵³⁰ Штернберг Л. Я. Инородцы. С. 533, 536, 546. Ученый определил инородцев как «неприобщенных или весьма слабо приобщенных к европейской культуре народностей» (см. С. 533).

⁵³¹ Там же. С. 554.

⁵³² Там же. Штернберг допускал, что интеллигенция мусульманского населения России подвергалась воздействию идей национализма не только посредством русских источников, но также через Османскую империю и Египет (С. 560).

по поводу того, какая из форм самоуправления подходила им больше всего, какие элементы «бурятской традиции» являлись жизнеспособными в современном мире, учитывая то, что в различных бурятских родах существовали разные традиции; а также каким должен быть бурятский литературный язык, если люди говорили на разных диалектах.

В результате проводимой Россией политики особенно значительными были различия между забайкальскими бурятами, среди которых тибетская форма буддизма являлась основной религией, и иркутскими бурятами, для которых был отведен особый административный район и которые в большей степени подверглись христианизации. К 1905 году среди иркутских бурят буддисты составляли меньшинство. В 1905 году забайкальские буряты стали первыми, кто начал излагать свои требования в национальных категориях. Их лидер Жамцарано, наряду с другими бурятами, тесно связанными с имперскими учеными из Санкт-Петербурга, начал описывать «бурятский народ» как народ буддийский и утверждать, что в качестве основы для бурятского литературного языка должен быть выбран халхский диалект монгольского языка, который имел свою письменную традицию и был понятен грамотным бурятам-буддистам из Забайкалья. В 1905 и 1906 годах во время научных экспедиций по Иркутской области Жамцарано старался пропагандировать свое национальное видение.

Примечательно, что Ольденбург, разделявший восхищение Жамцарано буддизмом, был очень впечатлен его программой и называл своего бывшего студента «миссионером иркутских бурят»⁵³³. Таким образом, как ни парадоксально, Ольденбург характеризовал Жамцарано как распространителя высших цивилизационных ценностей и идей просвещения в сообществе, в которое входило значительное количество обращенных в христианство — как это было с бурятами Иркутской области. Но лидеры

⁵³³ ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 28. Л. 23.

иркутских бурят не разделяли положительной оценки Ольденбургом деятельности Жамцарано. Они возражали против выступления Жамцарано от имени всех бурят России, предлагая вместо этого концепцию бурятской нации, в которой религия была бы сведена к частной сфере, а алфавит создан на основе латиницы⁵³⁴. Жамцарано клеймил своих оппонентов, называя их русификаторами и полицейскими доносчиками, и продолжал утверждать, что их взгляды, в отличие от его собственных, пользовались незначительной общественной поддержкой⁵³⁵.

Не приводя никаких доказательств, Штернберг заявлял, что «бурятская интеллигенция и простые массы» (даже в Иркутской губернии) оказывали «горячую поддержку» Жамцарано⁵³⁶. Также он утверждал, время от времени повторяя почти дословно Жамцарано, что его оппоненты выполняли «полицейские обязанности»⁵³⁷.

Еще до Штернберга Клеменц вмешался в печатную полемику Жамцарано с его главным иркутским оппонентом, полностью заняв сторону первого и обвиняя второго в игнорировании бурят-монгольских «коренных традиций»⁵³⁸. Забайкальские буряты, пытавшиеся говорить

⁵³⁴ Богданов М. Бурятское «возрождение». С. 38–49.

⁵³⁵ Жамцарано Ц. Буряты и освободительное движение // Сибирские вопросы. 1907. № 7. С. 6–7.

⁵³⁶ Штернберг Л. Я. Буряты // Формы национальных движений в современных государствах. С. 623. Подобные требования Жамцарано см. в: Штернберг Л. Я. Буряты и освободительное движение. С. 6.

⁵³⁷ Штернберг Л. Я. Буряты. С. 622.

⁵³⁸ Клеменц Д. А. Пессимизм на бурятской почве. С. 8, 11, 15–16. Слезкин утверждает, что, когда в 1905 году «движение областников опять возродилось <...> вопрос об инородцах был уже фактически снят с повестки дня». Такой вывод является верным по отношению к «малым народам» Крайнего Севера, особое внимание которым Слезкин уделяет в своем исследовании. Тем не менее, как показывает случай с Клеменцем, который был активным участником возрожденного движения областников в период начиная с 1905 года, вопрос о «кочевых и оседлых» «инородцах» Сибири был одним из главных для этих российских активистов. См.: Slezkine Y. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca: Cornell University Press, 1994. P. 123.

от имени всех бурят России, конечно, имели тесные личные связи с востоковедами Санкт-Петербурга, которыми не располагали иркутские буряты⁵³⁹. Существовали, однако, и другие причины особой симпатии имперских ученых к взглядам Жамцарано. По мнению этих востоковедов, было необходимо стимулировать «национальное пробуждение», опираясь на знания о прошлом. В их работах были многочисленные ссылки на «коренные исторические и культурные традиции», которые считались до сих пор живыми и актуальными и представляли собой, по словам ученых, «живую старину». Таким образом, позиция Жамцарано, основанная (как отмечал Штернберг) на «знании прошлого», лучше отвечала ожиданиям имперских ученых в отношении того, как следует формировать «национальное самосознание», чем предложения иркутских бурят, которые были в значительной степени заняты современными реалиями.

Имперские ученые также разделяли мнение Жамцарано о роли буддизма среди бурят⁵⁴⁰. Согласно Жамцарано, буддизм предлагал им лучшую «нравственную основу». Во время своих первых полевых работ в бурятской среде, когда он занимался изучением шаманских верований и практик, он отмечал в своих письмах Ольденбургу негативное влияние шаманизма и «искусственного окрещения» на моральные устои тех бурятских общин, где влияние буддизма было слабым⁵⁴¹. Так, Жамцарано писал: «Все буряты Иркутской губернии так испились... отсюда общий упадок нравственности. Шаманская религия освещает пьянство...

⁵³⁹ Лидер иркутских бурят Михаил Богданов учился в Томске и Германии. Его биографию см.: *Rupen R. A. The Buriat Intelligentsia // The Far Eastern Quarterly. 1956. Vol. 15. No. 3. P. 386.* О контактах Жамцарано с Клеменцем см., например, их переписку 1905 года в: АВИВР РАН. Ф. 28. Оп. 2. Д. 119. Л. 1–4.

⁵⁴⁰ *Клеменц Д. А. Пессимизм на бурятской почве. С. 9–10; Штернберг Л. Я. Буряты. С. 605–606; Ольденбург С. Ф. Буддийское искусство Индии // Известия Российской Императорской Академии наук. 1901. Сер. VI. № 14. Отд. 2. С. 217.*

⁵⁴¹ ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 210. Л. 4, 6–6 об.

Шаманство действует на бурят деморализующим образом, тоже надо сказать об искусственных окрещеннях»⁵⁴².

По мнению таких имперских буддологов, как Ольденбург и Щербатской, буддизм был еще и более сложной, а следовательно, и более «прогрессивной» религией, чем шаманизм. Они также соглашались с Жамцарано, что, в отличие от христианства, буддизм был «национальной» религией бурят⁵⁴³. Если Позднеев рассматривал шаманизм как не слишком серьезное препятствие на пути к окончательной русификации и обращению в христианство и поэтому считал его более предпочтительным, чем буддизм⁵⁴⁴, либеральные ученые были против полной культурной русификации и против христианизации, поскольку, как уже было показано ранее, их проект интеграции был основан на других идеях — идеологии движения «малой родины»⁵⁴⁵.

Поддерживая Жамцарано, либеральные ученые не очень задумывались над тем, до какой степени «коренные традиции», развитию которых, как они считали, всячески способствовал Жамцарано, являлись на самом деле продуктом имперской политики и научных исследований. И хотя Штернберг признавал, что буддизм распространился особенно быстро среди забайкальских бурят благодаря политике императрицы Елизаветы в XVIII веке,

⁵⁴² ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 210. Л. 4.

⁵⁴³ Клеменц Д. А. Пессимизм на бурятской почве. С. 9–10; Штернберг Л. Я. Буряты. С. 605–606; Ольденбург С. Ф. Буддийское искусство Индии. С. 217.

⁵⁴⁴ Позднеев А. М. Отчет о поездке к терским, уральским и оренбургским калмыкам. Л. 97. См. также: отчет Позднеева в Департамент духовных дел Временного правительства // АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 2. Д. 6. Л. 94. Аналогично, Ильминский полагал, что шаманизм и язычество среди национальных меньшинств Поволжья были предпочтительнее ислама. О взглядах Ильминского см.: *Jersild A. L. Faith, Custom, and Ritual in the Borderlands: Orthodoxy, Islam, and the «Small Peoples» of the Middle Volga and the North Caucasus // The Russian Review. 2000. Vol. 59. No. 4. P. 516–517.*

⁵⁴⁵ Критику Позднеева Жамцарано см. в его переписке с Ольденбургом: ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 210. Л. 7 об.

и не оспаривал факта, что никогда в истории буддизм не был преобладающей религией иркутских бурят, тем не менее попытки распространить буддизм в этом регионе в 1905 году он характеризовал как «возвращение к старой вере»⁵⁴⁶. Ольденбург выразил аналогичное мнение о пропаганде буддизма Жамцарано как о восстановлении «национальной религии» в среде иркутских бурят⁵⁴⁷. Ученые из Санкт-Петербурга также поддерживали призыв Жамцарано создать «родную письменность» на основе алфавита Доржиева для всех бурят, хотя знание населением монгольской грамоты было ограничено Забайкальем⁵⁴⁸.

Кажется, что, несмотря на свой либерализм и даже, в случае Жамцарано, радикализм, и он, и Ольденбург представляли себе религию не как форму общения отдельного человека с богом, а как «органический атрибут коллектива», к которому человек принадлежит. Как показал Пол Верт, это традиционное представление о религии не было полностью преодолено даже в либеральном законе о веротерпимости 1905 года. Верт приводит многочисленные примеры того, как представители власти регулярно навязывали населению империи религиозные самоидентификации, часто не давая людям свободы выбора⁵⁴⁹. В нашем случае мы видим, что такое навязывание религиозных и других самоидентификаций было прерогативой не только государственных чиновников, но и видных представителей самих «инородческих» общин и таких ученых, как Ольденбург, Штернберг и Клеменц, которые видели в себе ходатаев за благо «инородцев».

Как сам Жамцарано, так и его иркутские оппоненты высказывались в пользу формирования бурятской нации

⁵⁴⁶ Штернберг Л. Я. Буряты. С. 605.

⁵⁴⁷ ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 28. Л. 23.

⁵⁴⁸ Обсуждение решающей роли британского колониализма в «идентификации и производстве индийской «традиции» см.: Dirks N. Castes of Mind. P. 9.

⁵⁴⁹ Werth P. W. The Limits of Religious Ascription: Baptized Tatars and the Revision of «Apostasy», 1840's –1905 // The Russian Review. 2000. No. 59 (October). P. 593–611.

в составе России и интеграции бурят в общероссийское культурное пространство. Однако их представления о возможном месте бурят в этом пространстве различались. В то время как лидеры иркутских бурят строили планы о том, как достичь «равноправного участия бурят» в деятельности политических институтов Российской империи, Жамцарано (под влиянием Доржиева) видел их центральную роль в обслуживании российской внешней политики. Разделяя мнение Доржиева, Жамцарано утверждал, что буряты должны выступать в роли проводников европейской культуры на Востоке⁵⁵⁰. В рамках диалога со своими бурятскими единомышленниками имперские ученые озвучивали ту же точку зрения, что и Доржиев с Жамцарано⁵⁵¹.

Жамцарано, Доржиев, Цыбиков и Барадийн⁵⁵², каждый из которых во время революции 1905 года и после нее стал активным пропагандистом национальных взглядов среди бурят, выполняли разведывательные и иные функции для царского правительства в ходе полевых работ в бурятской среде и во время своих экспедиций за границей⁵⁵³. Но при

⁵⁵⁰ *Rupen R.* The Buriat Intelligentsia. P. 385, 388, 390–393.

⁵⁵¹ *Клеменц Д. А.* Пессимизм на бурятской почве. С. 22; *Штернберг Л. Я.* Буряты. С. 623; *Ольденбург С. Ф.* Краткий предварительный отчет о командировке Банзара Барадиевича Барадийна в 1905–1907 гг. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1908. № 8. С. 17–21.

⁵⁵² Не выступая против предложенного Доржиевым монгольского шрифта, как это сделал Богданов, Барадийн тем не менее хотел создать шрифт на основе латиницы для бурятского диалекта. Барадийн стал первым бурятским ученым, предпринявшим такую попытку. См.: Буддизм и Россия // *Orient: Альманах. Исследователи Центральной Азии в судьбах России.* 1992. Вып. 1. С. 117.

⁵⁵³ В тот момент, когда Штернберг не критически повторял вслед за Жамцарано обвинения против его иркутских критиков, что они занимаются политическими доносами на возглавляемую Жамцарано оппозицию, сам Жамцарано готовился к поездке в Ургу, где он станет важной фигурой в достижении внешнеполитических целей России. См.: *Korostovets I.* Von Chinggis Khan zur Sowjet Republik. Berlin: de Gruyter, 1926. S. 158, 244. См. также: *Решетов А. М.* Наука и политика в судьбе Ц. Ж. Жамцарано // *Orient.* 1998. Вып. 2–3. С. 5–55. Факт, что Цыбиков собирал важную информацию для царского правительства во время

этом к началу XX века то, чем занимались эти буряты, осознавалось ими самими как служение бурятскому народу, который они хотели превратить в сознательную нацию. Они использовали возможности, предоставляемые имперской службой, для продвижения интересов и роста престижа бурят (так, как они это понимали) среди монгольских и буддийских сообществ мира.

Имперские ученые знали об этой стороне деятельности своих бурятских коллег⁵⁵⁴. Как Штернберг и Клеменц, находившиеся в оппозиции царскому режиму и отсидевшие срок за революционную деятельность, так и Ольденбург, являвшийся одним из лидеров Конституционно-демократической партии России, одобряли и поддерживали деятельность российских бурят, исходя не из прагматических соображений царской разведслужбы, а ссылаясь на особую миссию бурятского и русского народов.

Новые планы после 1905 года

В последние полтора десятилетия до революций 1917 года лидеры восточных и южных нацменьшинств пытались каждый по-своему сформулировать представления о своих народах как отдельных нациях. Одновременно с этим востоковеды тоже разработали взгляды и предложения, которые в 1920-х годах оказали влияние на то, как нацменьшинства восточных и южных окраин станут воспринимать себя в качестве вновь образованных наций. В самом начале XX века, особенно после 1905 года,

своей поездки в Тибет, отражен в его работе «Буддист-паломник у святынь Тибета».

⁵⁵⁴ В случае с Барадийном сбор разведывательных сведений во время его поездки в Китай в конце 1905 года отнимал у него так много времени, что ему стало трудно сочетать это со своей научной деятельностью, которая была официальной целью его путешествия. Он сообщил Ольденбургу о своем затруднительном положении и просил своего покровителя использовать имеющиеся у него связи с властями, чтобы помочь Барадийну найти более приемлемый баланс между «наукой и политикой». См.: ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 28. Л. 24 об.

российские имперские ученые, включая тех, кто, как Марр, поддерживал тесные связи с режимом, все чаще подвергали критике царскую политику на окраинах империи. Первая мировая война подтолкнула некоторых ученых, в частности Марра и Ольденбурга, к тому, чтобы усилить антиевропоцентристские заявления и критику западноевропейского империализма на Востоке⁵⁵⁵. Идеи, разработанные российскими учеными до 1917 года, порой под непосредственным влиянием их младших коллег из числа «инородцев», стали особенно актуальными во времена национального строительства среди восточных и южных нацменьшинств в первые годы большевистской власти.

Марр в данном контексте сыграл особую роль, как из-за смелого пересмотра им некоторых ключевых постулатов европейского и российского востоковедения, так и благодаря влиятельности его идей в советский период. Теории Марра вооружили представителей нацменьшинств идеями их превосходства над нациями и народностями, которые, как обычно считалось, располагались на более высокой ступени цивилизационной лестницы.

Уже на рубеже XX века этнографом Штернбергом были обнаружены элементы коммунистических отношений в жизни малых народов севера России и, таким образом, заложены основы для их восхваления в раннесоветский период как протокоммунистических⁵⁵⁶. В 1910-х годах Марр занял сходную позицию, выстроив сложную аргументацию о культурном превосходстве таких малых народов, как абхазы, над «индо-арийцами», древ-

⁵⁵⁵ Такая тенденция не являлась исключительной особенностью России. Антиевропоцентристские заявления в области ориенталистики звучали и в других европейских странах. См.: *Marchand S. Down from Olympus: Archaeology and Philhellenism in Germany, 1750–1970*. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 192; *Hagen G. German Heralds of Holy War: Orientologists and Applied Oriental Studies // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. 2004. Vol. 24. No. 2. P. 149.

⁵⁵⁶ *Grant B. In the Soviet House of Culture: A Century of Perestroikas*. Princeton: Princeton University Press, 1995. P. 53.

ними греками и современными европейцами, которые исторически господствовали над ними. Марр развил свои взгляды в обширной статье «Кавказоведение и абхазский язык», написанной по материалам лекций, прочитанных им в Сухуми для абхазской аудитории. Статья в значительной степени отражала особенности исторического периода, переживаемого Европой. Она была написана во время Первой мировой войны, бесчеловечность которой породила у некоторых европейских мыслителей крайне скептическое отношение к обычно возвеличиваемым ценностям европейской цивилизации.

В этой статье и в своих лекциях Марр утверждал, что на научных исследованиях Кавказа, которые, как ему казалось, страдают от влияния армянского и грузинского национализма и европейских предрассудков, лежит «крупный грех», так как эта область науки проявила «полное равнодушие, если не сказать более, к научной разработке исторических судеб бесписьменных народов Кавказа, коренных его обитателей»⁵⁵⁷. Марр утверждал, что фольклор малых народов являлся их литературой, которая дает еще более «драгоценный источник» для изучения «живой старины»⁵⁵⁸, «коренных» дохристианских и доисламских традиций на Кавказе, чем литература народов с развитыми письменными традициями. Последние, будучи подверженными внешним влияниям «господствующих культур» (древнегреческой, римской и современных европейских), являлись «искусственными». Так было в случае с литературой армян и грузин. По мнению Марра, наблюдение, касающееся литературы, в равной степени могло быть применено и к повседневной жизни абхазов и других нацменьшинств на Кавказе с точки зрения того, насколько

⁵⁵⁷ *Марр Н. Я.* Кавказоведение и абхазский язык // ЖМНП. 1916. № 5. С. 1–27. Переиздано в: *Он же.* Избранные работы. Т. 1. Л.: Изд-во ГАИМК, 1933. Нумерация страниц дана по изданию ГАИМК; цит. на с. 64. У Марра были давние распри с учеными-националистами Грузии. См., например: Письма Н. Я. Марра В. Р. Розену, 1898–1901 // ПФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 267. Л. 1–1 об., 16 об.

⁵⁵⁸ *Марр Н. Я.* Кавказоведение и абхазский язык. С. 59–60.

хорошо в ней сохранились «отложения прошлой жизни»⁵⁵⁹. «Живая старина», которую малочисленным меньшинствам удалось так хорошо сберечь, по словам Марра, была важна, поскольку она отражала основообразующие этапы развития цивилизации на Кавказе, который в далеком прошлом был родиной вымышленного Марром «яфетического народа». Эта цивилизация создала «древнейшую в мире культуру», из которой в конечном счете развилась «наша европейская цивилизация», утверждал Марр⁵⁶⁰.

Таким образом, малочисленные этнические группы Кавказа расценивались Марром как именно те народы, которые сохранили по сей день элементы культуры, которая дала начало развитию «европейской цивилизации». Эту великую культуру разрушили вторгшиеся на Кавказ «арийско-европейские племена», при этом извлекая для себя из нее огромную выгоду. Марр уверял своих абхазских слушателей, что его археологические изыскания, равно как и его «лингвистическая палеонтология», оснастят их самыми передовыми научными методами, чтобы в полной мере раскрыть и осознать эту «живую старину».

Умение Марра получать поддержку от местного населения в изучении так называемого «яфетического наследия» быстро принесло плоды в виде книги Петра Чарая «Об отношении абхазского языка к яфетическим», которая была опубликована в Санкт-Петербурге в 1912 году с введением, написанным Марром. Чарая идентифицировал «яфетические элементы» в абхазском языке, утверждая, что это означает, что абхазский язык древнее грузинского⁵⁶¹. Марр полагал, что абхазы и другие народы Кавказа с помощью выработанных им методов могли бы показать, что их культура оказала значительное влияние на греков

⁵⁵⁹ Марр Н. Я. Кавказоведение и абхазский язык. С. 59.

⁵⁶⁰ Там же. С. 67.

⁵⁶¹ Чарая П. Об отношении абхазского языка к яфетическим. См. также переписку Чарая с Марром в: ПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 1032, особ. л. 4–5 об.

и грузин, а не была пассивным объектом влияния последних⁵⁶². Таким образом, национальные меньшинства Кавказа не являлись народами вне истории, а имели важное значение для понимания происхождения европейской цивилизации и играли ключевую роль в ее развитии, настаивал Марр.

В типичной для себя манере, радикализируя формирующееся в то время в европейской науке антропологическое понимание культуры, Марр отверг распространенное определение «живой старины» как «пережитков прошлого» (то есть архаических практик, анахронически присутствующих в современном мире). Ставя под сомнение принятый в XIX веке взгляд на «пережитки» через призму эволюционной парадигмы, Марр вместо этого предложил воспринимать «живую старину» как имеющую законное и важное место в современном мире.

Говоря о важности догреческого, дохристианского и доисламского Кавказа, Марр настаивал на общем культурном происхождении всех народов Кавказа, несмотря на существующие языковые различия⁵⁶³. Кроме того, с первых лет XX века в своих исследованиях Марр стал отвергать широко распространенное представление о Кавказе в период Средневековья и последующие времена как о чисто христианском регионе и подчеркивать важную роль ислама, отмечая, в частности, сильное мусульманское влияние

⁵⁶² ПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Л. 60, 73. Ю. Слезкин дает подробное изложение взглядов Марра. Слезкин увязывает широкую поддержку теорий Марра в 1920-х и в начале 1930-х годов представителями меньшинств с радикальным пересмотром Марром концепций «нации», «расы» и «этнической принадлежности». См.: *Slezkine Y. N. Ia. Marr and the National Origin of Soviet Ethnogenesis // Slavic Review. 1996. Vol. 5. No. 55. P. 826–862*, в частности P. 849. На наш взгляд, как будет показано в гл. 6, популярность Марра среди представителей меньшинств на Кавказе, в Сибири и европейской части России скорее была связана не столько с его критикой господствующих определений «нации» и «этнической принадлежности», сколько с его идеями о культурном величии этих меньшинств.

⁵⁶³ В зачаточной форме эти идеи были сформулированы Марром уже в 1899 году в его речи на защите магистерской диссертации (см.: *Марр Н. Я. К вопросу о задачах арменоведения*).

на древнюю армянскую столицу Ани и на грузинского поэта XII века Шота Руставели⁵⁶⁴.

Тем не менее в своем публичном участии в делах абхазов Марр выступал в качестве политического манипулятора, хорошо чувствующего потенциальные возможности своей аргументации в обретении местной поддержки. Хотя значительная часть абхазского населения была мусульманского вероисповедания, его аудитория в Сухуми состояла из обращенных в христианство абхазов. Поэтому, адресуясь к этой аудитории, Марр рассматривал вопрос об исламе на Кавказе лишь схематично, используя стандартное для того времени определение ислама как «денационализирующей религии» в регионе⁵⁶⁵.

В первые годы после революции 1905 года Ольденбург и Щербатской, а также ученики последнего Оттон Розенберг и Борис Владимирцов, в свою очередь, активно способствовали продвижению позитивного взгляда на буддизм, в особенности на его тибетский вариант, который в то время обычно называли ламаизмом. Оспаривая понимание «ламаизма» как формы буддийского учения, искаженного «полудикими» тибетскими и монгольскими племенами (точка зрения, которая, по их мнению, превалировала в Европе), эти российские ученые представляли «ламаизм» как одно из проявлений буддизма, об-

⁵⁶⁴ *Марр Н. Я.* Кавказоведение и абхазский язык. С. 60. О восприятии Кавказа как христианского см.: *Jersild A. L.* Faith, Custom, and Ritual in the Borderlands. P. 514–515, 522. Вызывая неудовольствие некоторых армянских ученых, Марр утверждал, что древняя армянская столица Ани представляла собой место взаимодействия христианства и ислама. См.: *Платонова Н. И.* Академик Николай Яковлевич Марр и Санкт-Петербургский университет // Знаменитые универсанты. Т. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 166; В 1906 году им было высказано предположение, что величайший «национальный» поэт средневековой Грузии Шота Руставели был мусульманином. См.: *Марр Н. Я.* Мусульманские и христианские черты в поэме Руставели // ПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 183.

⁵⁶⁵ *Марр Н. Я.* Кавказоведение и абхазский язык. С. 60. Принимая участие в национальном строительстве в Азербайджане после 1917 года, Марр высказывал гораздо более смелые взгляды на роль ислама, называя его центральным элементом культуры Кавказа (см. гл. 6).

ладающее несомненной исторической и культурной ценностью⁵⁶⁶. Согласно взглядам Ольденбурга, Щербатского и их учеников (с энтузиазмом пропагандируемым также Доржиевым и Жамцарано) буддизм был полностью совместим с «европейским просвещением» и на самом деле способствовал его распространению среди приверженцев этой веры⁵⁶⁷. По словам Жамцарано:

Если бы нам (бурятам. — В. Т.) также получить полную свободу исповедовать буддизм — тем самым разрешили бы вопрос о школах и светском образовании на родном языке. Ибо ведь полезные науки должны быть изучаемы буддистом, это долг религиозный⁵⁶⁸.

Это было существенным пересмотром позиций, поддерживаемых в то время большинством российских специалистов по буддизму, видевших в этой религии препятствие на пути к интеграции «инородцев»⁵⁶⁹.

⁵⁶⁶ Буддийский взгляд на мир / Ред.-сост. Е. П. Островская, В. И. Рудой. СПб.: Андреев и сыновья, 1994. С. 429–458. См. также: *Владимирцов Б. Я.* Буддизм в Тибете и Монголии // Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей. С. 229–230.

⁵⁶⁷ *Ольденбург С. Ф.* Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму. С. 531–548. См. также: *Щербатской Ф. И.* Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. СПб.: Герольд, Ч. 1. 1903; Ч. 2. 1909; *Розенберг О. О.* Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам. Петроград: Изд. Факультета восточных языков Петроградского университета, 1916–1918; *Розенберг О. О.* О понимании восточной души // АВ ИВР РАН. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1, опубликовано в: Неизданные работы О. О. Розенберга / Под ред. Т. В. Ермаковой. М.: Восточная литература, 1990. С. 113–119. См. также: Записка об ученых трудах профессора Федора Ипполитовича Щербатского / С. Ф. Ольденбург, П. К. Коковцев, Н. Я. Марр, В. В. Бартольд // Известия Российской Академии наук. 1918. Сер. VI. Т. XII. № 16. С. 1712–1722.

⁵⁶⁸ Из письма Жамцарано Ольденбургу от 4 июня 1905 года // ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 210. Л. 18.

⁵⁶⁹ Этот взгляд на буддизм уже был сформулирован известным специалистом Василием Васильевым. См.: *Васильев В.* Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1873. С. 4–6, 10.

В свою очередь, Бартольд придерживался позитивных (по стандартам своего времени) взглядов на ислам, включая утверждение, что эта религия не является препятствием для реформ и модернизации. В его работах критиковались распространенные общественные предубеждения в отношении ислама. В отличие от Ольденбурга, Щербатского и Марра Бартольд, проводя свои исследования, не устанавливал тесных связей с представителями исламских общин Средней Азии (главный предмет его научного интереса), куда национальные идеи проникали в основном из-за границы (особенно из Османской империи)⁵⁷⁰. Активное участие Бартольда в национальном строительстве Средней Азии ограничивается только советским периодом.

Тем не менее взгляды на ислам, озвученные им еще до 1917 года, оказались востребованными в первые годы советского периода. После 1900 года Бартольд представлял свою собственную работу как часть европейского научного направления, противившегося привычке видеть Восток облаченным в «театральные костюмы» и выступавшего за отказ от христианских предубеждений против ислама⁵⁷¹. Новаторство взглядов Бартольда подробно обсуждается в другой главе этой книги, поэтому мы остановимся здесь только на его выводах, повлиявших в дальнейшем на национальное строительство в период после 1917 года. Работа Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (1900), его университетский курс «История изучения Востока в Европе и России» (1905–1911) и его доклад в Академии наук в 1914 году «Задачи русского востоковедения в Туркестане» не только восхваляли исламские общества за сохранение великих достижений греческой и римской цивилизаций во времена европейского «варварства» периода раннего Средневековья (взгляд, разделяемый многими европей-

⁵⁷⁰ *Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley: University of California Press, 1998. P. 11, 12.*

⁵⁷¹ *Бартольд В. В. Речь перед защитой диссертации. С. 607.*

скими ориенталистами тех лет), но также опровергали распространенное мнение о культуре Туркестана как находившейся в упадке с X века нашей эры⁵⁷². Также, в отличие от преобладающего тогда мнения, проявления «национального сознания» среди мусульманского населения России оценивались Бартольдом в основном положительно⁵⁷³.

Опять-таки вразрез с преобладающим мнением, Бартольд представил культурное наследие Туркестана вплоть до конца Средних веков (что было главной темой его научных изысканий) как нечто бесконечно превосходящее культуру средневековой Руси⁵⁷⁴. Выступая против точки зрения, доминирующей в российской историографии, Бартольд объяснял «отсталость» России от Европы не монгольским нашествием, но отсутствием тесного культурного взаимодействия между Русью и исламским миром⁵⁷⁵. Хотя Бартольд был уверен в современном научно-техническом превосходстве Европы над мусульманскими обществами, некоторые аргументы и эмпирические данные в его работах подрывали главное оправдание российского господства в Туркестане как примера осуществления цивилизующей миссии Европы в Азии, согласно чему «фанатизм и варварство» представлялись «неразрывно связанными с исламом»⁵⁷⁶. К 1910-м годам заявления о том, что России нечем похвастаться в плане цивилизующего влияния на Туркестан, начали артикулироваться многими, кто проводил научную работу в этом регионе. Эти критики российского империализма в Туркестане утверждали, что русские поселенцы в Средней Азии были

⁵⁷² Бартольд В. В. Задачи русского востоковедения в Туркестане. С. 529.

⁵⁷³ Там же. С. 533.

⁵⁷⁴ Бартольд В. В. От редакции <журнала «Мир ислама»>. С. 365.

⁵⁷⁵ Он же. История изучения Востока в Европе и России. С. 364; Восток и русская наука. С. 534–545.

⁵⁷⁶ Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform. P. 51.

«отсталыми», а чиновничество — коррумпированным и невежественным⁵⁷⁷.

В контексте этих научных разработок и в ответ на радикализацию этнического русского национализма после революции 1905 года российские либеральные ученые создали в целом гораздо более позитивный образ южных и восточных нацменьшинств по сравнению с тем, как они ранее изображались в русской интеллектуальной традиции. В 1860-х и 1870-х годах сибирские областники соглашались, что, «каким бы ни было будущее <...> их [иностранцев] нынешнее состояние было крайне низким»⁵⁷⁸. На рубеже XX века в российской прессе обсуждалось негативное влияние на русских поселенцев в приграничных областях того, что называлось «смешением с низшими инородческими расами»⁵⁷⁹. Кроме того, консервативные русские этнонационалисты, ставшие особенно активными после 1905 года, представляли Россию разделенной на здоровый национальный центр — земли великороссов — и периферию, населенную потенциально неблагонадежными «иностранцами», которые представляли угрозу для русского народа⁵⁸⁰.

В отличие от этого к 1910-м годам обсуждаемые здесь имперские ученые стали утверждать, что многие группы нацменьшинств, несомненно, превосходят простых русских в нравственном, духовном и интеллектуальном отношении⁵⁸¹. Ученые настаивали, что восприятие родового строя кочевников как менее развитого по сравнению с оседлой жизнью русских крестьян было обычным пред-

⁵⁷⁷ См., например: *Наливкин В. П.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент: Тип. Товарищества печатного дела, 1913. С. 72–73, 80–81.

⁵⁷⁸ *Slezkine Y.* Arctic Mirrors. P. 119.

⁵⁷⁹ *Sunderland W.* Russians into Yakuts? «Going Native» and Problems of Russian National identity in the Siberian North, the 1870's–1914 // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55. No. 4. P. 806–825.

⁵⁸⁰ *Коцюбинский Д. А.* Русский национализм в начале XX столетия. М.: РОССПЭН, 2001.

⁵⁸¹ *Штернберг Л. Я.* Иностранцы. С. 542.

рассудком⁵⁸². Востоковеды начали использовать слово «инородец» в кавычках, обозначая таким образом пагубность акцентирования данного термина на статусе чужеродности нацменьшинств в России. Как в 1910 году было отмечено Ольденбургом, отказываясь видеть в представителях этнических меньшинств полноправных граждан России, такие ультранационалистические организации, как Союз русского народа, только приближали «конец великой России»⁵⁸³.

Этот улучшенный образ восточных и южных нацменьшинств был четко сформулирован во время напряженных дискуссий востоковедов о русской идентичности, способной объединить в себе достижения восточных и западных культур. Представители восточных и южных нацменьшинств, которые стали учеными, были представлены Ольденбургом как наилучшее проявление того, что он называл «культурным объединением Россиию запада и востока на общей работе»⁵⁸⁴.

Переписка между представителями нацменьшинств и имперскими учеными свидетельствует о том, что аргументы и доказательства в пользу нравственного и духовного превосходства этнических меньшинств над русскими поселенцами и о вредном влиянии поселенцев на «инородцев» были позаимствованы имперскими учеными у своих коллег-«инородцев». Последние стали развивать

⁵⁸² Клеменц Д. А. Заметки о кочевом быте // Сибирские вопросы. 1908. № 49–52. С. 50.

⁵⁸³ Письмо С. Ф. Ольденбурга своему сыну от 2 мая 1910 года, цит. по: Каганович Б. С. Сергей Федорович Ольденбург: опыт биографии. СПб.: Феникс, 2006. С. 52. В другой работе Ольденбург отмечал, что в начале XX века и, в частности, во время Первой мировой войны слово «инородческий» приобрело отчетливо негативные коннотации в общественном дискурсе. См.: Ольденбург С. Ф. Барон Врангель и истинный национализм // Венок Врангелю от общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Пг.: Типография «Сириус», 1916. С. 93.

⁵⁸⁴ Ольденбург С. Ф. От редакции // Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. Т. 1. С. 31. (Из введения Ольденбурга к работе Цыбикова «Буддист-паломник у святынь Тибета».)

эту идею уже в своих первых отчетах о полевых работах, посылаемых их покровителям в Санкт-Петербург⁵⁸⁵. Действительно, как Жамцарано, так и Барадийн начиная с 1903 года не переставали приводить этот аргумент в своих письмах ученым Санкт-Петербурга. Эти бурятские ученые отвергали точку зрения, согласно которой социальные и медицинские проблемы в общинах «инородцев» имели место из-за «низкого уровня развития» нацменьшинств, как это часто утверждалось в российской прессе. Напротив, они настаивали на том, что рост преступности и пьянства был результатом воздействия на бурят «испорченного» «русского элемента», а также правительственной реформы родового строя бурят⁵⁸⁶.

Например, в июне 1903 года Жамцарано написал Ольденбургу письмо на 16 страницах, жалуясь на пагубное влияние реформы 1900 года, которая уничтожила институты самоуправления у бурят, основанные по Уставу об управлении инородцев Михаила Сперанского от 1822 года:

Вообще-то русское влияние носит скорее отрицательный характер не потому, что буряты стоят на низкой ступени развития, а потому, что русский элемент (поселенцы, ссыльные и пр.) испорчен... Все (буряты. — В. Т.) в один голос говорят, что когда существовали Думы, тайши и шуленги, и управлялись своим обычным правом — тогда буряты были гораздо лучше в нравственном и экономическом отношении... Если правительство имело целью благо бурят, когда упраздняло Думы и тайшей — оно достигло обратных результатов, а если и имело в виду ослабление и уничтожение бурят — достигает прекрасных результатов⁵⁸⁷.

Уже в это время Жамцарано сформулировал сильные аргументы в защиту родового строя бурят, которые Клеменц позднее использует в своих статьях на эту

⁵⁸⁵ ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 210. Л. 2 об., 3 об., 4.

⁵⁸⁶ Там же. Л. 2–4.

⁵⁸⁷ Там же. Л. 2 об. — 4 об.

тему, опубликованных в 1907 и 1908 годах⁵⁸⁸. В 1903 году Жамцарано утверждал в одном из своих писем:

Род и родовой строй... был для бурят авторитетом нравственности и оплотом от дурного влияния со стороны, как напр., – поселенцев, черкесов, цыган и пр. ...Правда, бывали случаи, когда тайши злоупотребляли властью, но не все и не везде. Как бы то ни было, они все же заботились о благе своих бурят, старались не уронить себя в глазах сородичей. Виноваты здесь единичные личности, но отнюдь не прежний порядок, не родовое начало...⁵⁸⁹

В 1907 году Жамцарано сформулировал свою защиту традиционного образа жизни бурят в печати. Клеменц написал свои статьи именно в поддержку позиции Жамцарано. Таким образом, статья А. Мергена 1916 года, отдающая должное Клеменцу за защиту прав «инородцев», неправильно описывает роли бурят и их защитников из числа имперских ученых. Говоря о первом десятилетии XX века, Мерген утверждал:

...своей национальной интеллигенции тогда у бурят еще не было: она поголовно сидела на школьных скамьях. Единичные представители «отхожей» интеллигенции оказались в рядах ведомственных реформаторов... Необходимое слово защиты инородцев веско и авторитетно было сказано Д. А. Клеменцем в его «Заметках о кочевом быте»... Не подлежит также сомнению большое значение «Заметок о кочевом быте» для самих инородцев и инородческой интеллигенции: они наметили для последней пути и вехи научно-исторической защиты интересов инородческих масс⁵⁹⁰.

⁵⁸⁸ Клеменц Д. А. Пессимизм на бурятской почве; *Он же*. Заметки о кочевом быте.

⁵⁸⁹ ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 210. Л. 4 об., 6.

⁵⁹⁰ Мерген А. Д. А. Клеменц и сибирские инородцы // ИВОРГО. 1917. № 45. С. 245, 251.

Письма Жамцарано, написанные уже в 1903 году его петербургским профессорам, дают основание сделать заключение об ином происхождении аргументов в защиту традиционного образа жизни бурят. Оказывается, что вместо того, чтобы показать «инородцам и инородческой интеллигенции», как защищать свои интересы, Клеменц на самом деле был просто горячим сторонником позиции, сформулированной ярким представителем самой «инородческой интеллигенции» еще до революции 1905 года.

Позитивный взгляд имперских востоковедов на восточные и южные нацменьшинства и активная поддержка их «национального пробуждения» шли вразрез с общепринятыми представлениями правительства и общества того времени. Начиная с 1907 года националистические настроения в русском обществе были особенно на подъеме, что сказывалось на политике царского правительства. Политические власти с недоверием относились к нацменьшинствам из-за их общественной активности во время революции 1905 года, в то время как ширящиеся этнические русские националистические движения все более открыто выступали против «чрезмерного инородческого засилья» в России, которого должен был «остерегаться русский народ». В свою очередь, политики и специалисты по «инородцам» с миссионерским прошлым видели в проявлении «национального сознания» нерусских народностей политическую угрозу Российскому государству⁵⁹¹. Хотя влияние контрдискурса либеральных востоковедов и было ограничено в последние годы имперского периода, оно, как мы увидим далее, стало весомым после Февральской революции 1917 года.

Последним, но не менее важным являлось то, что годы, предшествовавшие революции 1917 года, стали временем активизации кампаний востоковедов в духе движения «малой родины», ратующего за сохранение исторических

⁵⁹¹ *Campbell E.* The Muslim Question in Late Imperial Russia // *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930.* P. 331.

памятников на местах их обнаружения, создание местных музеев, а также учреждение высших учебных заведений и научных институтов на восточных и южных рубежах империи⁵⁹². Эти кампании активизировались после того, как события 1905 года заставили ученых поверить в возможность участия достаточно широких слоев местного населения в такого рода деятельности⁵⁹³. Как уже отмечалось ранее, в период после революции 1905 года и особенно во время Первой мировой войны такие ученые, как Ольденбург и Марр, все с большей убежденностью настаивали на том, что их подход к изучению иностранных культур демонстрировал большее уважение к потребностям местных народов и «туземным» знаниям, чем работы их западноевропейских коллег⁵⁹⁴.

Несомненно, эти ученые сильно преувеличивали разницу между российским и западноевропейским востоковедением. И тем не менее их утверждения не были совершенно беспочвенны. Например, российские ученые были осведомлены о вкладе своих немецких коллег в развитие политики их правительства на западных окраинах Российской империи, оккупированных Германией во время войны⁵⁹⁵. Для того чтобы ослабить влияние Российской империи, немецкая политика была нацелена на усиление национального самосознания ли-

⁵⁹² *Tolz V. Orientalism, Nationalism and Ethnic Diversity in Late Imperial Russia // The Historical Journal. 2005. Vol. 48. No. 1. P. 137–140, 144–145.*

⁵⁹³ *Ольденбург С. Ф. // ЖМНП. 1902. Вып. 340. № 3/4. С. 47–51. См. также статьи В. В. Бартольда в: Туркестанские ведомости. 1902. № 33. С. 9; 1906. № 165. С. 10.*

⁵⁹⁴ *Марр Н. Я. Кавказский культурный мир и Армения // ЖМНП. 57 / 6. 1915. С. 327; Ольденбург С. Ф. Экспедиция Д. А. Клеменца в Турфан в 1898 // Известия ВСОИРГО. 1917. № 45. С. 111. Во время войны немецкие ученые сходным образом критиковали связь политики на Востоке и науки стран Антанты, включая Россию. См.: *Marchand S. Down from Olympus. P. 192; Hagen G. German Heralds of Holy War: Orientologists and Applied Oriental Studies // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. 2004. Vol. 24. No. 2. P. 149.**

⁵⁹⁵ ПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 30. Л. 38.

товцев, белорусов и других народов в регионе, который воспринимался немцами как их собственный Восток. Обоснование поддерживаемых немцами проектов имело определенное сходство с идеологией «малой родины», которую российские востоковеды пропагандировали по отношению к «собственному Востоку России» с начала XX века. Тем не менее в случае с политикой Германии во время войны культура и уровень развития различных национальностей на оккупированных немцами территориях систематически изображались как во всем уступающие немецким — как в настоящем, так и в прошлом⁵⁹⁶. Последователи Розена не делали подобных заявлений о полной отсталости народов «собственного Востока России». Это различие между отношением немецких ученых к сообществам, которые воспринимались ими как «восточные», и отношением последователей Розена к народам Востока России придает определенную силу аргументам Ольденбурга и Марра.

Заключение

В России, как и в других европейских империях, востоковедение сыграло важную роль в том, как представители колоний стали воображать свои сообщества в национальных категориях. С начала XX века востоковедческие исследования систематически использовались лидерами различных этнических меньшинств для формирования национальных идеологий. Имперские востоковеды не только производили знание, которое могло использоваться в целях национального строительства на имперских окраинах, но и сознательно стали поощрять появление национально ориентированной интеллигенции

⁵⁹⁶ *Liulevicius V. G. War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity and German Occupation in World War I. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 113–131; Roshwald A. Ethnic Nationalism and the Fall of Empires: Central Europe, Russia and the Middle East, 1914–1923. London: Routledge, 2001. P. 119.*

среди определенных нацменьшинств по меньшей мере лет за двадцать до того, как большевистское правительство инициировало свой огромный проект национального строительства.

Обсуждаемые здесь востоковеды не в одиночку выработывали свои представления о восточных и южных нацменьшинствах Российской империи как нациях. Равно как и представители этих сообществ не являлись пассивными потребителями идей, навязываемых им имперской элитой. Поскольку специфические условия Южной Азии столь сильно повлияли на формирование научного понимания этого вопроса, многие современные ученые делают вывод, что в условиях неравенства между колонизаторами и колонизированными народами они никак не могли являться подлинными партнерами в производстве знания⁵⁹⁷.

Пример России дает возможность внесения коррективов в это превалирующее мнение. Готовность некоторых имперских российских ученых отказаться от доминирующего подхода европейской ориенталистики — изучения культуры по большей части посредством филологической интерпретации текстов — со временем привела к развитию определенного паритета между имперскими учеными и их «туземными» партнерами, что было редким явлением в условиях Европы того времени. Вскоре после того, как представители окраин Российской империи в начале XX века начали учиться у имперских ученых и помогать им в проведении исследований, они сами стали оказывать существенное влияние на представления имперских ученых, и это влияние *с готовностью признавалось*. Отходя от стратифицированного разделения труда между имперскими экспертами и «туземцами», либеральные российские востоковеды поощряли идею научного полноправия своих коллег из групп национальных меньшинств и помогали им публиковаться под собственными именами

⁵⁹⁷ *Dirks N. Colonial Histories and Native Informants: Biography of an Archive.* P. 279–313.

в престижных академических изданиях. Помимо этого, в некоторых областях российские ученые в конечном итоге стали выступать прямыми проводниками интересов этих представителей нацменьшинств. Это было особенно ясно видно в отношении выработки идей, касающихся религиозных практик того времени и политических событий на восточных и южных окраинах России в 1905 году. Такие ученые, как Ольденбург и Щербатской, с гордостью описывали новые научные подходы, которые они вырабатывали как гибридную систему «западной» и «восточной» научных традиций. Как будет показано в следующей главе, это тесное сотрудничество между имперскими учеными и представителями восточных и южных нацменьшинств продолжилось (а в некоторых случаях и усилилось) в 1920-х годах.

Глава 6

КАК НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА ВООБРАЖАЛИСЬ НАЦИЯМИ В 1920-Х ГОДАХ

Наиболее влиятельные работы по национальной политике советского периода особенно подчеркивают политическое новаторство большевиков и ключевую роль советского режима в формировании национальной идентичности среди народов и этнических групп (бывшей) Российской империи. Такой анализ, являясь продуктивным во многих отношениях, недооценивает, в какой степени политика идентичности после октября 1917 года развивала позиции и предложения представителей русских и нерусских элит Российской империи об этнической принадлежности и национальности, сформулированные в последние десятилетия царского режима⁵⁹⁸. В связи с этим некоторые ученые недавно вновь поставили вопрос о том, в какой же все-таки степени организация государственного управления мультиэтничностью в советский период порывала с дореволюционными подходами. Например, Адиб Халид решительно настаивает, что большевистская политика не может быть понята без знания дискурсов национальной принадлежности, артикулиро-

⁵⁹⁸ *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001; *Suny R. G.* The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford: Stanford University Press, 1993; *Idem.* The Empire Strikes Out: Imperial Russia, «National» Identity, and Theories of Empire // A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / R. Suny, T. Martin, eds. New York: Oxford University Press, 2001. P. 23–66; *Smith J.* The Bolsheviks and the National Question, 1917–1923. Basingstoke: Macmillan, 1999.

ванных в конце имперского периода. Примечательно, что Халид иллюстрирует свой тезис примером Средней Азии, где процесс национального строительства особенно прочно ассоциируется в существующей историографии с советским периодом⁵⁹⁹.

Признание значения этой исторической преемственности, под влиянием которой советские лидеры вырабатывали собственное понимание того, как управлять унаследованным ими мультиэтническим государством, не умаляет новизны советского эксперимента и не предполагает возвращения к восприятию Советского Союза как режима, лишь подавлявшего «национальное пробуждение» нерусских народов империи, которое началось еще в позднеимперский период. Напротив, надлежащая оценка сложной динамики политики этнической и национальной идентичности периода конца империи помогает нам лучше понять логику, лежащую в основе необычной стратегии большевистского правительства, равно как и местных форм национального строительства в условиях относительной децентрализации 1920-х годов.

Данная глава является вкладом в немногочисленный корпус научных исследований, центром внимания

⁵⁹⁹ *Khalid A.* The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley: University of California Press, 1998; *Idem.* Nationalizing the Revolution in Central Asia: The Transformation of Jadidism, 1917–1920 // A State of Nations. P. 145–162; *Idem.* Backwardness and the Quest for Civilization: Early Soviet Central Asia in Comparative Perspective // Slavic Review. 2006. Vol. 65. No. 2. P. 231–251. См. также: *Cadiot J.* Le laboratoire imperial: Russie-URSS, 1860–1940. Paris: CNRS, 2007; *Steinwedel Ch.* To Make a Difference: the Category of Ethnicity in Late Imperial Russian Politics, 1861–1917 // Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices / D. Hoffman, Y. Kotsonis, eds. Basingstoke: Macmillan, 2000. P. 70, 81; *Jersild A. L.* Faith, Custom, and Ritual in the Borderlands: Orthodoxy, Islam, and the «Small Peoples» of the Middle Volga and the North Caucasus // The Russian Review. 2000. Vol. 59. No. 4. P. 512–529; *Kreindler I.* A Neglected Source of Lenin's Nationalities Policy // Slavic Review. 1977. Vol. 36. No. 1. P. 86–100. Краткий обзор развития представления о национальном вопросе среди главных лидеров большевиков и таких имперских ученых, как Сергей Ольденбург, см.: *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2005. P. 21–61.

которых является то, как дореволюционные дискурсы национальной идентичности и модерна — в особенности те, что были разработаны критиками царской политики как в имперском центре (в нашем случае имперскими востоковедами), так и на периферии (представителями «инородческой интеллигенции»), — оказывали весомое влияние на раннее советское понимание национального вопроса. В частности, нами исследуется дореволюционное происхождение таких элементов субгосударственного национального строительства в 1920-х годах, как формирование у восточных и южных нацменьшинств новой национальной идентичности путем активной пропаганды древнего наследия этих народов, а также трактовка их религиозных традиций (особенно буддизма и ислама) как неотъемлемой части их национальной идентичности⁶⁰⁰.

Франсин Хирш дает подробный анализ того, какую роль сыграли имперские ученые в создании СССР, и отмечает вклад нерусских местных элит в формирование советского принципа федеративного деления по этническому признаку. В ее изложении эти ученые и местные лидеры изображены как представители двух не связанных друг с другом групп, и Хирш не исследует природу их отношений. Хотя она отмечает, что ученые помогали советской власти «сформулировать уникальный подход к трансформации населения», ее примеры по большей части сводятся к предоставлению учеными большевистскому правительству эмпирических данных о том, какие кланы и племена «в конечном итоге объединятся и образуют новые национальности»⁶⁰¹. В свою очередь, местная элита, как отмечает Хирш, «ухватилась за национальную идею как за средство продвижения интересов своих конкретных

⁶⁰⁰ Смит (*Smith J.* *The Bolsheviks and the National Question*. P. 169–171) отмечает, что политика большевиков способствовала «укреплению исторических корней» в национальных республиках и автономиях. Он также упоминает о более терпимом отношении к исламу и буддизму, чем к православию в первые годы советской власти. Тем не менее Смит не обоснуждает ни причин такой политики, ни ее происхождения.

⁶⁰¹ *Hirsch F.* *Empire of Nations*. P. 7–8.

сообществ или групп поддержки»⁶⁰². Хирш делает вывод, что все три группы акторов имели похожие краткосрочные цели, и, помимо этого, определяет принципиальные различия между ними, которые она сводит к разному отношению к марксизму-ленинизму и к идее построения социалистического государства⁶⁰³. Действительно, многие имперские ученые, а также представители местных элит (в особенности те, кто возглавлял в первые послереволюционные годы местные комиссариаты народного просвещения) были часто критически настроены по отношению к большевикам⁶⁰⁴.

В данной главе излагается несколько иной взгляд на взаимоотношения между этими тремя группами, участвующими в проекте советского национального строительства. Особое внимание в ней уделено тому, как (бывшие) имперские ученые и местные лидеры часто выступали совместно в своем стремлении реализовать некоторые местные проекты, заручившись поддержкой нового правительства. Хотя многие проекты зачастую представлялись напрямую связанными с формированием новой постреволюционной реальности, в действительности некоторые из них возникли еще в царское время. Чтобы прояснить механизмы формирования наций и национальностей в первые годы советской власти, особое внимание в данной главе уделено связям, налаженным между имперскими учеными и лидерами местных сообществ в последние предреволюционные десятилетия. Эти связи только укрепились после 1917 года, поскольку падение царского режима наделило обе стороны беспрецедентным, хотя и кратковременным политическим влиянием.

После Февральской революции по предложению Ольденбурга под эгидой Академии наук была создана

⁶⁰² Hirsch F. Empire of Nations. P. 10.

⁶⁰³ Ibid. P. 12.

⁶⁰⁴ К 1920 году отношение обеих групп к большевистской национальной политике стало достаточно благожелательным. См., например: Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 4. М.: Наука, 1966. С. 260.

комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС). В 1920-х годах, по словам Хирш, КИПС де-факто функционировала как «этнографическое бюро» советского режима⁶⁰⁵. В свою очередь, после падения царского правительства и установления советской власти бывшие научные ассистенты имперских ученых с восточных и южных окраин заняли высокие политические посты в новосозданных политических структурах на местах.

В Бурятии Банзар Барадийн в 1923–1924 годах занимал пост комиссара народного просвещения, Гомбожаб Цыбиков был назначен ответственным за внедрение системы массового начального и среднего образования, Цыбен Жамцарано работал в Народном комиссариате просвещения в Бурятии и являлся ключевой фигурой в создании Монгольской народно-революционной партии, продолжая таким образом осуществление своих до-революционных притязаний на достижение ведущего положения бурят среди монголов⁶⁰⁶. Агван Доржиев продолжал проведение кампании в поддержку своего видения общемонгольского буддийского государства, установив тесные связи с Народным комиссариатом иностранных дел, глава которого Георгий Чичерин верил в возможность использования Доржиева и группы бурят из его окружения для оказания поддержки антиколониальным движениям на Востоке⁶⁰⁷. В целом большевики склонялись к тому, чтобы согласиться со взглядами Доржиева, Жамцарано и российских имперских ученых на бурят как на «ключ к Востоку», считая, что они сумеют повлиять на своих единоверцев в других частях Азии благоприятным для Советской России образом⁶⁰⁸.

⁶⁰⁵ *Hirsch F.* Empire of Nations. P. 108–123.

⁶⁰⁶ *Калинников А.* У истоков монгольской революции // Хозяйство Монголии. 1928. № 3 (10). С. 65–68.

⁶⁰⁷ *Андреев А. И.* Храм Будды в Северной столице. С. 96–99.

⁶⁰⁸ Более подробно см.: *Montgomery R. W.* Late Tsarist and Early Soviet Nationality and Cultural Policy: The Buriats and Their Language. Lampeter: Edwin Mellen, 2005. P. 193.

С 1921 года в Абхазии помощники Марра из Бзыбского комитета общества распространения просвещения среди абхазов также занимали ключевые позиции в местных органах власти и вновь созданных научных и образовательных учреждениях. Андрей Чочуа и Самсон Чанба возглавляли Наркомпрос Абхазии, а Дармит Гулиа стал ведущим республиканским ученым и писателем.

В Средней Азии, которая также будет рассмотрена в данной главе, представителями интеллигенции, готовыми говорить на языке современного национализма, в последние десятилетия царского режима стали джадиды. Как показывает Халид, для джадидов в Туркестане основным источником романтических национальных дискурсов являлись волжские татары и представители интеллектуальных кругов Османской империи⁶⁰⁹. Бартольд, который консультировал правительства в Петрограде и Москве и местную политическую элиту по различным культурным проектам после 1917 года в Средней Азии, в дореволюционный период имел близкие связи в Туркестане только с членами местного Клуба любителей археологии, которые были в основном русские⁶¹⁰. Однако, как мы увидим далее, бывшие имперские ученые и джадиды, которых было много в новых органах правительства, созданных советской властью в Туркестане, вступили в советский период, разделяя ряд общих установок, и совместно придерживались их в течение 1920-х годов⁶¹¹.

Особое значение для нас имеют попытки, предпринятые в 1920-х годах бывшими имперскими учеными и их

⁶⁰⁹ *Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform*. P. 11–12.

⁶¹⁰ Протоколы заседаний постоянной Туркестанской комиссии, 1921–1924 // ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 444. Л. 20 включают выступление Бартольда на собрании по обсуждению пятилетнего плана проведения археологических работ в Туркестане (март 1924).

⁶¹¹ Цит. по: *Khalid A. Nationalizing the Revolution in Central Asia*. P. 149. Халид лишь мимоходом упоминает о влиянии европейской ориенталистики на джадидов и не раскрывает взаимосвязи между взглядами джадидов и европейских и российских ориенталистов. См.: *Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform*. P. 110.

коллегами из бывших колониальных окраин, воплотить в жизнь общие идеи и отдельные проекты, разработанные на рубеже XX столетия в русле идеологии «малой родины». Участие ученых в таких проектах активизировалось в период после революции 1905 года и еще более усилилось при Временном правительстве. И имперские ученые, и их местные единомышленники были уверены в совместимости буддизма и ислама с модернизацией и прогрессом. В 1920-х годах большевистское правительство вынуждено было терпимо относиться к подобным взглядам.

Кроме того, имперские ученые, как и их местные коллеги, негативно относились к русским поселенцам на восточных и южных окраинах и критиковали политику царского правительства, направленную на их поддержку в ущерб интересам «инородческих» общин. Примечательно, что в первые годы советской власти большевистское руководство в Москве было склонно принимать сторону нацменьшинств в их конфликтах с русскими переселенцами, что было связано с резко негативным взглядом на этих поселенцев представителей местных национальных элит и российских либеральных критиков царской политики в последние годы старого режима⁶¹².

В последнее десятилетие имперского периода Марр пытался привлечь внимание своих коллег-ученых и членов царского правительства к значимости национальных меньшинств, не имеющих своей устоявшейся письменной традиции. По его мнению, эти группы сохранили рудименты великих цивилизаций прошлого и нуждались в поддержке доминирующих имперских наций, исторически эксплуатировавших их и причинявших им ущерб. Марр относился к фольклору этих нацменьшинств как к их «литературе» и представлял такие устные сказания более аутентичными и более значимыми, чем литературные произведения народов Кавказа с древними литературными

⁶¹² *Khalid A. Nationalizing the Revolution in Central Asia. P. 147.* См. также: *Генис В. Л. Депортация русских из Туркестана в 1921 году // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 44–58.*

традициями на родном языке⁶¹³. Начиная с 1860 года имперские ученые создавали алфавиты для языков «бесписьменных» народов империи, и еще до революции ими начал собираться устный фольклор⁶¹⁴.

Как известно, в 1920-х годах большевистское правительство при поддержке в основном бывших имперских ученых и представителей местных национальных элит приступило к осуществлению грандиозного проекта создания письменности на родных языках многочисленных национальностей СССР⁶¹⁵. В ходе этой кампании по созданию алфавитов советская пресса представляла в ложном свете усилия, предпринятые в этом направлении в дореволюционный период, характеризуя их как главным образом работу православных миссионеров, составлявших алфавиты с единственной целью научить представителей нацменьшинств читать Библию⁶¹⁶. В действительности ведущую роль в этих дореволюционных проектах играли, как правило, представители академических кругов, а не миссионеры. При этом они порой открыто поддерживали проекты национального строительства среди нацменьшинств. Доводы Марра о том, что фольклор бесписьменных народов следует рассматривать как «литературу», были заложены в основу советской политики создания для целого ряда народов Советского Союза национальной литературы из их фольклорных традиций⁶¹⁷. В 1920-х

⁶¹³ *Марр Н. Я.* Кавказоведение и абхазский язык // ЖМНП. 1916. № 5. С. 1–27, переиздано в: *Он же.* Избранные работы. Т. 1. Л.: Изд-во ГАИМК, 1933. Соответствующий отрывок на с. 59–60 нового издания ГАИМК.

⁶¹⁴ *Tolz V.* Orientalism, Nationalism, and Ethnic Diversity in Late Imperial Russia // *The Historical Journal.* 2005. Vol. 48. No. 1. P. 141–143. См. также обсуждение данного вопроса в гл. 1.

⁶¹⁵ *Алматов В. М.* 150 языков и политика: 1917–2000. М.: Институт востоковедения РАН, 2000; *Smith M.* Language and Power in the Creation of the USSR, 1917–1953. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998.

⁶¹⁶ *Martin T.* The Affirmative Action Empire. P. 185.

⁶¹⁷ Джамбул Джабаев. Приключения казахского акына в Советском Союзе: Сб. статей и материалов / Под. ред. К. Богданова, Ю. Мурасова, Р. Николоси. М.: Новое литературное обозрение (В печати). Описывает

годах экспедиции по собиранию фольклора приобрели поддержку на государственном уровне в масштабах, невиданных ранее ни в России, ни в Европе⁶¹⁸.

Имперские ученые полагали, что различные проекты, вдохновленные идеологией «малой родины», могут способствовать развитию «национального самосознания» как у русских, так и у нерусских народов. Типовые проекты включали в себя создание местных музеев, библиотек и охрану исторических памятников. Примечательно, что «иконоклазм» русских революций 1917 года как при Временном правительстве, так и при большевиках иногда парадоксальным образом сопровождался кампаниями по защите исторических памятников, «необходимостью держаться традиций». В конечном итоге, как показал Ричард Стайтс, традиционалисты одержали победу в культурной войне против иконоборцев⁶¹⁹.

Необходимо понимать, что на деле одни и те же люди могли являться как иконоборцами, так и традиционалистами. Востоковеды и их бывшие «туземные» коллеги были убежденными защитниками идеи сохранения исторических памятников, но и на них оказывали сильное влияние экспериментальные и утопические революционные порывы. Еще до революции обе группы начали призывать к вовлечению «широких масс» в движение «малой родины». Подход большевиков к массовой мобилизации создал такую среду, где настоятельные призывы бывших имперских ученых и местных лидеров к вовлечению «широких масс» в местные проекты национального строительства стали восприниматься как политически корректные и в высшей степени актуальные.

процесс создания «национальной литературы» для казахов на основании местных устных народных традиций, но не рассматривает истоков происхождения советского подхода.

⁶¹⁸ Комиссия экспедиционных исследований, 1921–1932 // ПФ АРАН. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1201.

⁶¹⁹ Stites R. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York: Oxford University Press, 1989. P. 76–78.

Тем не менее в идеях национального строительства и проектах, разработанных имперскими учеными и представителями местных национальных элит, были элементы, противоречившие долгосрочным целям большевистского правительства. Во-первых, явно противореча политике Советского государства, бывшие имперские ученые и их местные коллеги, получившие контроль над сферой просвещения и культуры во вновь образованных автономиях, имели позитивный взгляд на религию и отводили ей важную долгосрочную роль в национальном строительстве. Во-вторых, имперские ученые и их единомышленники из местных элит подчеркивали определяющую роль «древнего наследия» для современного национального самоопределения, предлагая для этого способы его популяризации, отличавшиеся и значительно превосходившие по масштабам то, что считало целесообразным большевистское руководство в Москве.

Например, в 1930 году, когда правительство мобилизовало ученых на борьбу с «пережитками прошлого», находившими свое отражение в «устаревших обычаях и традициях»⁶²⁰, Марр, являвшийся на первый взгляд лидером этой борьбы, на самом деле был весьма обеспокоен этой кампанией. Обсуждая с местными лидерами в Удмуртии «пережитки», сохранившиеся в их автономии, Марр так и не смог заставить себя сказать, что их необходимо искоренить (как того требовало политическое руководство в Москве); ведь еще совсем недавно он так рьяно настаивал, что эти «пережитки» являлись признаками цивилизационного величия. По сути, большевистская трактовка «пережитков» с точки зрения эволюционной парадигмы XIX века, видевшей в них анахроничные остатки прошлого, столкнулась с принципиально ревизионистской точкой зрения Марра на «пережитки» прошлого как легитимную часть современности⁶²¹. Таким образом Марр предложил своей аудитории

⁶²⁰ Описание этой кампании см.: *Hirsch F. Empire of Nations. P. 246–258.*

⁶²¹ Отношение Марра к «пережиткам» можно сравнить с подходом, предложенным учеными из Subaltern Studies Group (Группы исследований угнетения). См.: *Chakrabarty D. Provincializing Europe: Postcolonial*

в Удмуртии идею, что негативное влияние «пережитков» может быть преодолено не посредством их искоренения, а путем их научного исследования с помощью разработанной им самим яфетической теории⁶²². Этот случай с Марром иллюстрирует различия в подходах бывших имперских ученых и большевиков, что повлияло на расхождение их путей в конце первого десятилетия советской власти больше, чем отношение этих ученых к марксизму и социализму.

Модели участия имперских ученых в проектах национального строительства и их взаимодействия с местными элитами варьировались в зависимости от региона. Рассмотрим три случая, обращая внимание на то, как события последних десятилетий имперского периода повлияли на динамику национального строительства в этих районах в первое советское десятилетие. Первый случай, касающийся бурятов, являет собой пример очень близких взаимоотношений, возникших в начале XX века между имперскими учеными и бурятами, после 1917 года назначенными на руководящие посты в созданной коммунистической властью Бурят-монгольской автономной советской социалистической республике. В данном случае обе эти группы объединяла общая вера в определяющую роль буддизма при формировании «национального самосознания» у всех бурят России, независимо от их нынешней религиозной принадлежности.

Во втором случае многонационального и многоконфессионального Кавказа Марром еще до революций 1917 года были налажены особенно тесные связи с абхазами. Марр снабдил абхазов своей теорией об их культурном величии, которое парадоксальным образом было связано с отсутствием устойчивой традиции грамотности на родном языке, а в 1920-х годах продолжал пропагандировать важность

Thought and Historical Difference. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 13.

⁶²² *Марр Н. Я.* Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык // *Марр Н. Я.* Избранные работы. Т. 1. Л.: ГАИМК, 1933. С. 272–284, особ. С. 284. См. также: *Марр Н. Я.* Яфетический Кавказ и третий этнический элемент // Там же. С. 94–96.

фольклора как ключевого элемента культурного наследия абхазов. После 1917 года Марр также был привлечен к участию в проекте формирования азербайджанской нации; этот проект позволил ему пропагандировать некоторые аспекты своих теорий об исторических событиях на Кавказе, которые не вызвали бы особого восторга у его абхазских коллег. Отношение Марра к национальному строительству среди мусульман Кавказа основывалось прежде всего на его понимании роли ислама в этом регионе в целом.

В третьем случае — Средней Азии — главным представителем школы Розена, который консультировал советское правительство по различным аспектам национального размежевания, был Бартольд. До революции Бартольд не имел особенно тесных контактов ни с кем из местных деятелей, включая тех, кто использовал язык национализма, — с джадидами. Тем не менее нет никаких сомнений в том, что джадиды были знакомы с работами российских востоковедов об исламе и Средней Азии и что эти работы оказали влияние на их восприятие русского Туркестана, так как Бартольд и другие востоковеды регулярно сотрудничали с одной из первых тюркоязычных газет Российской империи — «Туркестанские ведомости», основанной в 1871 году, где публиковали свои статьи и туркестанские джадиды. В свою очередь, позитивное представление Бартольдом ислама и его совместимости с модернизацией и прогрессом, его восхваление древнего прошлого Средней Азии, его заявления о превосходстве культуры этого региона над культурой Древней Руси, а также приверженность идее сохранения памятников исламской истории и искусства придали особую форму некоторым аспектам национального строительства в этом регионе в 1920-х годах.

Буряты

После падения царизма в феврале 1917 года концепции «бурятской нации» продолжали формироваться под сильным влиянием смелых идей Доржиева и Жамцарано,

а также ревизионистского подхода к изучению буддизма школы Щербатского. Обе группы считали, что буддизм является неотъемлемой частью «национальной культуры бурят» и что буряты-буддисты могут служить примером успешного объединения в рамках общероссийской государственности «западных» и «восточных» духовных и интеллектуальных традиций⁶²³.

В марте 1917 года Временное правительство создало Комиссию по пересмотру законодательства о буддистах в России. Ольденбург, который в июле – августе 1917 года был министром просвещения Временного правительства, являлся членом комиссии, равно как Доржиев и Барадийн. Либерально настроенная комиссия отметила, что буддизм занимал «высокую ступень в сфере социального развития», и оказала безоговорочную поддержку требованию бурятских представителей снять все ограничения с исповедования буддизма⁶²⁴. Комиссия ответила на озабоченность, выраженную сторонними критиками по поводу того, что свобода исповедования буддизма снизит влияние православной церкви в Восточной Сибири, заявлением, что церковь должна научиться действовать более эффективно, чтобы сохранить свой авторитет среди населения⁶²⁵.

Комиссия также предложила изъять из официального законодательства термин «ламаизм» как определение разновидности буддизма, практиковавшей нацменьшинствами Российской империи, и использовать вместо него термин «буддизм»⁶²⁶. Школа Щербатского уже давно критиковала использование термина «ламаизм»,

⁶²³ Протоколы 3-го Буддийского Духовного Совета Бурятии, 21–24 августа 1928 года // АВ ИВР РАН. Разряд II. Оп. 1. Д. 373. Л. 29–30; Герасимова К. М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917–1930). Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1964. С. 71.

⁶²⁴ Герасимова К. М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства. С. 24–26.

⁶²⁵ Там же. С. 27.

⁶²⁶ Там же. С. 24.

предложенного британскими специалистами-буддологами в конце XIX века и сохранившегося в обороте западной науки вплоть до второй половины XX столетия, так как подобное толкование подразумевало, что тибетский буддизм представляет собой искаженную форму исконной индийской религии⁶²⁷. Несмотря на то что критика Щербатского использовала чисто научные аргументы, факт, что данный термин в какой-то степени порочил формы буддизма, практикуемые подданными Российской империи, вероятно, сыграл свою роль⁶²⁸.

В рамках работы комиссии Доржиев изложил ряд предложений о том, как модернизировать буддизм и реформировать образ жизни буддийских лам. Для реализации своих предложений Доржиев основал новый Хандагатайский дацан, который должен был действовать в соответствии с его реформистской программой модернизации⁶²⁹. Эта программа основывалась на точке зрения, разделяемой Доржиевым, Барадийном и Жамцарано, с одной стороны, и имперскими учеными, с другой; она настаивала на совместимости буддизма с современностью и плодотворности синтеза буддистской учености с европейской наукой.

Парадоксальным образом в первые годы после большевистского переворота появились новые возможности для реализации этой программы. Отсутствие знания местных условий, традиций и языков коммунистическим руководством в Москве и малочисленность кадров, которым большевики могли доверить власть на периферии бывшей империи, вынудили новое правительство

⁶²⁷ О происхождении термина «ламаизм» см.: *Imagining Tibet: Perceptions, Projections and Fantasies* / T. Dodin, H. Rather, eds. Somerville, MA: Wisdom Publications, 2001. P. 394.

⁶²⁸ Термин «ламаизм» был «реабилитирован» в советский период и в настоящее время продолжает широко применяться российскими буддологами.

⁶²⁹ *Терентьев А. А. Буддийская церковь в 1917–1942* [Электронный ресурс] // Буддизм России [сайт]. М., 2004. URL: <http://buddhismofrussia.ru/HTML/br3Bud1917-1942.php> (дата обращения 20.08.2012).

временно сотрудничать с людьми, чьи цели и представления о том, как подойти к вопросу о формировании новых советских наций, не совпадали с позицией коммунистической власти.

В 1923 году, во время создания в составе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) Бурят-монгольской автономной ССР, большая часть ее новых лидеров рассматривала буддизм как свою «национальную религию», положительно оценивала роль дацанов и воспринимала лам как часть зарождающейся бурятской интеллигенции⁶³⁰. Предполагалось, что бурятский литературный язык будет основываться на диалекте халха с использованием алфавита Доржиева⁶³¹.

Согласно анализу состояния восточносибирских «туземцев», проведенному в 1923 году для местного отделения Географического общества одним из авторов-бурятов, наиболее влиятельные на тот момент представления о бурятской нации были в полном соответствии с тем, о чем с 1905 года говорила группа, возглавляемая Жамцарано⁶³². Автор утверждал, что предубеждение, согласно которому «туземцы» «были погружены в умственную и нравственную спячку и были лишены творческих сил», было искоренено уже в конце имперского периода совместными усилиями имперских ученых и их местных коллег, таких как Барадийн и Жамцарано. В соответствии со сформулированными в последние годы старого режима представлениями либеральных русских мыслителей и их единомышленников на местах, автор описал «туземцев» Сибири как имеющих « [п]риемы воспитания, отношение к детям часто гораздо выше и культурнее, чем у русских. <...> То же и в отношении к женщине, в отношениях соседства,

⁶³⁰ Козьмин Н. Н. Туземная интеллигенция Сибири // Сибирская живая старина. 1923. № 1. С. 72–89, 75–78.

⁶³¹ Там же. С. 87; Отчет IV Пленума Всес. Цент. Ком. Нового Алфавита, происходившего в городе Алма-Ата. С.1., 1931. С. 34–35. См. также: *Montgomery R. W. The Late Tsarist and Early Soviet Nationality and Cultural Policy.* P. 238–253.

⁶³² Козьмин Н. Н. Туземная интеллигенция Сибири. С. 84–87.

дружбы и вражды»⁶³³, то есть в тех ключевых параметрах, в соответствии с которыми оценивались уровни цивилизационного развития разных сообществ в этнографических исследованиях.

В сфере идеологии самым мощным движением среди бурят в 1920-х годах было обновленческое движение буддизма. Это движение развивало идеи о путях реформирования и модернизации буддизма, впервые разработанные в 1905 году такими бурятскими лидерами, как Доржиев, Барадийн и Жамцарано, и затем вынесенные на обсуждение вышеупомянутой комиссии при Временном правительстве. Доржиев, Барадийн и Жамцарано стали главными идеологами движения. С одной стороны, движение было попыткой бурят-буддистов приспособиться к новым советским реалиям⁶³⁴. Начиная с первого Духовного конгресса буддистов, проведенного в октябре 1922 года в Бурятии, идеологи буддистского обновленчества начали настаивать, что буддизм является «атеистической религией», основанной на принципах коммунистической коммуны и полностью совместимой с идеями марксизма и целями Советского государства⁶³⁵. С другой стороны, динамика движения и аргументация, выдвигаемая его лидерами, являлись отражением борьбы между различными реформистскими и «традиционалистскими» группировками бурятских буддистов — борьбы, развернувшейся в 1905 году и значительно обострившейся в ходе революций 1917 года. Помимо этого, идеология движения, очевидно, формировалась как результат взаимоотношений Доржиева, Барадийна и Жамцарано с академическими буддологами. Действительно, в 1920-х годах на различных

⁶³³ Козьмин Н. Н. Туземная интеллигенция Сибири. С. 73.

⁶³⁴ Аналогичные обновленческие движения возникали в исламе, иудаизме и православии.

⁶³⁵ Протоколы заседания первого Всесоюзного духовного собора буддистов СССР // АВ ИВР РАН. Разряд II. Оп. 1. Д. 373. Л. 2–3, 24–25; Протоколы 3-го Буддийского духовного совета Бурятии // Там же. С. 29–30. (Протоколы этих двух разных собраний хранятся в одной и той же архивной папке.)

официальных собраниях «буддистов СССР» лидеры движения признавали важность научных исследований буддизма для выработки идеологии обновленческого движения⁶³⁶.

Необходимо отметить, что буддистские общины России были не единственным местом возникновения реформистских тенденций в начале XX века. Аналогичные предложения по реформированию буддизма можно было наблюдать, например, в Японии, где буддисты под влиянием европейского образования и различных западных мыслителей выдвигали сходные программы развития. Доржиев, с его обширными международными связями, равно как и российские буддологи, несомненно, были осведомлены о новых тенденциях японского буддизма⁶³⁷. В 1920-е годы ученые Петрограда (Ленинграда), как и их бурятские коллеги, надеялись, что эти идеи смогут реализоваться в контексте нового Советского государства.

В первые годы после революций 1917 года имперские буддологи использовали возможности, которые предоставила им новая ситуация политического хаоса, для пропаганды величия буддизма и его роли в современном развитии тех сообществ, для которых, по их мнению, буддизм являлся «национальной религией». Важным событием в привлечении общественного внимания к буддизму стала первая буддийская выставка в Петрограде в 1919 году, организованная под эгидой Азиатского музея Академии наук. Выставка имела беспрецедентный характер; организация чего-либо подобного в царское время была крайне маловероятной. Целью выставки, как обозначил ее Ольденбург, являлось «желание познакомить возможно большее число людей с... предметами, которые помогают нам понять одну

⁶³⁶ Там же.

⁶³⁷ *Sharf R. H. The Zen of Japanese Nationalism // History of Religion. 1993. Vol. 33. No. 1. P. 1–43; Розенберг О. О. Введение в изучение буддизма (по японским и китайским источникам). Ч. 2: Проблемы буддийской философии. Пг.: Изд. факультета восточных языков Петроградского университета, 1918.*

из замечательнейших вер, какую знало человечество»⁶³⁸. Предметы, используемые при проведении религиозных служб, экспонировались в Петрограде не из-за их художественной ценности, а как «символизирующие мировоззрение для верующего буддиста» и демонстрирующие богатство буддийского духовного наследия⁶³⁹. Ольденбургом была подчеркнута роль российских бурят в приобретении экспонатов⁶⁴⁰.

Выставка сопровождалась чтением лекций для широкой аудитории. Лекции, читавшиеся ведущими российскими буддологами, были направлены на опровержение представления о буддистах как о «язычниках-идолопоклонниках», как их называли консервативные иерархи православной церкви в царский период⁶⁴¹. Ученые восторженно говорили о великих традициях буддизма, особо отмечая заслуги дацанов как центров «не только религиозной, но и культурной жизни» монгольских кочевников России. Ученые рассказывали своим слушателям об «удивительных» буддийских ламах, с которыми они встречались, особенно выделяя «нашего соотечественника», «знаменитого Агвара Доржиева»⁶⁴². Выступавшие докладчики также хотели развеять мнение о «ламаизме», распространенное среди европейских ученых и широкой общественности, как об «искаженной форме буддизма». Ученик Щербатского Владимирцов, например, критиковал своих европейских коллег, утверждавших, что монгольские кочевники представляли собой «полудикие орды», которые настолько исказили исконный индийский буддизм, что «эту новую религию вряд ли даже можно назвать буддизмом». Владимирцов

⁶³⁸ *Ольденбург С. Ф.* Первая буддийская выставка в Петербурге. Пг., 1919; полный текст опубликован в: *Ермакова Т. В.* Буддийский мир глазами российских исследователей. С. 213–229, цит. на с. 215–216.

⁶³⁹ Там же. С. 212.

⁶⁴⁰ Там же. С. 222, 224.

⁶⁴¹ Там же. С. 215.

⁶⁴² *Владимирцов Б. Я.* Буддизм в Тибете и Монголии // Там же. С. 229–249; описание роли дацанов на с. 240–241; высказывание о Доржиеве на с. 243.

настаивал на том, что «от этого взгляда необходимо будет немедленно же отказаться, как только мы поближе познакомимся с буддизмом в Тибете и Монголии»⁶⁴³. Его лекция заканчивалась следующими словами:

Буддизм, в той форме, в какой он существует в Тибете и Монголии, до сих пор остается живой верой многих миллионов людей, до сих пор чарует ум и сердце человека Центральной Азии, выдвигает разных выдающихся деятелей. Он не сказал еще своего последнего слова⁶⁴⁴.

В то же время Доржиев, Жамцарано, Ольденбург и Щербатской вместе начали кампанию по восстановлению буддийского храма в Петрограде, который был сильно поврежден и разграблен в период революционной разрухи. (Этот храм был возведен между 1909 и 1915 годами по инициативе Доржиева и при огромном содействии со стороны имперских ученых.) При поддержке со стороны Народного комиссариата иностранных дел и под наблюдением Ольденбурга храм был восстановлен к середине 1920-х годов, и службы в нем возобновились⁶⁴⁵.

Еще одной областью сотрудничества обеих сторон, которая воспринималась ими как имевшая решающее значение для бурятского «национального строительства», было развитие научных знаний о бурятских исторических, культурных и религиозных традициях, в котором принимали участие и сами буряты. Занимая руководящие посты в Наркомпросе, бурятские ученые продолжали свои исследования и создали несколько научных учреждений, наиболее важными из которых стали Бурятский ученый комитет, возглавляемый Барадийном, и Ученый комитет Монголии, возглавляемый Жамцарано. Оба комитета поддерживали тесные связи с учеными из Ленинграда. Вместе они занимались пропагандой величия буддизма

⁶⁴³ *Владимирцов Б. Я.* Буддизм в Тибете и Монголии. С. 230.

⁶⁴⁴ Там же. С. 244.

⁶⁴⁵ *Андреев А. И.* Храм Будды в Северной столице. С. 102, 110, 115.

и его принципиальной совместимости с задачами нового режима в области модернизации⁶⁴⁶.

В 1920-х годах Ольденбург и Щербатской, опираясь на поддержку Доржиева и Барадийна, которые способствовали их контактам с ламами из Бурятии, Монголии и Тибета⁶⁴⁷, усилили критику доминирующей в европейской буддологии методологии и активизировали свое сотрудничество с представителями «живой устной буддийской традиции»⁶⁴⁸. В свою очередь, Барадийн также обращал особое внимание на отрицательное воздействие, оказываемое на европейские исследования буддизма разделением филологических и этнографических исследований⁶⁴⁹. Таким образом, как ученый Барадийн работал в парадигме школы Щербатского, настаивающей на том, что буддизм, как любая другая крупная религия, может принимать различные формы. Эти формы, в том числе и современные, необходимо было изучать в рамках их исторического, политического и социального контекстов, а не судить о них по близости к «чистому» учению Будды.

Но Барадийн и тем более Доржиев, выступая в качестве политических деятелей, занимали абсолютно иную позицию, развивая как раз те положения, которые были связаны с элементами европейской науки, критиковавшимися

⁶⁴⁶ Герасимова К. М. Обновленческое движение, особ. С. 155–173. Сопоставимые события в случае с Японией см.: Sharf R. H. The Zen of Japanese Nationalism. P. 1–43.

⁶⁴⁷ Письмо В. Л. Владимировича Котвичу // АВ ИВР РАН. Ф. 761. Оп. 1. Д. 5. Л. 16.

⁶⁴⁸ *Stcherbatsky Th.* The Central Conception of Buddhism and the Meaning of the Word Dharma. London: Royal Asiatic Society, 1923; *Idem.* The Conception of Buddhist Nirvana. Leningrad: Office of the Academy of Sciences of the USSR, 1927. См. также: Васильков Я. В. Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф. И. Щербатского. С. 193–203.

⁶⁴⁹ Барадийн Б. Б. Буддийские монастыри // Очерки истории бурятского народа / Под ред. М. Н. Богданова. Верхнеудинск: Бурят-монгольское изд-во, 1926. С. 109–110. См. также: Письмо Барадийна Щербатскому от 7 июня 1927 года // ПФ АРАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 34. Л. 17.

школой Щербатского. Утверждая, что буддизм в Бурятии был совместим с большевистской политической программой, идеологи обновленческого движения жестко критиковали несогласных с ними лам за предполагаемое пренебрежение «основными правилами, [четко сформулированными] Буддой». Таким образом, активисты обновленческого движения изображали все, что советская власть могла счесть предосудительным, как искажение исконного учения Будды. В своих политических речах идеологи движения за обновление буддизма представляли реконструкцию этого первоначального учения как ключевую задачу академической науки⁶⁵⁰.

Одной из попыток преодоления разрыва между филологическим исследованием буддийских текстов и «живой буддийской традицией» было создание в 1927 году в Ленинграде Института буддийской культуры (ИНБУК) Академии наук СССР. Заявленной целью института было изучение различных аспектов буддийской культуры в сотрудничестве как с европейскими учеными, так и с ламами⁶⁵¹. Щербатской и Ольденбург заявили о превосходстве своего подхода к изучению буддизма над подходом школы Томаса Рис-Дэвидса в Великобритании. В соответствии с заявленной «восточной ориентацией» первыми научными партнерами нового института стали Ученые комитеты Бурятии и Монголии, возглавляемые Барадийном и Жамцарано⁶⁵².

В своей переписке со Щербатским Барадийн дал несколько советов по вопросам программы исследований института и рекомендовал нескольких лам, которые могли бы

⁶⁵⁰ АВ ИВР РАН. Разряд II. Оп. 1. Д. 373, в частности л. 2–3; Герасимова К. М. Обновленческое движение. С. 157–164.

⁶⁵¹ Ольденбург С. Ф., Щербатской Ф. И., Тубянский М. И. Институт изучения буддийской культуры // Известия Академии наук СССР. 1927. Сер. 6. Вып. XXI. № 18. С. 1701–1704.

⁶⁵² Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1928 г. Общий отчет. Л.: Академия наук СССР, 1929. С. 88. См. также переписку Барадийна со Щербатским, в которой Барадийн излагает свои взгляды на цели института: ПФ АРАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 34. Л. 15–19.

переехать в Ленинград для работы в нем. Он описывал важность нового предприятия следующим образом:

Действительно, институт может сыграть огромную роль в облегчении взаимопонимания восточной и западной культур. Я думаю, что в индо-буддийской культуре есть много вещей, которые европейские специалисты до сих пор понимают не в полной мере и неправильно. Вероятно, что эти [вещи], которые составляют самую суть [индо-буддийской культуры], могут быть правильно поняты лишь при непосредственном изучении через самих буддистов⁶⁵³.

По инициативе Доржиева создание института приветствовалось I Всесоюзным духовным собором буддистов СССР, состоявшимся в Москве в 1927 году, и III духовным советом буддистов Бурятии (состоявшимся в следующем году в Верхнеудинске) как подтверждение того, что советская власть способствовала «процветанию священной религии буддизма»⁶⁵⁴. На обоих собраниях преобладали представители движения за обновление буддизма. Тем не менее к тому времени, когда был создан институт, дни этого движения были уже сочтены. И этот в высшей степени необычный научный центр, и само обновленческое движение не пережили политических изменений, произошедших в ходе культурной революции, начавшейся в 1929 году.

Неудивительно, что в посткоммунистической Бурятии буддизм вновь стал центральной темой в дискуссиях среди местных национальных лидеров. Современные религиозные деятели и политики Бурятии продолжают обсуждать, есть ли у бурят свои специфические традиции буддизма, или они являются частью более крупного сообщества буддистов с центром в Тибете. Те, кто придерживается последней точки зрения, ссылаются на Барадийна и Цыбикова

⁶⁵³ Цит. по: ПФ АРАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 34. Л. 17. См. также: Л. 15 об., 23.

⁶⁵⁴ АВ ИВР РАН. Разряд II. Оп. 1. Д. 373. Л. 2, 29–30.

как на авторитетные источники. Как и в дореволюционный период, современные лидеры по-прежнему обсуждают, должны ли буряты сосредоточиться в основном на участии в российской политике или, как это предлагалось Доржиевым, Жамцарано и имперскими учеными, послужить неким мостом между Востоком и Западом, используя свои международные связи с буддистами во всем мире⁶⁵⁵.

Кавказ

Неудивительно, что на Кавказе именно Марр принял на себя роль идеолога национального строительства среди народов с менее развитым «национальным самосознанием» — абхазов и кавказских мусульман, которых стали называть азербайджанцами. Работы Марра, написанные сразу же после Февральской революции, демонстрируют его сильную заинтересованность в национальном вопросе и выражают надежду, что новое правительство прислушается к его мнению о том, как управлять многонациональным государством, в особенности на Кавказе.

В своей статье о ситуации на Кавказе после падения царизма с говорящим названием «Всероссийская культурная проблема» Марр утверждал, что крах старого режима сам по себе не решит национальных проблем в стране, как на это многие рассчитывали. В этой работе Марр подверг критике веру российских либералов конца имперского периода в то, что широкая демократизация политического режима автоматически решит большинство национальных проблем⁶⁵⁶. На тот мо-

⁶⁵⁵ *Bernstein A. Pilgrims, Fieldworkers, and Secret Agents: Buryat Buddhologists and Eurasian Imaginary // Inner Asia. 2009. Vol. 11. No.1. P. 23–45; Corwin J. Controversy Does not End with Sacred Text's Return // RFE / RL Newslines. Vol. 3. No. 191 [Electronic resource]. URL: <http://www.hri.org/news/balkans/rferl/1999/99-09-30.rferl.html#23> (дата обращения 20.08.2012).*

⁶⁵⁶ *Кондращенко Д. П. Самодержавие, либералы и национальный вопрос в России в конце XIX — начале XX века. Гл. 8.*

мент в России уже были введены демократические законы, однако национальные проблемы не исчезли, а, наоборот, обострились. Как утверждал Марр, для конструктивного решения национального вопроса новому правительству необходимо было положиться на «научные искания». Главное изменение в отношении к науке, которое Марр ожидал от нового правительства, заключалось во внесении «результатов [научных исследований] в народные массы, преобщении всех национальностей не только к основам образованности, но к благам научного мышления»⁶⁵⁷. Эта идея была лишь эмоционально окрашенным повторением аргументации, к формулировке которой последователи Розена приступили в самом начале своей научной карьеры на рубеже XX века. Она приобрела особую значимость во время Первой мировой войны, когда правительства европейских стран, в том числе и правительство России, начали более активно, чем прежде, использовать научные исследования для выработки политических решений⁶⁵⁸.

Второй ключевой аргумент Марра касался предполагаемых результатов развития «национального сознания» российских нацменьшинств в целом и народов Кавказа в частности. Он выражал поддержку в отношении идеи предоставления «автономии» Кавказу, подчеркнув, что она должна быть реализована в рамках Российского государства⁶⁵⁹. Таким образом, Марр еще раз продемонстрировал свою убежденность в совместимости субгосударственного национализма с территориальной целостностью России. При этом он критически отзывался о любом проявлении политического сепаратизма на Кавказе. Марр связывал се-

⁶⁵⁷ *Марр Н. Я.* Всероссийская культурная проблема. Общечеловеческие культурные ценности на Кавказе и их интересы // ПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 2366. Л. 1.

⁶⁵⁸ *Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002; *Kojevnikov A.* The Great War, the Russian Civil War, and the Invention of Big Science // Science in Context. 2002. Vol. 15. No. 2. P. 239–275.

⁶⁵⁹ *Марр Н. Я.* Всероссийская культурная проблема. Л. 11.

паратистские устремления исключительно с ошибочной политикой прежнего режима. По мнению Марра, старый порядок

был построен на искусственном возвращении [правительством] извращенного мелкоплеменного национализма в великом русском народе и на столь же искусственном тайном и явном систематическом угнетении здорового национального чувства всех народов, входящих в состав российского государства⁶⁶⁰.

Интерпретация Марра разделялась достаточным количеством критиков царского режима и была созвучна с ленинским определением различия между национализмом угнетенных народов и национализмом угнетателей, которое он сформулировал в 1914 году⁶⁶¹. Согласно Марру, «неутомимая жажда национализма», проявленная представителями нерусских народов в период после Февральской революции, являлась прямым ответом на прежнюю дискриминацию и реакцией на великорусский шовинизм. Марр равно осуждал как этнонационализм русских, так и политический сепаратизм нерусских народов, видя в них болезненное «извращение», которое может быть излечено правильной политикой⁶⁶².

Заключительный пункт программы, составленной Марром после Февральской революции, был направлен на удовлетворение потребностей народов, не обладавших устоявшимися письменными традициями. Культурные

⁶⁶⁰ Там же.

⁶⁶¹ Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. М.: Политиздат, 1961. С. 271, 274. Ср. также разграничение Ольденбургом двух видов национализма — один из которых представляет собой «жажду власти и утоление самодовольства», другой отражает «глубокую, творческую попытку понять себя» (Ольденбург С. Ф. Барон Врангель и истинный национализм // Венок Врангелю от общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Пг.: Тип. «Сириус», 1916. С. 93).

⁶⁶² Марр Н. Я. Всероссийская культурная проблема. Л. 5.

проекты среди этих народов стали одним из его главных приоритетов в советский период. В 1918 году, пытаясь убедить большевистское правительство в том, чтобы доверить бывшей Императорской Академии наук реализацию планов по развитию науки при новой власти, Марр подчеркивал, что в последние годы царского правления Академия (а на деле сам Марр) обозначила в качестве одного из приоритетов изучение «бесписьменных народов» на равных правах «с привилегированными письменно-культурными народами». Марр характеризовал культуры, не основывающиеся на письменных традициях, как «необъятные по разнообразию и богатству материала». По словам Марра, в то время как «аристократически поставленные филологические школы» Западной Европы игнорировали бесписьменные культуры и подвергали их «порабощению», русская наука уже в конце имперского периода преодолела всяческие тенденции к дискриминации «бесписьменных народов»⁶⁶³. На протяжении 1920-х годов Марр продолжал использовать эту аргументацию об эгалитаризме русской науки в своих попытках убедить большевистское правительство, что бывшая Императорская Академия наук должна оставаться главным научным учреждением страны⁶⁶⁴.

В 1920-х годах взгляды Марра вызвали широкий резонанс среди местных элит на Кавказе. В то время его идеи и практическая деятельность являлись в значительной степени результатом взаимодействия с местными деятелями. В зависимости от характера той или иной аудитории он выдвигал разные видения Кавказа. В Абхазии Марр помогал противникам объединения с Грузией (в 1920-х годах их было большинство в политическом руководстве и нарождающейся интеллигенции Абхазии) выстраивать историческую аргументацию, подтверждающую их культурную самостоятельность и величие. Здесь Марр продолжал развивать свои дореволюционные представления

⁶⁶³ ПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 261. Л. 37–38.

⁶⁶⁴ ПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1690. Л. 4–5.

о грузинах как об угнетателях нацменьшинств Закавказья. Эту точку зрения, по сути, разделяли московские большевистские лидеры. Например, Сталин, с его личным опытом жизни в Грузии, прямо обвинял грузин в «великодержавной эксплуатации» абхазов⁶⁶⁵.

Советское руководство также разделяло мнение Марра и других ученых бывшей империи о необходимости «развивать науку» среди нерусских национальностей. Таким образом, советская политика, направленная на создание национальных Академий наук и других научных учреждений в республиках СССР, в том числе на восточных и южных окраинах, имела дореволюционные интеллектуальные истоки. Поэтому неудивительно, что первые научные учреждения таких народов, как абхазы или буряты, возникали на основе дореволюционных связей между имперскими учеными и их единомышленниками на национальных окраинах. Именно на основе таких связей в Абхазии в октябре 1905 года возникла Академия абхазского языка и литературы⁶⁶⁶. Марр придумал название нового учреждения и разработал его устав. Первым президентом Академии стал ближайший дореволюционный соратник Марра — Чочуа⁶⁶⁷. В своем письме председателю Совета народных комиссаров Абхазии Нестору Лакобе Марр изложил видение роли Академии, полностью совпадающее с представлениями дореволюционного движения «малой родины» и личной оценкой Марром важности устной культурной традиции для понимания истории Кавказа:

...необходимо усилить исследовательскую часть общества, посвященную науке о человеке, о языке и эпосе, фольклоре, народных песнях, сказках, преданиях, верованиях и т. д., равно как памятниках материальной культуры... Не беда,

⁶⁶⁵ *Martin T.* The Affirmative Action Empire. P. 7–8.

⁶⁶⁶ Чочуа А. М. Собрание сочинений. Т. 3. Сухуми: Сабчота Сакартвелло, 1976. С. 301.

⁶⁶⁷ Там же. С. 118–119.

что нет ученых специалистов, пусть на первых порах будут любители и соревнователи, при некоторой руководственной программе и они могут сделать большое дело (именно то, что сейчас нужно)⁶⁶⁸.

С самого начала Академия работала в соответствии с идеей Марра о том, что Абхазия является ключевым регионом в его мире «яфетической культуры». Отсутствие письменной традиции на родном языке вплоть до 1920-х годов считалось одной из наиболее сильных сторон абхазов, позволившей им сохранить уникальное доисторическое яфетическое прошлое, и рассматривалось как благоприятное обстоятельство для совершения быстрых культурных скачков в настоящем и будущем⁶⁶⁹. Марр постоянно стремился подкрепить уверенность в себе своих абхазских единомышленников. Отвечая на вопрос Лакобы, является ли вновь созданное абхазское учреждение настоящей Академией, Марр сравнил ее с академиями в Западной Европе:

Во Франции стоит договориться двум трем ученым и академию организуют под каждым деревом. Вы [абхазское] правительство, ученые, я, Д. Гулиа и другие — договорились, абхазский народ поддерживает нас, открыли академию, почему же она не настоящая?!⁶⁷⁰

Поддержка предоставлялась и другой стороной. Во время создания Академии Марр приступил к дальнейшей

⁶⁶⁸ Цит. по: *Авидзба В. Ш.* Абхазский институт гуманитарных исследований: прошлое и настоящее [Электронный ресурс] // Абхазия: [сайт]. Сухуми, 2003. URL: http://www.apsny.ru/education/education.php?page=content/na_uch/aigi.htm#1 (дата обращения: 20.08.2012).

⁶⁶⁹ *Чочуа А. М.* Собрание сочинений. Т. 3. С. 297, включает текст доклада Марра на заседании Народного комиссариата просвещения Абхазии в октябре 1925 года.

⁶⁷⁰ Цит. по: *Авидзба В. Ш.* Абхазский институт гуманитарных исследований: прошлое и настоящее [Электронный ресурс].

разработке гипотезы Петра Чарая о яфетической природе абхазского языка и его бóльшей древности по сравнению с грузинским⁶⁷¹. Абхазский Совет народных комиссаров выделил деньги, чтобы ускорить издание абхазской грамматики Марра в Ленинграде⁶⁷². Даже когда выяснилось, что разработанный Марром абхазский алфавит, введенный в 1926 году, был слишком сложным для практического применения, Наркомпрос Абхазии под руководством Чочуа, возглавившего его в 1925 году, боролся за сохранение этого алфавита из-за огромного авторитета Марра в Абхазии и близких связей с руководством республики⁶⁷³.

В 1928 году, когда все попытки переработать алфавит, разработанный Марром, чтобы сделать его пригодным для использования в школах, не удались, и Николай Яковлев — ведущий лингвист и критик теорий Марра — приступил к работе над новым абхазским алфавитом, Чочуа регулярно информировал Марра обо всех действиях и планах Яковлева, чтобы Марр мог подготовить ответный удар⁶⁷⁴. В советское время поддержка со стороны национальных элит была важным элементом в создании политической базы Марра, которую он использовал для борьбы с критикой его теорий авторитетными лингвистами в Ленинграде и Москве. Даже после осуждения в 1950 году Сталиным теории Марра и последовавшего за этим отказа ученых Москвы и Ленинграда ссылаться не только на его лингвистические работы, но и на его труды по археологии, Марр продолжал оставаться героем в Абхазии⁶⁷⁵.

Стоит отметить, что, несмотря на интерес Марра к роли ислама на Кавказе, это не было отчетливо выражено ни в его собственных высказываниях об Абхазии

⁶⁷¹ Чочуа А. М. Собрание сочинений. Т. 3. С. 254. См. также: Марр Н. Я. Этническая и национальная культура Кавказа // ПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1801. Л. 9.

⁶⁷² Чочуа А. М. Собрание сочинений. Т. 3. С. 121.

⁶⁷³ Там же. С. 119–120, 299.

⁶⁷⁴ Там же. С. 262, включает переписку между Чочуа и Марром.

⁶⁷⁵ См., например: Хварцкия М. Андрей Максимович Чочуа. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1981.

в 1920-е годы, ни в трудах абхазской Академии. Таким образом, Марр артикулировал свою позицию в ответ на представления своих абхазских коллег, видевших в Абхазии прежде всего христианскую нацию и относившихся к исламу как к «денационализирующей религии». Все главные абхазские единомышленники Марра были крещеными, и некоторые из них начинали свою карьеру до революции как антиисламские миссионеры⁶⁷⁶.

Свое представление о важности ислама для формирования «общекавказской цивилизации» Марр излагал перед другой аудиторией – в недавно созданной республике Азербайджан. Бывшие имперские ученые утверждали, что с точки зрения «национального возрождения» мусульмане Кавказа отставали от армян и грузин, и полагали, что в советском Азербайджане ученым отведена очень важная роль в деле национального строительства⁶⁷⁷. Утверждая, что на Кавказе мусульмане гораздо меньше интересовались собственным прошлым, чем христиане, Бартольд в 1922 году выразил надежду, что создание республики Азербайджан исправит ситуацию, предоставив ее населению новые возможности культурного развития⁶⁷⁸.

На самом деле в момент, когда в 1920 году Красная Армия установила контроль над недолго просуществовавшей независимой республикой Азербайджан, там уже

⁶⁷⁶ *Патейна Н. С.* Избранное. Сухуми: Алашара, 1978. С. 6; *Чукбарь А. И.* Рассказы и статьи. Сухуми: Алашара, 1975. С. 3–6. В ходе дискуссий 1920-х годов о создании письменности для абхазов те, кто предлагал использовать шрифт на основе арабского алфавита, обосновывая это тем, что многие абхазы были мусульмане и знали арабский язык, были подвергнуты маргинализации. См.: Стенографический отчет второго пленума Всесоюзного комитета нового тюркского алфавита. Баку: Издание ВЦКНТА, 1929. С. 172.

⁶⁷⁷ О сравнительно медленных темпах распространения национальных представлений в российском Азербайджане см.: *Swietochowski T.* Russian Azerbaijan, 1905–1920: The Shaping of a National Identity in a Muslim Community. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

⁶⁷⁸ Данное замечание было сделано во втором послереволюционном издании «Сочинений» Бартольда. См.: *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России. С. 481.

имелись свои интеллектуальные и политические элиты, чьи представления о мире в национальных категориях начали формироваться в позднеимперский период. Они представляли себе Азербайджан как национальное государство тюрков Кавказа. Тем не менее эти национально мыслящие элиты были действительно гораздо малочисленнее, чем в Армении и Грузии. Что касается основной массы населения, по словам Йорга Барберовски, в первые послереволюционные годы жители Азербайджана идентифицировали себя как тюрки, мусульмане или просто крестьяне; мало кому был известен термин «азербайджанец», получивший более систематическое распространение только с 1930-х годов⁶⁷⁹.

И тем не менее, несмотря на страшные этнические конфликты и применение властями политического насилия в широких масштабах в первой половине 1920-х годов⁶⁸⁰, к середине этого десятилетия Баку с его новым университетом становится центром интеллектуальной жизни тюркских народов, живущих в Советском Союзе и за его пределами, привлекая к себе ученых и деятелей культуры из Татарстана, Средней Азии, Турции и европейской части России. Эти интеллектуалы особенно интересовались проектами формирования нации тюрков-мусульман на Кавказе. Их дискуссии проходили в контексте политики коренизации, которая в 1923 году стала ключевым элементом большевистского подхода к решению национального вопроса.

Барберовски определил основу этой политике в Азербайджане как «тюркизацию», подразумевавшую «создание привилегий для тюркского этноса и придание тюркскому языку статуса официального языка»⁶⁸¹. Но у этой политики был и еще один важный компонент — создание исторических и культурных нарративов для

⁶⁷⁹ Барберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН, 2010. С. 25.

⁶⁸⁰ Там же. С. 171, 243–255, 418–419, 530–576.

⁶⁸¹ Там же. С. 311.

новоизобретенной азербайджанской нации. Именно в этой области, а также в языковой политике бывшие имперские востоковеды сыграли ключевую роль.

Бартольд внес свой вклад в это дело, прочтя курс лекций в Бакинском университете в 1924 году. Данный курс был опубликован Обществом по изучению и исследованию Азербайджана, учрежденным при участии Марра в том же году. В лекциях Бартольда много говорилось о важной роли мусульман Кавказа «в истории мусульманского мира» и всячески подчеркивалось величие средневековой исламской культуры и ее превосходство над культурой Древней Руси⁶⁸².

Если Бартольд рассказывал азербайджанской аудитории о прошлом их страны, которое оставалось политически важным в настоящем, то Марр инструктировал ее о том, как достичь «национализации самой научной работы»⁶⁸³. Отметив, что в Европе начиная с XIX века главная роль в национальном строительстве была отведена академическому сообществу, Марр предположил, что «национальная наука Азербайджана» должны сосредоточиться на «роли мусульманской культуры на Кавказе»⁶⁸⁴. Как и Бартольд, Марр подчеркивал совместимость ислама с модернизацией. Согласно Марру, азербайджанские ученые должны были ниспровергнуть традиционные исследования Кавказа, проводимые грузинскими и армянскими специалистами, с которыми у самого Марра были давние разногласия⁶⁸⁵.

Как утверждал Марр, одним из основных недостатков грузинской и армянской научных позиций было стремление представить Кавказ исключительно христианским

⁶⁸² Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 653–772.

⁶⁸³ Марр Н. Я. Об изучении Азербайджана // ПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1837. Л. 3.

⁶⁸⁴ Там же. Л. 3–6.

⁶⁸⁵ См., например: Письма К. Дондуа Н. Я. Марру // ПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 333. Л. 1–3.

и приуменьшить роль ислама, которая на самом деле была очень значительна даже в культурном наследии Армении и Грузии⁶⁸⁶. (Следует отметить, что Марр никогда не по-рицал своих абхазских коллег за их даже более настойчивое нежелание признавать важность ислама для их сообщества.) «Само собой понятно, — заключал Марр, — что нельзя ожидать разрешения азербайджанских и туркологических проблем от традиционного академического понимания кавказоведения, сводившегося фактически к культурно-историческому изучению армянского и грузинского миров!»⁶⁸⁷

Марр настаивал на том, что в Азербайджане существовал массовый интерес к мусульманскому культурному наследию, который мог бы обеспечить общественную поддержку и благодатную аудиторию для местных научных исследований. Средневековая персидская поэзия, представленная, в частности, поэтом Низами, должна восприниматься и изучаться как часть национального наследия Азербайджана. По словам Марра,

К подлинному кавказоведению не в одной лишь территориальной плоскости не может не быть отнесен, должен быть отнесен, персидский поэт Низами. Правда, этим, казалось бы, самым безобидным и нейтральным вопросом, в азербайджанцах находящим, насколько мне известно, живой отклик, другим кавказским народам, как будто нечего интересоваться⁶⁸⁸.

Марр объяснял далее, что Низами был «азербайджанским поэтом» не только потому, что провел большую часть своей жизни в Гяндже, расположенном на территории советской республики Азербайджан, но также и потому, что в поэзии Низами «для многих десятков, если не сотен слов, вовсе нет точного толкования или понимания

⁶⁸⁶ Марр Н. Я. Этническая и национальная культура Кавказа. Л. 161.

⁶⁸⁷ Он же. Об изучении Азербайджана. Л. 15.

⁶⁸⁸ Там же. Л. 10–11.

в персидской речи; по-видимому, это местные как бы азербайджанизмы, внесенные в персидский текст и не находящие точного объяснения и в турецком». «Да, разве это не задача азербайджанских ученых обратить внимание на эту проблему об языке Низами...?» — риторически восклицал Марр⁶⁸⁹. Здесь Марр, кажется, забывал о своем предостережении против написания сомнительных с научной точки зрения национальных исторических нарративов, которые постулировали прямолинейную, неразрывную связь между людьми, населявшими территорию страны в далеком прошлом, и ее сегодняшними обитателями. Такое сомнительное использование древних и средневековых деятелей, как это предлагал Марр в отношении Низами, стало важным элементом создания канонов национальных культур в советский период.

Наиболее важные аргументы, приведенные Марром в его лекции, прочитанной в Баку в 1924 году, с точки зрения их воздействия на политику идентичности в Азербайджане вплоть до сегодняшнего дня касались автохтонности турок на Кавказе. Марр утверждал:

для исследователя этнической культуры Азербайджан столь же древен в Кавказском крае, как вообще человеческое его население. За существование его в более древние эпохи [—] ряд весьма распространенных культовых терминов и других нарицательных имен⁶⁹⁰.

Описывая далее задачи «азербайджанской национальной науки» и поощряя среди азербайджанцев уверенность в себе как в нации и в новых научных учреждениях своей республики, Марр утверждал:

В данный момент лишь мимоходом коснусь того, что самые названия страны «Азербайджан» и язык «азери»

⁶⁸⁹ *Марр Н. Я.* Об изучении Азербайджана. Л. 10–11.

⁶⁹⁰ *Он же.* Этническая и национальная культура Кавказа. Л. 136–137.

свидетельствуют о давнишнем и глубоком внедрении турок в автохтонную среду, а названия эти, теперь вне всякого спора, местного яфетического происхождения <...> Все это требует самого внимательного кавказоведного рассмотрения, требует равного, само собой понятно, такого кавказоведения, которое не занимается одними грузинским и армянским мирами. Азербайджанские ученые должны ставить проблемы местные, общекавказские, туркологические...⁶⁹¹

Вывод Марра о том, что язык и территориальное распределение «азербайджанских тюрков» на современном Кавказе «свидетельствуют о давнишнем и глубоком внедрении турок в автохтонную среду» этого региона⁶⁹², стал ключевым элементом многих научных исследований в Азербайджане в советский период и особенно после образования независимого государства в 1991 году. В посткоммунистическом Азербайджане на авторитет Марра все еще иногда ссылаются в поддержку аргументов об автохтонности тюрков на Кавказе⁶⁹³.

В своей лекции Марр подчеркивал необходимость относиться «с величайшей осторожностью» к тому, что объединяет народы Кавказа, имеющие «общее яфетическое прошлое». Он отмечал не столько «чисто научную», сколько политическую важность этого положения⁶⁹⁴.

В условиях беспрецедентного насилия на Кавказе в 1918–1920 годах и продолжавшихся после установления советской власти этнических конфликтов позиция Марра звучала пропагандистски и утопически. Кажется, Марр

⁶⁹¹ *Марр Н. Я.* Об изучении Азербайджана. Л. 13–14.

⁶⁹² Там же. Л. 13.

⁶⁹³ *Schenkel van W., Zuercher E. J.* Identity Politics in Central Asia and the Muslim World. London: I. B. Tauris, 2001. P. 24–25; *Laruelle M.* The Concept of Ethnogenesis in Central Asia: Political Context and Institutional Mediators (1940–50) // *Kritika*. 2008. Vol. 9. No. 1. P. 169–188, особ. P. 173–174.

⁶⁹⁴ *Марр Н. Я.* Об изучении Азербайджана. Л. 13, 15, 17–18. См. также: *Марр Н. Я.* Академия Наук и изучение народов Кавказа // ПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1409. Л. 17–18.

пытался добиться двух противоречащих друг другу целей. Одна из них заключалась в формировании «национального самосознания» у народов со слабыми до 1920-х годов традициями национальной политики — таких, как абхазы и азербайджанцы. При этом Марр призывал к преодолению господства армян и грузин, греков и европейцев, до сей поры определявших представления о Кавказе широких кругов. Марр объяснял своим слушателям, что все эти доминирующие группы виновны в манипуляциях историческими данными, совершаемых в свою пользу, и потому должны быть призваны к ответу за этот «грех»⁶⁹⁵. Но при этом Марр также говорил о единстве и нерасторжимости исторического, культурного и даже языкового прошлого всех народов Кавказа. Все народы Кавказа были по-своему автохтонны, и все они нуждались в сотрудничестве, чтобы восстановить память о своем общем прошлом. По мнению Марра, такое сотрудничество могло бы содействовать гармоничному сосуществованию различных народов Кавказа в будущем. Первая часть послания Марра возымела долгосрочное действие, в то время как вторая осталась по большей части без внимания⁶⁹⁶.

Средняя Азия

Анализируя ситуацию в Средней Азии в 1920-х годах, Халид убедительно показывает, что «джадиды сыграли ведущую роль в артикуляции многих представлений, которые впоследствии повлияли на формирование советских властных структур»⁶⁹⁷. Помимо большевистского правительства и джадидов, в политике национального

⁶⁹⁵ *Марр Н. Я.* Этническая и национальная культура Кавказа. Л. 9.

⁶⁹⁶ Об использовании прошлой и нынешней российской и местной историографии при выработке националистических идеологий в государствах Закавказья в посткоммунистический период см.: *Шнирельман В. А.* Войны памяти: Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003.

⁶⁹⁷ *Khalid A.* Nationalizing the Revolution in Central Asia. P. 147.

и культурного самоопределения постреволюционной Средней Азии существовал еще и третий важный актер — имперские ученые. Как мы увидим, их роль не ограничивалась этнографическими и лингвистическими аспектами формирования идентичности в регионе, которые уже привлекали к себе внимание современных исследователей⁶⁹⁸.

Бартольд ответил на Февральскую и Октябрьскую революции, в очередной раз повторив свои взгляды на «задачи России» в Средней Азии. Сразу же после революции он решил попробовать себя на новом поприще (которого ранее избегал), написав несколько популярных работ об исламе и «мусульманском мире», которые, по его мнению, были часто неверно поняты в Европе⁶⁹⁹. В ряде областей Бартольд и другие специалисты по исламу из школы Розена имели взгляды, сходные с джадидами, что позволило обеим сторонам сотрудничать в раннесоветский период. В 1920-х годах эти взгляды оказали влияние на большевистскую политику. В этот период, опять-таки из-за недостатка кадров и экспертизы, а также из-за слабости контроля центра над периферией, большевистское правительство вынуждено было временно сотрудничать с мусульманскими лидерами.

Прежде всего, и джадиды, и Бартольд считали, что ислам совместим с прогрессом и модернизацией. Бартольд развивал эту точку зрения в своей научно-популярной книге об исламе, опубликованной издательством «Огни» в 1918 году. В период между 1911 и 1922 годами в «Огнях» публиковалось много произведений научно-популярного характера на темы истории и культуры, предназначенных

⁶⁹⁸ Роль этих ученых в формировании категорий этнической и национальной принадлежности в 1920-х годах обсуждается Хирш (Hirsch) в ее книге «The Empire of Nations»; об их роли в создании литературных языков для нацменьшинств см.: *Алатов В. М.* 150 языков и политика; *Smith M.* Language and Power in the Creation of the USSR.

⁶⁹⁹ См., в частности, Бартольд В. В. «Ислам» (1918), «Культура мусульманства» (1918) и «Мусульманский мир» (1922), все опубликовано в: *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 6. М.: Наука, 1966.

для широкого круга читателей. Характеризуя понимание Востока, запечатленное в знаменитых строках Киплинга «Но Запад есть Запад, Восток есть Восток, / И им никогда не сойтись», как «безотрадное», Бартольд, наоборот, утверждал, что он и другие ведущие специалисты по исламу в Европе были убеждены в том, что «соглашение между исламом и современной культурой вполне возможно, и для достижения такого соглашения не было более благоприятного времени, чем то, в котором мы живем»⁷⁰⁰. Далее он более широко прокомментировал роль ислама и религии в целом в современном мире:

Предсказать, какова будет роль религии в будущей жизни человечества, едва ли возможно; во всяком случае ислам, как мировая религия, веками доказавшая свою жизнеспособность, осуществившая если не идеал свободы, то идеалы братства и равенства в большей степени, чем христианство, не будет вытеснен никакой другой [религией]. В мусульманском вероучении, как во всяком другом, много элементов, несовместимых с выводами науки и социальным прогрессом; эти элементы, как многие из положений Ветхого и Нового заветов в христианской Европе, фактически утратят силу без формальной отмены религиозными авторитетами. История ислама показывает, что он умеет приспосабливаться к новым условиям⁷⁰¹.

Работа Бартольда «Ислам» и другие его труды, написанные вскоре после падения царского режима, повторяли в усиленной форме утверждения, которые затем приобретут особую важность во время национального строительства в Средней Азии в 1920-х годах, — утверждения о превосходстве Средней Азии над «европейской Россией» во времена Античности и Средневековья

⁷⁰⁰ Бартольд В. В. Ислам. С. 136. В отличие от Марра и Ольденбурга Бартольд обычно воздерживался от утверждений, что отношение российских ученых к «восточным» народам и их культурам существенно отличается от отношения и представлений их западноевропейских коллег.

⁷⁰¹ Там же. С. 137.

и о превосходстве ислама над христианством в прошлом.

Бартольд, как и джаиды, оценивал текущее состояние Средней Азии как отсталое. Действительно, Бартольд регулярно упоминал о «культурном превосходстве» современной Европы над мусульманскими обществами. Согласно часто цитируемой интерпретации Бенедикта Андерсона о причинах такого противопоставления прежних и нынешних эпох, европейские ориенталисты и другие имперские деятели ссылались на славное прошлое «восточных» обществ по большей части для того, чтобы еще более жестко подчеркнуть их плачевное состояние в настоящее время⁷⁰². Вряд ли работы Бартольда содержали такой подтекст, особенно если принять во внимание его утверждения о том, что «центры культурной деятельности» исторически перемещались из одного региона в другой, равно как его убежденность в недолговечности и относительной новизне превосходства самой Европы. (По его мнению, превосходство Европы над «мусульманским миром» стало бесспорным лишь в XVII веке⁷⁰³.)

Кроме того, национализм в Европе в тех формах, которые он приобрел в XIX веке, оказав сильнейшее влияние на европейских ученых, включая Бартольда, приписывал крайне важное значение положению народов и обществ в прошлом. Доводы, подчеркивавшие величие обществ в древности и в Средние века, которым люди сегодняшнего дня должны были гордиться, составляли ключевой элемент формирования наций в Европе. Это конструирование героического прошлого в качестве необходимого элемента национального нарратива сохранилось при советской власти и сыграло важную роль в написании «национальных историй» народов СССР. Неудивительно, что после распада Советского Союза в новых независимых государствах, появившихся в 1991 году, заявления

⁷⁰² *Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 2003. P. 181.*

⁷⁰³ *Бартольд В. В. Культура мусульманства. С. 203.*

о величии обществ и цивилизаций, которые существовали ранее на территории этих государств, стали существенной частью вновь формируемых при поддержке политиков национальных дискурсов⁷⁰⁴.

В своей статье о «перспективах [Туркестана] после Февральской революции» Бартольд изложил собственное понимание актуальности прошлого Средней Азии для ее положения в первые десятилетия XX века. Бартольд утверждал, что, определяя свои задачи в Туркестане как «ликвидацию последних останков многовекового деспотизма в азиатских владениях России», «старый режим» оказался не способен оценить сложность ситуации, с которой Россия столкнулась в этом регионе. «Трудность этой задачи, как вообще культурной задачи России в Центральной Азии, — отмечал Бартольд, — определяется тем, что здесь в состав России, в противоположность европейской России и Сибири, вошла древняя культурная страна. Кроме некоторых местностей Закавказья, в пределах России нет страны с более древней культурой, чем Туркестан»⁷⁰⁵.

Здесь Бартольд обращается к прошлому культурному величию Средней Азии не для того, чтобы подчеркнуть ее современную отсталость, а с целью предупредить Временное правительство не относиться к данному региону с высокомерием. Представители русской интеллигенции XX века, чье восприятие было сформировано национальным мировоззрением XIX столетия, часто взывали к прошлому величию именно в такой манере. Они рассчитывали, что прошлое величие может смягчить плачевное текущее состояние дел⁷⁰⁶.

⁷⁰⁴ Шнирельман В. А. Войны памяти.

⁷⁰⁵ Бартольд В. В. Статьи о состоянии Бухарского ханства и вообще Туркестана и их перспективах после февральской революции // ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 77. Л. 1.

⁷⁰⁶ Например, один из самых известных медиевистов России — Д. С. Лихачев, который начиная с 1980-х годов также являлся очень влиятельным общественным деятелем, демонстрировал именно такое отношение. Для Лихачева культурные достижения России в XIX и на-

Такой подход Бартольда к пониманию настоящего положения Средней Азии с учетом ее прошлого привел его к выводу, что и для правительства, и для общества приоритетом должно стать сохранение старины (например, археологических находок и древних рукописей). Бартольд начал отстаивать эту идею на рубеже XX века, но, по его мнению, задача приобрела еще большую актуальность во время Первой мировой войны, так как возникла угроза разрушения исторических памятников в случае военных действий на приграничных территориях⁷⁰⁷.

Царское правительство, по мнению Бартольда, не смогло оценить важность охраны памятников прошлого. В результате, когда рухнула монархия, он усилил свои попытки убедить новое правительство проявить интерес к этому вопросу⁷⁰⁸. Уже в 1894 году Бартольд утверждал, что русским и «туземцам» необходимо объединить усилия в сборе информации о прошлом Туркестана и совместно заняться сохранением исторических памятников⁷⁰⁹. К тому времени, когда началась Первая мировая война, он пришел к выводу, что «в Туркестане нет, как на Кавказе, местного общества, которое бы дорожило памятниками древности родного края»⁷¹⁰. На самом деле в конце имперского периода джадиды, о чьих усилиях сам Бартольд начал положительно отзываться еще в первые годы XX века, уже пытались создать подобное общество. Таким образом, это

чале XX века, а также в средневековый период, который он, в отличие от Бартольда, оценивал положительно, в какой-то степени нейтрализовывали негативный образ страны советского периода. Мироззрение Лихачева в значительной степени было сформировано его университетскими профессорами, принадлежавшими к той же среде, что и обсуждаемые здесь востоковеды.

⁷⁰⁷ Бартольд В. В. Положение науки в Туркестанском крае (1894) // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. С. 491; *Он же*. Задачи русского востоковедения в Туркестане (1914) // Там же. С. 529–530.

⁷⁰⁸ *Он же*. Задачи русского востоковедения в Туркестане. С. 529–530.

⁷⁰⁹ *Он же*. Положение науки в Туркестанском крае. С. 491.

⁷¹⁰ *Он же*. Задачи русского востоковедения в Туркестане. С. 529.

скоропалительное заявление Бартольда являлось упрощением. В 1920-х годах Бартольд и бывшие джадиды объединили свои усилия в реализации программы, которая начала выкристаллизовываться еще до большевистского переворота.

Мое последнее замечание относительно представлений Бартольда о Средней Азии связано с его оценкой состояния «национального самосознания» в регионе. Халид цитировал Бартольда наравне с другими прошлыми и современными учеными, полагавшими, что до национального размежевания в Средней Азии, осуществленного большевиками, народы этого региона имели или религиозную, или территориальную идентичность, без всякого понимания категорий этнической и национальной принадлежности⁷¹¹.

Халид опровергает такой взгляд на ситуацию в Средней Азии, показывая, как в последние годы имперского периода понятие «нация» стало центральным в восприятии джадидами Средней Азии. На самом деле понимание Бартольдом ситуации в Туркестане было похоже на ее интерпретацию Халидом. Цитата из Бартольда, воспроизведенная Халидом, касается среднестатистического человека из Средней Азии, который принял участие в переписи населения 1926 года и затруднился ответить на вопросы, связанные с этнической и национальной принадлежностью. Это не означает, что появление немногочисленной элитарной группы, испытавшей на себе воздействие идей национализма в Туркестане начала XX века, прошло для Бартольда незамеченным.

В последние десятилетия имперского режима представители российской политической и культурной элиты заметили признаки проявления национализма среди мусульман империи. Некоторые представители имперской элиты рассматривали такие тенденции как угрозу стабильности России, другие — как по большей части

⁷¹¹ Халид (*Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform*. P. 184) цитирует статью Бартольда 1928 года.

положительное явление⁷¹². Бартольд принадлежал ко второй группе. В 1918 году он сетовал на следующее:

...правительство поддерживало мусульман-староверов, считало только их преданными России и принимало от них доносы на их прогрессивных единоверцев. Мусульмане-прогрессисты сблизились с оппозиционными партиями и горячо приветствовали государственный переворот (Февральскую революцию. — *В. Т.*). Интересы национального прогресса всегда стояли для них (прогрессивных мусульман) выше интересов ислама как религии⁷¹³.

Из текста Бартольда прямо не ясно, описывал ли он взгляды «прогрессивных мусульман» только среди татар Поволжья, или же его замечание относилось также и к ситуации в Туркестане. Но в своем обзоре периодических изданий Туркестана, вышедших в свет сразу после революций 1917 года, Бартольд отмечал, что такие национально мыслящие «прогрессисты» проявляли свою активность в Средней Азии, издавая газеты, которые освещали «интересы» широкого круга «национальностей» в этом регионе⁷¹⁴.

Халид отмечал, что джадиды в Туркестане определяли национальные сообщества в Средней Азии способами, отличными от того вида этнического национализма, который победил там в 1924 году. Определения джадидов были территориальными (относительно Бухары), династическими и религиозными (нация мусульманского населения Туркестана)⁷¹⁵. Бартольду было хорошо известно о местных определениях идентичности, которые включали предложения местной элиты сохранить Бухару и Хорезм

⁷¹² *Campbell E.* The Muslim Question in Late Imperial Russia // *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930.* P. 328–343.

⁷¹³ *Бартольд В. В.* Ислам. С. 136.

⁷¹⁴ *Он же.* Туркестанская государственная библиотека и местная мусульманская печать (1920) // *Бартольд В. В. Сочинения.* Т. 9. С. 559–564.

⁷¹⁵ *Khalid A.* Nationalizing the Revolution in Central Asia. P. 156.

в качестве отдельных политических образований. Знал он также и о том, что местные представления об идентичности отличались от тех, что применялись советской властью при проведении национального размежевания Средней Азии. Как член КИПС, Бартольд принимал участие в этом большом проекте, но вопреки ожиданиям правительства отказался представить проведение национальных границ по этническому признаку как отражение традиций Средней Азии. В своем ответе на запрос правительства прокомментировать итоги национального размежевания Бартольд отметил следующее: «Национальный принцип в том виде, как он был проведен в жизнь при национально-государственном размежевании Средней Азии в 1924 г., был выработан западноевропейской историей XIX века и совершенно чужд местным историческим традициям».

Во время размежевания были проигнорированы местные политические и территориальные формы проведения границ между разными сообществами. «В полном противоречии с этими традициями, — продолжал Бартольд, — находится, напр., факт уничтожения Хорезма, как политической единицы. Хорезмийский язык и хорезм. национальность исчезли, по-видимому, в XIII в.; но Хорезм и потом упорно отстаивал и после временного нарушения быстро восстанавливал свою политическую обособленность, опираясь, по-видимому, на свои, совершенно отличные от соседних стран, бытовые условия⁷¹⁶».

Кроме того, Бартольд участвовал в двух других важных проектах национального строительства в регионе. Первым было учреждение в Ташкенте университета, а вторым —

⁷¹⁶ Записка ак. В. В. Бартольда по вопросу об исторических взаимоотношениях турецких и иранских народностей Средней Азии // ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 85. Л. 1–2. В посткоммунистический период «Записка» Бартольда вызвала интерес среди ученых Средней Азии, которые сочли ее актуальной для политики национального строительства в регионе после 1991 года. См., например: *Олимов М. В.* Бартольд о национальном размежевании в Средней Азии // Восток. 1991. № 5. Доступно: URL: <http://kungrad.com/history/sssrbarthold/> (дата обращения: 20.08.2012).

участие в практической деятельности по охране исторических памятников.

Вопрос о возможности создания высшего учебного заведения в Ташкенте поднимался в 1902 году Ольденбургом. Тогда Бартольд ответил на такое предложение отрицательно, заявив, что «в настоящее время еще нет в наличности условий» для реализации такого проекта⁷¹⁷. Однако, когда во время краткого пребывания Ольденбурга на посту министра просвещения Временного правительства⁷¹⁸ российские имперские специалисты по исламу и местная элита Туркестана вновь вернулись к идее создания университета в Ташкенте, Бартольд все-таки принял в этом активное участие. В 1918 году было наконец достигнуто соглашение по созданию Туркестанского института востоковедения по плану, близко напоминавшему проект Ольденбурга 1902 года. Предполагалось, что институт введет четырехгодичную образовательную программу для будущих ученых Средней Азии и учителей местных школ, давая им знание истории, языков и традиций своего региона. Российскую сторону на этих переговорах представлял Бартольд и другой ученик Розена — Александр Шмидт⁷¹⁹.

Несмотря на то что Бартольд еще до революции проводил кампанию, направленную на развитие интереса к изучению местной истории и традиций населением Туркестана, он настаивал, что такая деятельность должна основываться на знаниях, разработанных европейскими

⁷¹⁷ Бартольд В. В. По поводу проекта С. Ф. Ольденбурга // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. С. 492–495.

⁷¹⁸ Создание новых университетов в Европейской России, равно как и в Тифлисе и Ташкенте, являлось главным проектом, который пытался реализовать Ольденбург, занимавший пост министра просвещения в период с 25 июня по 3 сентября 1917 года. См.: Каганович Б. С. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб.: Феникс, 2006. С. 73.

⁷¹⁹ Материалы по участию [Бартольда] в работе Туркестанского университета, 1920–1924 // ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 443, 68, особ. л. 34–36, 51–68; Бюллетень Средне-Азиатского государственного университета. 1924. № 7. С. 45.

учеными, такими как он сам⁷²⁰. Как уже упоминалось ранее, Бартольд упорно настаивал на превосходстве европейской эпистемологии над местными формами знания, и в своей последовательности в этом отношении он отличался от Марра, Ольденбурга и Щербатского. По мнению Бартольда, местное «национальное самосознание», базирующееся на знаниях, почерпнутых из европейской ориенталистики, способствовало бы интеграции Туркестана в Российское и Советское государство, противодействуя «ненаучным» местным националистическим теориям, которые могли помешать этой интеграции⁷²¹.

Когда Бартольд, которого в период сталинизма изображали пособником царской колониальной политики в Средней Азии, был «реабилитирован» в 1960-х годах и представлен одним из основателей советского востоковедения, его аргументы в поддержку «научного» понимания обществ Средней Азии рассматривались как важный вклад в борьбу с местной «националистической реакцией», которая использовала «этнические предрассудки, национальную и религиозную нетерпимость» против советской власти⁷²².

Ситуация, конечно, была более сложной, чем эта примитивная попытка представить Бартольда образцовым советским ученым. С одной стороны, позиция Бартольда была достаточно типична для многих европейских ориенталистов, работавших в колониальных условиях и утверждавших, что их знания могут быть использованы для упрочения правления их наций на Востоке. С другой стороны, Бартольд, подобно некоторым своим современникам, видел в знании также средство дать определенную власть колонизированным народам, наделив их чувством гордости за достижения своих сообществ. В контексте политических

⁷²⁰ Бартольд В. В. Положение науки в Туркестанском крае. С. 491; Он же. Задачи русского востоковедения в Туркестане. С. 533.

⁷²¹ Он же. Задачи русского востоковедения в Туркестане. С. 533.

⁷²² Кляшторный С. Предисловие // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5. М.: Наука, 1968. С. 7.

событий, происходящих в бывшей Российской империи в период после революций 1917 года, обе стороны занимаемой Бартольдом позиции были неразрывно связаны.

Учитывая взгляды Бартольда и Шмидта, неудивительно, что им хотелось придать изучению ислама и местной истории главную роль в учебной программе первого европейского университета в Средней Азии. Эта цель была вполне достижима в первые годы советской власти, которые были отмечены прагматичным и, следовательно, относительно терпимым отношением режима к исламу. Советское исламоведение, базирующееся на ожидании того, что религиозные верования обязательно исчезнут в социалистическом обществе, в 1920-х годах все еще находились в зачаточном состоянии, развиваясь параллельно с исламоведением, практиковавшимся последователями Розена, а не вместо него⁷²³.

Таким образом, Бартольд предложил организовать в первом университете Туркестана отдельную кафедру для изучения «истории мусульманского Востока» с обязательной специализацией по арабскому языку для всех студентов историко-филологического факультета, чтобы они имели доступ к культурному и интеллектуальному наследию ислама⁷²⁴. В 1924 году Туркестанский институт востоковедения превратился в факультет востоковедения при вновь созданном университете в Ташкенте. Некоторые из его преподавателей были джадидами, а «история мусульманского Востока» стала главной частью исследовательской программы факультета⁷²⁵. Первым деканом факультета

⁷²³ О формировании советского дискурса об исламе в 1920-е и 1930-е годы см.: *Kemper M. The Soviet Discourse and the Origin and Class Character of Islam, 1923–1933 // Die Welt des Islams. 2009. Vol. 49. No. 1. P. 1–48.*

⁷²⁴ *Бартольд В. В. Записка по поводу проекта Туркестанского университета // Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 118. Д. 350. Л. 103; Бартольд В. В. Мусульманский мир. С. 253.*

⁷²⁵ Бюллетень Средне-Азиатского государственного университета. 1924. № 7. С. 45; Материалы по участию [Бартольда] в работе Туркестанского университета. 1920–1924. Л. 34–36, 51–68.

стал Шмидт⁷²⁶. «История Туркестана» Бартольда, изданная в Ташкенте в 1922 году, использовалась в качестве первого основного учебника. Бартольд также выступал с лекциями и публиковал некоторые курсы своих лекций в Ташкенте, которые были затем использованы местными среднеазиатскими учеными для написания национальных историй⁷²⁷. Труды Бартольда содержали большой объем информации и достаточно аргументов, которые могли быть использованы местной элитой в национальном строительстве и в целях поощрения чувства национальной гордости среди местного населения. Помимо того, что тексты Бартольда предоставляли информацию о былой славе данного региона, ссылки на имевшуюся на тот момент «отсталость» общества Средней Азии зачастую сопровождалась рассуждениями о недостатках и проблемах, порой аналогичных проблемам Средней Азии, с которыми сталкивались сами русские — имперские властители региона⁷²⁸.

Одержимость российских ученых, особенно Бартольда, идеей охраны исторических памятников и мнение, что сохранение древностей является жизненно важным для «пробуждения национального сознания» народов Туркестана, продолжилась и в 1920-х годах. Это

⁷²⁶ Ташкентский государственный университет им. В. И. Ленина / Под ред. С. Х. Сираждинова. Ташкент: Изд-во ТГУ, 1970. С. 321. Преподаватели перечислены без какой-либо ссылки на их дореволюционное прошлое.

⁷²⁷ Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5. С. 19–192; *Он же*. История Турецко-монгольских народов // Там же. С. 195–235.

⁷²⁸ См., например: Бартольд В. В. Ближайшие задачи изучения Туркестана // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. С. 546, 548–549. В своей лекции, прочитанной в Ташкентском государственном университете в 1922 году, Бартольд описывал Туркестан «как страну древней культуры, где были города, во всяком случае, уже в IV в. до н. э.» и утверждал, что «мусульманская географическая литература, преимущественно на арабском языке» являлась гораздо более передовой, чем «сведения греков». Им отмечалось, что, хотя нынешний уровень научного исследования в Туркестане был низким, академическим институтам «в столицах России» также грозит упадок.

получило сильную поддержку со стороны Туркестанского комиссариата просвещения, оплота джадидов⁷²⁹, и со стороны революционных комитетов в Бухаре и Самарканде, где джадиды также были широко представлены. Посетивший Среднюю Азию в 1920, 1923 и 1925 годах Бартольд являлся ключевой фигурой в деле создания в 1920 году комитетов по охране памятников и «исламской архитектуры» в Самарканде и Бухаре и Туркестанского (после 1925 года – Среднеазиатского) комитета по делам музеев и охране памятников античности, искусства и природы (Туркомстарис и Средазкомстарис)⁷³⁰. Эти комитеты призывали Наркомпрос Туркестанского, Самаркандского и Бухарского ревкомов и большевистское правительство в Москве рассматривать охрану древних памятников исламской культуры, вовлечение «широких масс» в эту деятельность и стимулирование осознания общественностью важного значения этих памятников посредством выставок, лекций и экскурсий как приоритетные направления для нового советского режима⁷³¹. Еще в 1920-м, в тот год, когда Москве удалось установить контроль над Туркестаном, большевистское правительство направило своего представителя в регион по приглашению Туркомстариса, чтобы «узнать на месте о катастрофической ситуации с историческими памятниками исламской архитектуры» и помочь с разработкой «срочных мер, необходимых для спасения» этих памятников от «будущего уничтожения»⁷³².

⁷²⁹ Bennigsen A., *Lemercier-Quelquejey Ch. Islam in the Soviet Union*. New York: Praeger, 1967. P. 105–110.

⁷³⁰ Материалы Самаркандской Комиссии по охране памятников старины и искусства // ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 442; Материалы Туркомстарис // ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 445; По участию в работах Средазкомстарис // ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 446; Протоколы заседаний Комиссии по принятию мер к охране архивных дел, книг и предметов старины и искусства в Старой Бухаре // ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 448.

⁷³¹ ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 442. Л. 1; Ф. 68. Оп. 1. Д. 445. Л. 22.

⁷³² Там же. Д. 445. Л. 71–71 об.

Чтобы убедить советское руководство воспринимать работу по сохранению исторических памятников серьезно, Бартольд использовал ту же самую аргументацию, которую уже применял в обращениях к царскому и Временному правительствам. Он утверждал, что памятники исламской архитектуры и искусства в Средней Азии представляют собой «величайшие примеры» древней цивилизации на территории (бывшей) Российской империи. В глазах международного сообщества их сохранность являлась показателем уровня цивилизованности самого Российского и, в настоящее время, Советского государства. Бартольд был убежден, что если новая власть согласится проложить железнодорожные пути по другому маршруту, чтобы не затронуть средневековую крепость Афрасиаб, на северо-востоке от Самарканда, то это послужит свидетельством того, что новый режим правильно понимает важность культурно-исторических вопросов в современном мире⁷³³.

Ольденбург представил аргументы и требования Бартольда в отношении самаркандских мечетей и крепости Афрасиаб лично Ленину⁷³⁴. В марте 1921 года Туркестанский Совнарком издал указ об охране и реставрации мечетей в Самарканде как «деле сверхочередного, сверхударного порядка»⁷³⁵. В специальной резолюции по «Исламской архитектуре города Самарканд» Туркестанский комиссариат просвещения утверждал, что, хотя этими памятниками пренебрегали все правители города со времен Тамерлана, включая и царское правительство, они могут ожидать гораздо большей заботы со стороны «находящегося сейчас у власти пролетариата»⁷³⁶.

⁷³³ ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 444. Л. 5.

⁷³⁴ *Бонч-Бруевич В. Д.* В. И. Ленин в Петрограде и в Москве (1917–1920 гг.). М.: Политиздат, 1956. С. 37. См. также: *Пак Б. И.* О роли В. В. Бартольда в становлении науки и высшего образования в советском Туркестане // История СССР. 1970. № 4. С. 122–125.

⁷³⁵ ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 442. Л. 29.

⁷³⁶ Там же. Л. 69 об.

Несмотря на показной оптимизм Комиссариата, члены Самаркандского комитета постоянно сетовали на отсутствие финансирования, нехватку оборудования и персонала, утверждая, что на самом деле состояние мечетей по-прежнему остается плачевным⁷³⁷. Тем не менее в октябре 1921 года Бартольд сообщил Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК), Туркестанскую секцию которой он возглавлял, что дотация, выделенная большевистским правительством в тот год на восстановление исламской архитектуры в Самарканде, превысила все, что «было затрачено на проведение всех других восстановительных работ в российском государстве», вместе взятое⁷³⁸.

В посткоммунистической Средней Азии труды Бартольда, с одной стороны, цитируются в поддержку определенных проектов формирования национальной идентичности, а с другой – критикуются как примеры проявления российского колониализма. В 2008 году, во время празднования 672-й годовщины со дня рождения Тамерлана, некоторые активисты из Хорезма выступили против чествования Тамерлана на том основании, что он в свое время опустошил этот город. Их аргументация основывалась на описанном Бартольдом завоевании Хорезма тюркомонгольским предводителем. В ответ узбекское правительство, которое сделало Тамерлана одним из своих национальных символов, запретило цитирование Бартольда⁷³⁹. На самом деле узбекские политики, ответственные за организацию празднества, могли бы спокойно использовать описание Бартольдом Средней Азии при планировании праздника. Бартольд восхвалял Тамерлана, описывая достижения и его самого, и династии Тимуридов в различных сферах жизни Средней Азии от архитектуры до сельского

⁷³⁷ ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 442. Л. 27, 68 об., 90 об. – 92.

⁷³⁸ Там же. Д. 439. Л. 71.

⁷³⁹ Шакиров Р. Для Хорезма не было страшнее правителя [Электронный ресурс] // Khorezm-Хорезм. Жизнь регионов Приаралья и не только: [блог]. URL: <http://khorezm.wordpress.com/2008/04/09/> (дата обращения: 20.08.2012).

хозяйства. Бартольд утверждал, что эти достижения опровергают «представление о “глубоком сне”, в который будто бы был погружен мусульманский мир до его “пробуждения” европейцами»⁷⁴⁰.

Местная перспектива

Вполне естественно возникает вопрос: как в начале XX века российские восточные и южные нацменьшинства относились к амбициозным планам имперских ученых создавать нации от их имени? Комментируя отношение индийцев к британцам, Николас Диркс утверждал, что если имперская элита и была в действительности неоднородной, то она «часто выглядела монолитной, по крайней мере в глазах колонизированных народов, живших в условиях колониального угнетения»⁷⁴¹.

В российском контексте нечто подобное можно видеть в отношении, демонстрируемом простыми представителями «инородческих» общин Сибири, Кавказа и Средней Азии. Имперские ученые сами отмечали, что местное население часто не видело никакой разницы между имперским чиновником, миссионером и ученым⁷⁴². Розен утверждал, что причиной негативного отношения местного населения к ученым часто было высокомерное поведение самих ученых во время экспедиций⁷⁴³.

Наблюдение Диркса, однако, не распространяется на отношение к имперским востоковедам со стороны нарождающихся национальных элит, которые появи-

⁷⁴⁰ Бартольд В. В. Культура мусульманства. С. 195–197; цит. на с. 202.

⁷⁴¹ Dirks N. *Castes of Mind: Colonialism and the Making of Modern India*. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 310. См. также: Clifford J. *The Predicament of Culture: Twentieth-Century Ethnography, Literature, and Art*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988. P. 255–276.

⁷⁴² Позднеев А. М. Отчет о поездке к терским, уральским и оренбургским калмыкам // АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 60. Л. 97.

⁷⁴³ Памяти академика В. Р. Розена. С. 22–23.

лись среди национальных меньшинств в 1920-х годах в результате расширения доступа к европейскому типу образования. В конце имперского и начале советского периода национальная интеллигенция нацменьшинств первого поколения обычно положительно оценивала роль имперских ученых. Эти представители местной интеллигенции воспринимали имперских востоковедов как борцов с европоцентристскими предрассудками и инициаторов интеграции «восточных обществ» в мировую систему⁷⁴⁴.

В начале XX века эти представители «инородцев», как правило, воспринимали свои сообщества окруженными со всех сторон многочисленными врагами, к которым в первую очередь они относили местных имперских чиновников, русских поселенцев и православных миссионеров⁷⁴⁵. Например, Жамцарано описывал политику правительства в отношении бурят в первые десятилетия XX века как абсолютно непродуктивную, если «правительство имело целью благо бурят», и, напротив, как очень успешную, если целью являлось «ослабление и уничтожение бурят»⁷⁴⁶. В этих условиях имперские ученые воспринимались как главные сторонники и защитники интересов бурятского народа, им также отводилась важная роль в пробуждении «национального самосознания» бурят.

Так, в 1906 году бурятские лидеры решили преподнести Ольденбургу ценный старинный пояс, что, как пояснял Жамцарано в письме своему бывшему университетскому профессору, имело важное символическое значение. В письме говорилось, что пояс должен быть подарен «хорошему другу или полезному человеку». Как объяснил Жамцарано,

⁷⁴⁴ Аналогичным образом, нарождающаяся интеллигенция в Индии особенно отмечала роль Макса Мюллера в борьбе с предрассудками в отношении к Индии со стороны британцев. См.: *Chaudhuri N. Scholar Extraordinary: The Life of Professor the Rt. Hon. Friedrich Max Müller.* Delhi: Oxford University Press, 1974. P. 5.

⁷⁴⁵ Письма Ц. Жамцарано к С. Ф. Ольденбургу // ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 210. Л. 8. В письме Ольденбургу от 21 июня 1903 года Жамцарано сетовал на то, что на бурят «нападают со всех сторон».

⁷⁴⁶ Там же. Л. 4.

решение вручить пояс именно Ольденбургу было принято потому, что ему буряты «так много обязаны»⁷⁴⁷. То же самое заявлял Гулиа Марру от имени абхазов⁷⁴⁸. Человек, подписывавшийся в своем письме в «Сибирскую газету» просто как «грамотный киргиз», утверждал, что популярная пресса на русском языке и на родных языках нацменьшинств должна регулярно публиковать работы имперских востоковедов, так как это «возвысило бы нас, мы бы знали, что мы не “собаки”, а люди, что нами интересуются»⁷⁴⁹.

В 1920-х годах, когда местная элита продолжала крепнуть, а иногда впервые создаваться в результате большевистской политики «коренизации» и когда контакты между учеными в центре и представителями национальностей в неевропейских частях государства становились все более тесными, местные лидеры продолжали воспринимать ученых из Петрограда / Ленинграда и Москвы как важных покровителей, имеющих возможность лоббировать в пользу местных проектов в советской столице и оказывать содействие в решении местных конфликтов, принимая сторону какой-либо конкретной группы⁷⁵⁰.

* * *

Близкие отношения между российскими имперскими учеными и национальной интеллигенцией первого поколения среди восточных и южных нацменьшинств имели

⁷⁴⁷ ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 210. Л. 22. Некоторые бурятские соратники Ольденбурга утверждали, что он сам был скрытым буддистом. См. также: *Андреев А. И.* Храм Будды в Северной столице. С. 115. О сходных отношениях этнографа и востоковеда Всеволода Миллера с осетинами см.: *Калоев Б. А. В. Ф.* Миллер — кавказовед. С. 180.

⁷⁴⁸ *Гулиа Д. И.* Материалы по абхазской грамматике. Сухуми: Наркомпрос Абхазской ССР, 1927. С. 3. См. также: *Мерген А. Д. А.* Клеменц и сибирские инородцы // Известия ВСОРГО. 1917. № 45 (1916 г.). С. 242.

⁷⁴⁹ Киргиз о «Киргизской газете» / Грамотный Киргиз [псевд.] // Сибирская газета. 1888. № 25 (31 марта). С. 6.

⁷⁵⁰ Переписка А. Н. Самойловича // ПФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 446. Л. 27, 53–54; ПФ АРАН. Ф. 782. Оп. 2. Д. 2. Л. 4–4 об.

трагический конец, в особенности для последней стороны. В 1928–1929 годах большевистское правительство изменило свое отношение к лицам, которые сотрудничали с ним, несмотря на несогласие со многими аспектами советской политики и идеологии. В то же время правительство развернуло кампанию против буддизма и ислама. Большинство представителей советских республиканских элит первого поколения были сняты с руководящих постов в органах местного самоуправления, а затем погибли во время террора 1930-х годов. К 1937 году почти не осталось в живых никого из российских востоковедов, сделавших свою научную карьеру до революции. Одним из немногих, кто еще оставался в живых, был Щербатской (ум. в 1942 году), избежавший ареста благодаря званию академика и преклонному возрасту. Но его научная школа была уничтожена. Его младшие научные коллеги в Ленинграде были арестованы одновременно с Доржиевым, Барадийном и Жамцарано и проходили по одному и тому же следственному делу, закончившемуся расстрелом большинства из них⁷⁵¹.

Чтобы иметь некоторое представление о том, как сталинский режим воспринимал отношения между имперскими востоковедами и представителями нацменьшинств, которые в 1920-х годах заняли высокие руководящие посты, рассмотрим дело НКВД в отношении видного востоковеда Александра Самойловича, чья карьера начиналась до революции. Действительный член Академии наук с 1929 года и директор Института востоковедения Академии наук с 1934 года, Самойлович был единственным академиком в области гуманитарных и социальных наук, не являвшимся членом Коммунистической партии, который был расстрелян в 1937 году⁷⁵².

⁷⁵¹ Андреев А. И. Храм Будды в Северной столице. С. 160. См. также: Васильков Я. В. Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф. И. Щербатского. С. 178–179.

⁷⁵² В советское время звание академика давало его владельцу широкий ряд привилегий и в некоторой степени (хотя, конечно, не полностью) защищало от политического преследования. В период террора

Самойлович выделялся тем, что поддерживал, уступая в этом только Марру, умершему в 1934 году, особенно тесные связи с видными учеными и представителями интеллектуальных кругов национальных республик и автономий. Многие представители интеллигенции из этих регионов подверглись репрессиям в годы Большого террора⁷⁵³. Дело НКВД в отношении Самойловича напрямую связано с этими арестами.

Хотя основным выдвинутым против Самойловича обвинением был шпионаж в пользу Японии, второе обвинение, указанное в приговоре, гласило, что его научная работа по тюркским языкам была направлена «на создание контрреволюционной буржуазно-националистической террористической организации» среди тюркских народов Советского Союза. В приговоре говорилось, что его «подрывная» деятельность началась в первые годы XX века⁷⁵⁴. Как утверждалось в приговоре, конечной целью Самойловича было «отторжение национальных окраин от СССР». Самойловича, заявлял НКВД, подстрекали к таким действиям обучавшие его имперские востоковеды⁷⁵⁵.

Обвинения Самойловича в шпионаже в пользу Японии были, конечно, абсурдны. Но утверждение о причастности его и других востоковедов к распространению идей национализма среди восточных и южных нацменьшинств

1937–1938 годов те действительные члены Академии наук и ученые-неакадемики, которые являлись членами Коммунистической партии, подвергались гораздо более сильным репрессиям, чем беспартийные (Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М., Насимов Д. М. Репрессированная тюркология. М.: Восточная литература, 2002). В этой работе, на основе которой мною рассматривается дело Самойловича, справедливо отмечается (С. 8) исключительный характер судьбы Самойловича среди его беспартийных коллег-академиков.

⁷⁵³ Это видно из переписки, большая часть которой велась на арабском и тюркском языках и которая хранится в личном архиве Самойловича: ПФ АРАН. Ф. 782. Оп. 2.

⁷⁵⁴ Репрессированная тюркология. С. 12. Цит. из приговора Самойловичу.

⁷⁵⁵ Там же. С. 16.

не являлось, как мы видим, абсолютно беспочвенным. Но, как показано в этой книге, деятельность ученых и их местных коллег имела цель прямо противоположную той, которую вменили им следователи НКВД. Вместо отделения национальных окраин востоковеды со своими единомышленниками с этих окраин стремились к более глубокой интеграции меньшинств в многонациональное государство и сохранению территориальной целостности этого государства в эпоху, когда национализм стал угрозой для существования империй.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Состояние империи определяется процессами в ее колониях. Российские востоковеды начала XX века прямо не артикулировали такую идею, когда помогали неевропейским нацменьшинствам своей страны осознать себя самостоятельными нациями, однако они применяли ее в действии. Изучая культуру и историю народов восточной и южной периферии Российской империи, востоковеды установили особенно тесные связи с представителями местных общин. В первые десятилетия XX века этими двумя группами было совместно разработано новое понимание отношений между национализмом и империализмом, а также между европейской культурой и Востоком.

Понимание имперскими востоковедами и их единомышленниками с национальных окраин взаимосвязи между нацией и империей отличалось от теперешних представлений по этому вопросу. До распада европейских заморских колониальных империй после Второй мировой войны противоречия и частая несовместимость между имперским и национальным строительством осознавались менее отчетливо и значительно реже, чем сегодня. В период, обсуждаемый в этой книге, охранители империи активно содействовали процессу национализации имперского центра (населенного в основном представителями доминирующей в империи национальности) и одновременно могли сознательно отстаивать определенные виды местного этнокультурного национализма на имперских окраинах⁷⁵⁶.

⁷⁵⁶ Berger S., Miller A. Nation-building and Regional Integration, c. 1800–1914: the Role of Empires // *European Review of History*. 2008. Vol. 15. No. 3. P. 317–318.

Российские востоковеды рубежа XX века были «охранителями империи», движимыми идеей, что прочная идентификация со своей этнической группой и культурой (в тогдашней терминологии — «национальное самосознание») укрепит, а не ослабит связь национальных меньшинств с имперским государством. Стратегия применения инструментов национального строительства с целью интеграции различных групп населения империи впервые возникла в европейских материковых империях (таких, как Австро-Венгрия и Россия) в XIX веке и позднее, после Первой мировой войны, была принята на вооружение такими заморскими колониальными империями, как Франция⁷⁵⁷.

Принятие в расчет тогдашних представлений, касающихся перспектив использования стратегий национального строительства в имперских государствах, позволяет лучше понять, почему большевистские лидеры, инициировавшие новую политику управления многонациональным государством, считали, что поощрение субгосударственного этнокультурного национализма нерусских народов может укрепить единство Советского Союза. Наше понимание того, что такая стратегия обычно приводит к распаду государства, является всего лишь преимуществом ретроспективного взгляда. Не умаляя новизны большевистской национальной политики, мы тем не менее должны четко признать, что представления нового режима по поводу проблем, связанных с огромным разнообразием Российского (а затем — Советского) государства, сформировались под влиянием горячих дискуссий об империи и национализме, инициированных элитами как в центре, так и на периферии России еще в позднеимперский период.

Поэтому в контексте научного анализа представлений элит прошлого об имперском и национальном

⁷⁵⁷ *Lebovics H. True France. The Wars over Cultural Identity, 1900–1945. Ithaca: Cornell University Press, 1992. P. 53, 101, где отмечается влияние советской политики на имперскую стратегию интеграции, принятую Францией.*

строительстве в российских и советских условиях большевистская революция 1917 года должна рассматриваться как часть периода, начавшегося с потрясений 1905 года и завершившегося в конце 1920-х годов, в ходе которого Первая мировая война и Февральская революция явились двумя дополнительными важными переломными моментами. Таким образом, для более полного понимания динамики субгосударственного национального строительства в течение первого десятилетия советской власти необходимо оценить важность различных дореволюционных сетевых структур, объединявших представителей центра и периферии государства, которые возникли в конце имперского периода, так как в 1920-х годах именно они реализовывали программы, сформулированные еще до большевистского переворота.

Одна из таких важных дореволюционных сетей, деятельность которой в 1920-х годах имела значительные политические последствия, связывала имперских востоковедов с представителями меньшинств восточных и южных окраин, рекрутированными в первые годы XX века санкт-петербургскими учеными в качестве научных ассистентов для оказания помощи в изучении «собственного Востока России». В начале 1920-х годов эти представители нацменьшинств получили руководящие посты во вновь созданных этнических автономиях Советского Союза. Имперские ученые представляли для национальных меньшинств империи очень важный источник национальных идей. В этом отношении Российская империя ничем не отличалась от других европейских империй, где национальные движения в колониальных владениях широко использовали результаты европейской ориенталистики.

Однако в точности так же, как состояние империи определяется процессами в ее колониях, представление имперских ученых формировалось под влиянием сотрудничавших с ними представителей нацменьшинств. Представления о буддизме и исламе как о национальных религиях разных этнических групп, многие из членов

которых, по сути, не были ни буддистами, ни мусульманами, конструировались имперскими востоковедами совместно с их единомышленниками из местных национальных сообществ, причем представители нацменьшинств играли ведущую роль в создании таких «изобретенных традиций». Сходным образом критика царской имперской политики и деятельности русских поселенцев на окраинах страны также формулировалась имперскими учеными в значительной степени на основе того, что было услышано ими от представителей восточных и южных нацменьшинств. Идеализация образа этих нацменьшинств и заявления об их превосходстве над русскими поселенцами, повторяемые либеральной русской интеллигенцией в период после революции 1905 года, были также результатом совместных усилий двух указанных групп.

Идея о том, что ситуация в империи формируется в ее колониях, имеет особое значение для России. Призывая не принимать за чистую монету большинство заявлений российских интеллектуалов и политиков о специфичности отношений России с Востоком, я тем не менее утверждаю в этой книге, что в производстве определенного вида востоковедческого знания (особенно в области изучения буддизма) в контексте первых трех десятилетий XX века роль местных представителей восточных и южных колониальных окраин была действительно более значительной в России, чем в других империях, занимающихся производством научного знания аналогичного типа. Важно, что эта роль открыто признавалась наиболее влиятельными столичными учеными и расценивалась как отличительная черта российской науки, придающая ей особую силу. Некоторые ученые с гордостью характеризовали полученное ими новое знание как симбиоз «западной» и «восточной» научных практик и утверждали, что в процессе производства этого знания они помогали представителям нацменьшинств России получить самостоятельное международное признание в науке.

Роль, которую сыграли представители неевропейских культур с имперских окраин, была одним из важных

факторов, обеспечивших ревизионистский характер российской науки начала XX века. Работы Кондакова, Ольденбурга, Марра, Щербатского, Барадийна, Розенберга и даже такого «традиционного» ученого, как Бартольд, демонстрируют сходство с постколониальными исследованиями, возникшими в Западной Европе и Соединенных Штатах в 1950–1960-х годах, с точки зрения как поставленных задач, так и некоторых рекомендуемых решений по проблемам, с которыми сталкивались специалисты по неевропейским культурам. Подобно современным постколониальным ученым, российские востоковеды начала XX века утверждали, что категории Востока, Запада, Европы и Азии являются политически и культурно детерминированными конструктами. Они нередко прямо отвергали дихотомию Восток – Запад как фикцию, порожденную европейским воображением, и критиковали стремление (обнаружить которое можно было и в научных кругах, и у представителей широкой публики) воспринимать неевропейские общества через серию бинарных оппозиций, отражающих прочную убежденность в превосходстве западноевропейских практик и норм. Они критиковали тенденцию судить о любой культуре и о любом обществе по западноевропейским меркам.

Таким образом, понимание того, что история, считавшаяся универсальной, «была на деле весьма предвзятой и избирательной», возникло не в 1950-е годы, как это часто предполагается⁷⁵⁸. Напротив, эта мысль стала одним из главных стимулов роста ревизионистских тенденций среди влиятельных европейских ориенталистов уже на рубеже XX века, особенно в академической среде Германии, Австрии и России.

В некоторых областях науки ревизионизм российских востоковедов проявлялся особенно явно и шел дальше, чем даже в немецком востоковедении. Осуждение

⁷⁵⁸ См., например: *Feierman S. Africa in History: The End of Universal Narratives // After Colonialism: Imperial Histories and Postcolonial Displacement / G. Prakash, ed. Princeton. NJ: Princeton University Press, 1994. P. 41.*

Щербатским и Розенбергом многих европейских научных теорий буддизма за их изображение современных буддийских практик как упадочных и за конструирование надуманного образа буддизма исключительно на основе филологических штудий древних текстов предвосхитило почти на полвека аналогичные выводы западных буддологов.

Ученые европейских империй XIX – начала XX века проявляли большую заинтересованность в проблеме отношений между европейской культурой и имперским господством Европы. Большинство из них были убеждены, что европейская культура и наука, особенно научное изучение истории и культуры Востока, сделали возможной европейскую колониальную экспансию и обеспечили господство Европы над миром. Большая часть имперских ученых с гордостью отмечала эту связь между властью и научными знаниями и использовала ее в качестве инструмента лоббирования правительств, чтобы добиться финансовой поддержки своих работ.

Тем не менее во время Первой мировой войны и особенно в 1920-х годах такие ученые, как Ольденбург и Марр, артикулировали доводы о развращающем влиянии колониальной политики на европейскую науку. Аргументация российских востоковедов стала известна ученым-марксистам из стран Ближнего Востока, обучавшимся в 1950-х годах в Советском Союзе. Одним из таких ученых был Анвар Абдель-Малек из Египта, чья работа оказала непосредственное влияние на Эдварда Саида в его критике восприятия Востока Европой.

Российские имперские востоковеды не были оригинальны в своем осуждении европоцентризма. Они скорее развили и заострили критику европоцентризма, которая формулировалась широкими интеллектуальными кругами Европы того времени. При этом они сумели высказать особенно радикальные идеи в контексте специфических условий в России в начале XX века. Сильные политические потрясения и социальные беспорядки в Российской империи в начале XX столетия способствовали радикальному пересмотру взглядов на привычные источники

авторитета и власти. Существование неевропейских обществ в пределах Российского (а позже — Советского) государства и поступление растущего числа их представителей в высшие учебные заведения на рубеже XX века способствовали возникновению особенно тесных связей между имперскими учеными и «туземными» лидерами колониальных окраин. Эти взаимодействия между представителями центра империи и ее периферии оказывали значительное влияние на тип разрабатываемого научного знания.

Распад Российской империи в ходе войны и революции и ее воссоздание с использованием антиколониальной идеологии подпитывали критику, высказываемую русской интеллигенцией в адрес европейского империализма. Обстановка децентрализации и хаоса в 1920-х годах ослабила существовавшие научные институциональные структуры и создала условия для развития междисциплинарных проектов, ставящих под сомнение общепризнанные научные подходы. Совокупность этих факторов подтолкнула российских и ранних советских востоковедов к тому, чтобы поставить вопросы, актуальность которых была признана их коллегами из Западной Европы и Соединенных Штатов лишь спустя несколько десятилетий.

В 1930-х годах грубое политическое вмешательство положило конец интеллектуальным экспериментам и новаторским общественным проектам главных персонажей этой книги. Многие ревизионистские тенденции, демонстрируемые учениками Розена, были пересмотрены, и попытки школы Щербатского отойти от европоцентристской интерпретации буддизма подверглись нападкам как преднамеренная клевета на марксизм, который критики Щербатского представляли как высочайшее достижение великой европейской цивилизации. Хотя советские ученые и продолжали проводить высококачественную научно-исследовательскую работу, особенно в том, что было связано с изучением древней и средневековой текстуальной традиции, советское исламоведение и буддология нередко воспроизводили те самые предрассудки

и стереотипы, от которых стремились освободить свои исследования последователи Розена.

С 1960-х годов в западной науке стал развиваться постколониальный подход, основанный на критической переоценке европейских научных наработок «эпохи империализма». Исследования российских востоковедов начала XX века не привлекли, однако, внимания, так как в период холодной войны современная Россия (СССР) не считалась частью Европы. Это представление было экстраполировано на прошлое, демонстрируя нам еще один пример того, насколько понятие «Европа» является на самом деле политическим конструктом.

Абдель-Малек в своей критике европейской науки о Востоке пытался привлечь внимание к вопросу о важности советского востоковедения для формирования новых подходов к изучению Востока на Западе. Но при этом он ошибочно принял за чистую монету утверждения (с которыми ознакомился во время своей учебы в Советском Союзе) о том, что идеал изучения Востока без влияния предрассудков и стереотипов европейского ориентализма нашел в СССР свое истинное воплощение⁷⁵⁹.

Постсоветская политика продолжает искажать наследие обсуждаемых в данной книге фигур. В новых государствах, возникших на территории Советского Союза в 1991 году, авторитет различных мыслителей прошлого регулярно привлекается для продвижения тех или иных политических взглядов по поводу настоящего и будущего⁷⁶⁰. Подобное произошло с Бартольдом, Марром, Барадийном, Цыбиковым и Жамцарано в государствах Кавказа, Средней Азии и в Бурятской автономной республике в составе Российской Федерации. Как правило, интеллектуальное наследие этих ученых используется в этих странах очень избирательно, для оправдания текущих

⁷⁵⁹ *Abdel-Malek A. Orientalism in Crisis // Diogenes. 1963. Vol. 11. No. 44. P. 127–128.*

⁷⁶⁰ *Tolz V. Forging the Nation: National Identity and Nation Building in Post-Communist Russia // Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50. No. 6. P. 994.*

националистических целей, что ведет к потере многогранности их идей и искажению основополагающих утверждений.

Среди российских политиков и культурных деятелей идеи российского востоковедения рубежа XIX–XX веков не сильно востребованы. Это любопытно, учитывая, что преобладающие сегодня политические и интеллектуальные дискурсы часто сосредоточены на российской специфике в силу предполагаемой уникальности отношений России с Востоком. Разумеется, что, как и в случае с любой интеллектуальной концепцией, находящейся под влиянием политического контекста, мы можем критиковать мировоззрение востоковедов прошлого за неспособность выйти за рамки моделей мышления, типичных для имперской эпохи. Утверждая, что русская культура была продуктом исторических взаимодействий между различными народами, которые внесли в нее свой разнообразный традиции и чьи исторические контакты приводили к возникновению новых форм творчества, имперские ученые идеализировали, а иногда и откровенно преуменьшали влияние условий политического доминирования и подчинения на отношения между колонизаторами и колонизированными народами. И все же, хотя востоковеды уязвимы в отношении критики такого рода, есть другие причины, которые должны объяснить, почему их выводы не цитируются в жарких дискуссиях между российскими политиками и интеллектуалами по поводу того, как очертить посткоммунистическую российскую идентичность и локализовать ее в системе отношений между Востоком и Западом; ведь в этих дебатах в качестве авторитетных источников часто выбираются более откровенные апологеты российского империализма⁷⁶¹.

⁷⁶¹ Tolz V. The Search for a National Identity in the Russia of Yeltsin and Putin // *Restructuring Post-Communist Russia* / Y. Brudny, J. Frankel, S. Hoffman, eds. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 160–178; *Eadem*. *Russia: Exiled, Submerged and Restored* // *Oxford Handbook of Russian History* / S. Dixon, ed. Oxford: Oxford University Press. (В печати).

Не уделяя внимания востоковедам школы Розена, современные политики и общественные деятели пренебрегают интеллектуальной традицией, которая включала положительную оценку культурных достижений Кавказа и Средней Азии, критиковала расовые и культурные предрассудки и рисовала образ России как открытого, многополярного культурного пространства. Вместо этого доминирующие сегодня дискурсы российской «восточно ориентированной» идентичности стараются приспособить к сегодняшним реалиям представления другой группы мыслителей начала XX века, также в высшей степени увлеченных темой российского Востока, а именно — евразийцев. В их наследии, которое включает в себя описание Европы как угрозы для России и спорадические заявления о превосходстве православия над другими религиями, аспекты, отличающие евразийцев от востоковедов школы Розена, похоже, пользуются гораздо большим спросом.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные материалы

Архив востоковедов, Институт восточных рукописей Российской Академии наук (Санкт-Петербург) (АВ ИВР РАН).

Ф. 28 Дмитрий Александрович Клеменц.

Ф. 39 Иван Павлович Минаев.

Ф. 44 Алексей Матвеевич Позднеев.

Ф. 47 Оттон Оттонович Розенберг.

Ф. 62 Цыбен Жамцарано.

Ф. 87 Банзар Барадийн.

Разряд II. Оп. 1 Буряты и калмыки.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Ф. 5783 Петр Николаевич Савицкий.

Российский Государственный исторический архив (РГИА).

Ф. 821. Оп. 133 Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД.

Ф. 954 Кауфманы.

Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (ПФ АРАН).

Ф. 1 Конференция АН.

Ф. 2 Канцелярия АН.

Ф. 68 Василий Владимирович Бартольд.

Ф. 135 Комиссия по изучению племенного состава населения России (СССР).

Ф. 138 Комиссия экспедиционных исследований.

Ф. 148 Русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии.

- Ф. 177 Василий Васильевич Радлов.
- Ф. 208 Сергей Федорович Ольденбург.
- Ф. 258 Тюркологический кабинет.
- Ф. 725 Федор Ипполитович Щербатской.
- Ф. 775 Василий Павлович Васильев.
- Ф. 777 Виктор Романович Розен.
- Ф. 780 Борис Яковлевич Владимирцов.
- Ф. 782 Александр Николаевич Самойлович.
- Ф. 800 Николай Яковлевич Марр.

Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербургский филиал Российской Академии наук (ИИМК ПФ РАН).

- Ф. 1 Императорская археологическая комиссия.
- Ф. 3 Русское археологическое общество.

Избранные опубликованные первоисточники (периодические издания)

Бюллетень Средне-Азиатского государственного университета.

Вестник Академии наук.

Восточное обозрение.

Восточный сборник.

День.

Древности восточные: Труды Восточной комиссии Московского археологического общества.

Живая старина.

Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП).

Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества (ЗВОРАО).

Записки Императорской Академии наук.

Известия Восточного института.

Известия Восточного отделения ИРГО (Известия ВОИРГО).

Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО (Известия ВСОИРГО).

Известия Императорского русского географического общества (Известия ИРГО).

Известия Императорской Академии наук / Известия Российской Академии наук / Известия Академии наук СССР.

Известия Кавказского отдела ИРГО.

Известия Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела ИРГО.

Литература Востока.

Мир ислама.

Мусульманский мир.

Новый Восток.

Онтографическое обозрение.

Отечественные записки.

Русская мысль.

Санкт-Петербургские ведомости.

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.

Сборник Музея антропологии и этнографии.

Сборник сведений о кавказских горцах.

Сибирская газета.

Сибирская живая старина.

Сибирские вопросы.

Туркестанские ведомости.

Фронт науки и техники.

Хозяйство Монголии.

Христианский Восток.

Этнографическое обозрение.

Опубликованные сборники документов, книги, статьи и отчеты

Барадийн Б. Б. Буддийские монастыри // Очерки истории бурятского народа / Под ред. М. Н. Богданова. Верхнеудинск: Бурят-монгол. изд-во, 1926. С. 108–151.

Барадийн Б. Б. Путешествие в Лавран // Известия ИРГО. 1908. Т. 49. Вып. 4. С. 183–232.

Бартольд В. В. Сочинения: В 9 т. / Ред. кол. Б. Г. Гафуров (пред.) и др. М.: Изд. вост. лит.; Наука, 1963–1977.

Бицилли П. М. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // На путях. Берлин: Геликон, 1922. С. 317–340.

Богданов М. Бурятское «возрождение» // Сибирские вопросы. 1907. № 3. С. 38–49.

Бонгард-Левин Г. М. Скифский роман. М.: РОССПЭН, 1997.

В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Издание О-ва для изучения Туркестана и иранских народностей за его пределами. Ташкент, 1927.

Васильев А. А. Византия и арабы. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1902.

Васильев В. Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1873.

Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам. Ч. 2: Проблемы буддийской философии / Сост. О. О. Розенберг. Фак. вост. яз. Имп. Петрогр. ун-та, 1916–1918.

Венюков М. И. Россия и Восток. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1877.

Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии. С половины VI века до настоящего времени. Берлин: Изд. евразийцев, 1934.

Веселовский А. Н. Избранные статьи. Л.: Худож. лит., 1939.

Веселовский Н. И. Барон В. Р. Розен // ЖМНП. 1908. Сер. XIV. № 4. Отд. 4. С. 167–188.

Веселовский Н. И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам, 1816–1881. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1887.

Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России // Труды третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге. 1876. Т. 1 / Под ред. В. В. Григорьева. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1879–1880. С. 97–256.

Глебов С. Евразийство между империей и модерном: история в документах. М.: Новое изд-во, 2009.

Григорьев В. В. Об отношении России к Востоку: Речь, произнес. исправляющим должность проф. В. Григорьевым. [Одесса, 1840].

Григорьев В. Ю. О значении местных музеев вообще и минусинского в частности // Известия Красноярского

подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества (ВСОИРГО). 1902. Вып. 1. Отд. 4. С. 1–22.

Гулиа Д. Л. Материалы по абхазской грамматике. Сухуми: Наркомпрос Абхазской ССР, 1927.

Дьяконова Н. В. Материалы Первой Русской Туркестанской экспедиции академика С. Ф. Ольденбурга, 1909–1910 гг. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1995.

Жамцарано Ц. Буряты и освободительное движение // Сибирские вопросы. 1907. № 7. С. 6–7.

Жамцарано Ц. Народническое движение бурят и его критика // Сибирские вопросы. 1907. № 21. С. 16–21; № 23. С. 17–20; № 24. С. 15–20; № 25. С. 15–21.

Жамцарано Ц. Путевые дневники. 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001.

Записка об исследовании кавказско-горских языков: приложение к IX тому Известий Кавказского Отдела ИРГО. Тифлис: Тип. канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1887. С. 3–16.

Исход к Востоку: сб. ст. / Под ред. О. С. Широкова. М.: Добросвет, 1997.

Карский Е. Ф. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. VII. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. С. 31–67.

Кауфмановский сборник. М.: Тип. товарищества И. Н. Кушнера, 1910.

Клеменц Д. А. Заметки о кочевом быте // Сибирские вопросы. 1908. № 49–52. С. 7–57.

Клеменц Д. А. Местные музеи: Их значение в провинциальной жизни // Сибирский сборник. Вып. II. Иркутск: Тип. К. И. Витковской, 1893. С. 1–35.

Клеменц Д. А. Пессимизм на бурятской почве // Сибирские вопросы, 1907. № 10. С. 7–23.

Кондаков Н. П. Воспоминания и думы / Сост., подгот. текста и прим. И. Л. Кызласовой. М.: Индрик, 2002.

Марр Н. Я. Доклад академика Н. Я. Марра о подготовительной деятельности по открытию Кавказского Историко-

Археологического института // Известия Российской Академии наук. 1917. Сер. VI. № 13 (окт.). С. 1000–1006.

Марр Н. Я. Записка академика Н. Я. Марра о Кавказском Историко-Археологическом институте // Известия Российской Академии наук. 1917. Сер. VI. № 13 (1 окт.). С. 962–992.

Марр Н. Я. Из поездки в Турецкий Лазистан // Известия Императорской Академии наук. 1910. Сер. VI. № 7 (15 апр.). С. 547–570.

Марр Н. Я. Избранные работы: В 5 т. Л.: ГАИМК, 1933–1937.

Марр Н. Я. Отчет академика Н. Я. Марра о командировке летом 1916 года на Кавказ для охраны памятников в районе военных действий // Известия Императорской Академии наук. 1916. Сер. VI. № 16 (15 нояб.). С. 1476–1483.

Мерген А. Д. А. Клеменц и сибирские инородцы // Известия ВСОИРГО. 1916. Т. 45 (1917): Посвящ. памяти Дмитрия Александровича Клеменца. С. 241–256.

Миллер В. Осетинские этюды. Ч. 1. М.: Тип. Ф. Б. Миллера, 1881.

Могиланский Н. М. Областной или местный музей как тип культурного учреждения // Живая старина. Вып. XXV. Пг.: Тип. С. В. Смирнова, 1917. С. 303–326.

Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент: Тип. Товарищества печатного дела, 1913.

Национальное образование в России: концепции, взгляды, мнения. 1905–1917. Сб. документов. Ч. 1. 1905–1917 гг. М.: ИНПО, 1999.

Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений в России. Начало XX в. Томск: Изд-во науч.-тех. лит., 1998.

Национальный вопрос на перекрестке мнений. 20-е годы: Документы и материалы. М.: Наука, 1992.

Неизвестные страницы отечественного востоковедения: Сб. Вып. 2 / Сост. В. В. Наумкин (отв. ред.), И. М. Смилянская. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 2004.

Неизданные работы О. О. Розенберга / Сост. Т. В. Ермакова. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1990.

Никольский М. В. Мотивированное предложение об образовании восточной комиссии // Древности восточные: Труды Восточной комис. Моск. археол. о-ва. 1889. Т. 1. Вып. 1. С. 3–10.

О проекте Практической восточной академии: записка группы русских востоковедов. Петроград: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1916.

Ольденбург С. Ф. Востоковедение в Академии наук на новых путях // Вестник Академии наук СССР. 1931. № 2. С. 9–11.

Ольденбург С. Ф. Институт изучения буддийской культуры / С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, М. И. Тубянский // Известия Академии наук СССР. 1927. Сер. VI. Вып. XXI. № 18. 1701–1704.

Ольденбург С. Ф. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по Буддизму // Известия Российской Академии наук. 1918. Сер. VI. Т. XII. № 7. С. 531–548.

Ольденбург С. Ф. Советское востоковедение // Фронт науки и техники. 1931. № 7 / 8. С. 64–65.

Остроумов Н. П. Исламоведение. Аравия, колыбель ислама. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

Памяти Барона Виктора Романовича Розена. Прил. к XVIII тому ЗВОРАО. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1909.

Патейна Н. С. Избранное. Сухуми: Алашара, 1978.

Программа для собрания материалов по изучению Кавказа. Тифлис: Тип. канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1900.

Радлов В. Из Сибири: страницы из дневника. М.: Наука, 1989.

Ранние славянофилы: А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы / Сост. Н. Л. Бродский. Москва: т-во И. Д. Сытина, 1910.

Розен В. Р. О Восточном факультете и восточных кафедрах // ЖМНП. 1891. Вып. 273. Отд. II (янв.). С. 161. С. 159–165.

Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн: Антология / Ред.-сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М.: Наука, 1993.

Ростовцев М. Международное научное общение // Русская мысль. 1916. Кн. 3. С. 74–81.

Савицкий П. Н. В. В. Бартольд как историк // Семинарий им. Н. П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum). Т. 4. Прага, 1931. С. 262–271.

Скалозубов Н. Л. Организация общественных сил в целях изучения Сибири. СПб.: Тип. Альшулера, 1912. С. 23.

Снесарев А. Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1906.

Стенографический отчет второго пленума Всесоюзного комитета нового тюркского алфавита. Баку: Издание ВцКНТА, 1929. С. 172.

Толстой И. Русские древности в памятниках искусства. Вып. I / И. Толстой, Н. Кондаков. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения, 1889. С. III.

Трубецкой Н. С. История, культура, язык. М.: Прогресс, 1995.

Труды V-го Археологического съезда в Тифлисе. 1881 / Под ред. гр. Уваровой. М., 1887.

Труды Третьего Международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге, 1876 / Под ред. В. В. Григорьева. СПб.: Типография бр. Пантелеевых, 1879–1880.

Услар П. К. Этнография Кавказа, языкознание. Ч. II. Чеченский язык. Тифлис: Тип. канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1888.

Фалев П. А. Отчет о поездке в Закавказье и в Азербайджан летом 1916 года (в связи с охраной памятников восточных древностей на Кавказском фронте // Известия Императорской Академии наук. 1917. Сер. VI. № 3 (15 февр.). С. 171–173.

Формы национальных движений в современных государствах / Под ред. А. Кастелянского. СПб.: Общественная польза, 1910.

Цыбиков Г. Ц. Избранные труды: В 2 т. Новосибирск: Наука, 1991.

Чарая П. Об отношении абхазского языка к яфетическим. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1912.

Чочуа А. М. Собрание сочинений: В 3 т. Сухуми: Сабчота Сакартвело, 1976.

Чукбарь А. И. Рассказы и статьи. Сухуми: Алашара, 1975.

Штернберг Л. Из жизни и деятельности Василия Васильевича Радлова // Живая старина. 1909. Вып. II–III. С. XIX–XXII.

Щербатской С. Ф. Записка об ученых трудах профессора Федора Ипполитовича Щербатского / С. Ф. Щербатской, П. К. Коковцев, Н. Я. Марр и В. В. Бартольд // Известия Российской Академии наук. 1918. Сер. VI. Т. XII. № 16. С. 1712–1722.

Щербатской Ф. И. Теория познания и логики по учению позднейших буддистов: В 2 ч. СПб.: Герольд. 1903–1909.

Ядринцев Н. М. Сибирская колония. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882.

Dugat G. Histoire des orientalistes de l'Europe du XIIe au XIXe siecle. 2 vols. Paris: Maisonneuve et Cie, 1868–1870.

Mohl J. Vingt-sept ans d'histoire des études orientales: rapports faits à la Société asiatique de Paris de 1840 à 1867, 2 vols. Paris: Reinwald, 1879–1880.

Trubetskoi N. S. The Legacy of Genghis Khan. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1991.

Trubetzkoy N. S. Letters and Notes. The Hague: Mouton, 1975.

Избранные научные публикации

Байсвенгер М. Жизненный путь и научная деятельность Н. П. Кондакова в эмиграции // Зарубежные славяне в прошлом и настоящем: Сб. науч. тр. / Под. ред. Л. П. Лаптевой. М.: Диалог-МГУ, 1999. С. 165–183.

Барберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН, 2010.

Буддийский взгляд на мир / Ред.-сост. Е. П. Островская, В. И. Рудой. СПб.: Андреев и сыновья, 1994.

Васильков Я. В. Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф. И. Щербатского // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 4. М.: Наука, 1989. С. 178–223.

Васильков Я. В. Трагедия академика Марра // Христианский Восток. 2001. № 2. С. 390–421.

Герасимова К. М. Обновленческое движение бурятского ламанского духовенства (1917–1930). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964.

Глебов С. Границы империи и границы модерна. Антиколониальная риторика и теория культурных типов в Евразийстве // *Ab Imperio*. 2003. № 2. С. 267–291.

Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми: Алашара, 1979.

Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX века: (Россия и сопред. страны). СПб.: Наука: С.-Петербург. изд. фирма, 1998.

Жирмунская-Аствацатурова В. В. В. М. Жирмунский и эпоха сталинизма // *Russian Literature*. 2008. Vol. 63. Is. 2–4 (15 Feb.–15 May). P. 367–396.

Зарубежная Россия: 1917–1939: [сб. ст.] / Редкол.: В. Ю. Черняев (отв. ред.) и др. СПб.: Лики России, 2003.

Зорин А. Крым в истории русского самосознания // Новое литературное обозрение. 1993. № 31. С. 123–143.

Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР. М.: Наука, 1977.

Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века): Сб. науч. ст. / Отв. ред. П. И. Савельев. М.: ЗАО «Первый печ. двор», 1997.

Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми: Алашара, 1965.

Инал-Ипа Ш. Д. Страницы абхазской литературы. Сухуми: Алашара, 1980.

История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года / [А. А. Вигасин, П. М. Шаститко, А. П. Базиянц и др.; редкол.: А. А. Вигасин и др.]; Рос. Акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1997.

Каганович Б. С. Сергей Федорович Ольденбург: Опыт биографии. СПб.: Феникс, 2006.

Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов: Сб. ст. / Ред. Б. Гаспаров и др. М.: Объед. гуманитар. изд-во, 1997.

Калоев Б. А. В. Ф. Миллер – кавказовед. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1963.

Козулин А. В. Демографические процессы в Забайкалье (конец XIX — начало XX века) / А. В. Козулин. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2004.

Кондратенко Д. П. Самодержавие, либералы и национальный вопрос в России в конце XIX — начале XX века. Киров: Вятский гос. гуманитар. ун-т, 2005.

Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М.: Изд-во восточной литературы, 1961.

Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. М.: РОССПЭН, 2001.

Крачковский И. Ю. Избранные сочинения: В 6 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955–1960.

Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950.

Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб.: Петербургское востоковедение, 1994.

Куликова А. М. Российское востоковедение XIX века в лицах. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.

Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М.: Наталис, 2004.

Лунин Б. В. Жизнь и деятельность академика В. В. Бартольда: Средняя Азия в отечественном востоковедении. Ташкент: Фан, 1981.

Лунин Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность (конец XIX — начало XX в.). Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1962.

Лунин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1965.

Лунин Б. В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Историографический очерк. Ташкент: Фан, 1979.

Мир Кондакова: Публикации. Статьи. Каталог выставки / [Сост. И. Л. Кызласова]. М.: Рус. путь, 2004.

Могильнер М. Номо impregii. История физической антропологии в России (конец XIX — начало XX в.). М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Национальная политика в императорской России: Цивилизов. окраины (Финляндия, Польша, Прибалтика, Бессарабия, Украина, Закавказье, Сред. Азия): [Документы] / Сост., ред. и авт. вступ. ст. Ю. И. Семенов. М.: Старый сад, 1997.

Национальная политика России: история и современность / С. В. Кулешов, Д. А. Аманжолова, О. В. Волобуев и др.; ред. совет: В. А. Михайлов (отв. ред.) и др. М.: Информ.-изд. агентство «Рус. мир», 1997.

Оглезнева Т. Н. Русское Географическое Общество: изучение народов северо-востока Азии. 1845–1917. Новосибирск: Наука, 1994.

Освободительное движение в России и якутская политическая ссылка. Ч. II. Якутск: Якутский научный центр СО АН СССР, 1990.

Памяти академика В. Р. Розена: статьи и материалы к 40-летию со дня его смерти (1908–1948) / Под ред. И. Ю. Крачковского. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947.

Пащенко В. Я. Идеология евразийства / В. Я. Пащенко. М.: Изд-во МГУ, 2000.

Платонова Н. Истоки Санкт-Петербургской школы археологии // Археолог, детектив и мыслитель: Сб. ст., посвящ. 77-летию Л. С. Клейна / Отв. редакторы: Л. Б. Вишняцкий, А. А. Ковалев, О. А. Щеглова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 43–71.

Платонова Н. Николай Яковлевич Марр: археолог и организатор археологической науки // Археологические вести. 1998. № 5. С. 371–382.

Пятигорский А. М. О. О. Розенберг и проблема языка описания в буддологии // Труды по знаковым системам. Т. V. Тарту: Изд-во Тартуского университета, 1971. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 284).

Решетов А. М. Наука и политика в судьбе Ц. Ж. Жамцарано // Orient: Альманах. Исследователи Центральной Азии в судьбах России. 1998. Вып 2–3. С. 5–55.

Рзаев А. К. Очерки об ученых и мыслителях Азербайджана XIX века. Баку: Маариф, 1969.

Северный Кавказ в составе Российской империи / Сост. В. О. Бобровников, И. Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Сергей Федорович Ольденбург / Редкол.: Г. К. Скрябин, Е. М. Примаков (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1986.

Сергею Федоровичу Ольденбургу: к пятидесятилетию научно-общественной деятельности, 1882–1932: Сб. статей. Л.: Изд-во АН СССР, 1934.

Тункина И. В. Материалы к биографии Н. П. Кондакова // Никодим Павлович Кондаков, 1844–1925: личность, науч. наследие, архив: К 150-летию со дня рождения: Каталог. СПб.: Palace Editions, 2001. С. 9–23.

Хварцкия М. Андрей Максимович Чочуа. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1981. С. 108–141.

Хусаинов К. В. В. Радлов и казахский язык. Алма-Ата: Наука, 1981.

Шнифельман В. А. Войны памяти: Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003.

A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / R. Suny, T. Martin, eds. New York: Oxford University Press, 2001.

Abdel-Malek A. Orientalism in Crisis // *Diogenes*. 1963. Is. 11. No. 44. P. 104–112.

Adas M. *Machines as the Measure of Men: Science, Technology, and Ideologies of Western Dominance.* Ithaca: Cornell University Press, 1989.

After colonialism: imperial histories and postcolonial displacements / G. Prakash., ed. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1995.

Ahmad A. *Between Orientalism and Historicism: Anthropological Knowledge of India // Studies in History.* 1991. Vol. 7. Is. 1. P. 135–163.

Almond P. C. *The British Discovery of Buddhism.* Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism.* London: Verso, 1991.

Anthropology and the Colonial Encounter / T. Asad, ed. Atlantic Highlands: Humanities Press, 1995.

Applegate C. *A Nation of Provincials: The German Idea of Heimat.* Berkeley: University of California Press, 1990.

Armitage D. The Ideological Origins of the British Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Ballantyne T. Orientalism and Race. Aryanism in the British Empire. Houndmills: Palgrave, 2002.

Bassin M. Classical Eurasianism and the Geopolitics of Russian Identity // *Ab Imperio*. 2003. No. 2. P. 257–267.

Bassin M. Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Bassin M. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // *American Historical Review*. 1991. Vol. 96. No. 3. P. 763–794.

Bassin M. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. No. 1. P. 1–17.

Bayly C. A. Empire and Information: Intelligence Gathering and Social Communication in India, 1780–1870. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Becker S. Russia Between East and West: the Intelligentsia, Russian National Identity and the Asian Borderlands // *Central Asian Survey*. 1991. Vol. 20. Is. 4. P. 47–64.

Becker S. The Muslim East in Nineteenth-Century Russian Popular Historiography // *Central Asian Survey*. 1986. Vol. 5. Is. 3–4. P. 5–47.

Beers D. Renovating Russia. The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity, 1880–1930. Ithaca: Cornell University Press, 2008.

Beisswenger M. Eurasianism Then and Now: A Russian Conservative Movement and its Ukrainian Challenge // *Ukraine, the EU and Russia: History, Culture and International Relations* / S. Velychenko, ed. Houdmills: Palgrave, 2007. P. 27–51.

Bennett T. The Birth of the Museum: History, Theory, Politics. London; Routledge, 1995.

Bennigsen A., Lemercier-Quelquejey Ch. Islam in the Soviet Union. New York: Praeger, 1967.

Berger S., Miller A. Nation-building and Regional Integration, c. 1800–1914: the Role of Empires // *European Review of History*. 2008. Vol. 15. Is. 3. P. 317–330.

Berlin I. Russian Thinkers. London: Penguin, 1978.

Bernstein A. Pilgrims, Fieldworkers, and Secret Agents: Buryat Buddhologists and Eurasian Imaginary // Inner Asia. Vol. 11. No. 1. 2009. P. 23–45.

Bourdieu P. The Logic of Practice. Stanford: Stanford University Press, 1990.

Brandist C. Le marrisme et l'héritage de la Völkerpsychologie dans la linguistique soviétique // Cahiers de l'ILSL. 2005. No. 20. P. 29–56.

Brandist C. Marxism and the Philosophy of Language in Russia in the 1920's–1930's // Historical Materialism. 2005. Vol. 13. Is. 1. P. 63–84.

Brandist C. Sociological Linguistics in Leningrad: The Institute for the Comparative History of the Literatures and Languages of the West and East (ILJAZV) 1921–1933 // Russian Literature. 2008. Vol. 63. Is. 2–4. P. 171–200.

Brandist C. The Rise of Soviet Sociolinguistics from the ashes of Völkerpsychologie // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2006. Vol. 42. Is. 3. P. 261–277.

Bregel Y. Barthold and Modern Oriental Studies // International Journal of Middle East Studies. 1980. Vol. 12. Is. 3. P. 385–403.

Brower D. R. Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London; New York: RoutledgeCurzon, 2003.

Burbank J. Empires in World history: Power and the Politics of Difference / J. Burbank, F. Cooper. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2010.

Cadiot J. Le laboratoire imperial: Russie-URSS, 1860–1940. Paris: CNRS, 2007.

Cadiot J. Russia Learns to Write. Slavists, Politics, and the Struggle to Redefine Empire in the Early 20th Century // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. 2008. Vol. 9. Is. 1. P. 135–168.

Cannadine D. Ornamentalism: How the British Saw Their Empire. London: Penguin, 2002.

Carlson M. No Religion Higher Than Truth: a History of the Theosophical Movement in Russia, 1875–1922. Princeton: Princeton University Press, 1993.

Chakrabarty D. Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton: Princeton University Press, 2000.

Chatterjee P. The nation and its fragments: colonial and postcolonial histories. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993.

Chaudhuri N. Scholar Extraordinary: The Life of Professor the Rt. Hon. Friedrich Max Müller. Delhi: Oxford University Press, 1974.

Clifford J. The Predicament of Culture: Twentieth Century Ethnography, Literature and Art. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988.

Cohn B. An Anthropologist among the Historians and Other Essays. New York: Oxford University Press, 1988.

Cohn B. Colonialism and Its Forms of Knowledge: The British in India. Princeton: Princeton University Press, 1996.

Colonialism and culture / N. B. Dirks, ed. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1992.

Cooper F. Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History. Berkeley: University of California Press, 2005.

Cornwall M. The Habsburg Monarchy: «National Trinity» and the Elasticity of National Allegiance // What Is a Nation? Europe 1789–1914 / T. Baycroft, M. Hewitson, eds. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 171–191.

Crews R. Empire and the Confessional State: Islam and the Religious Politics in Nineteenth-Century Russia // American Historical Review. 2003. Vol. 108. No. 1. P. 50–83.

Crews R. D. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006.

Curators of the Buddha: the study of Buddhism under colonialism / D.S. Lopez, Jr., ed. Chicago, Ill.: University of Chicago Press, 1995.

De Jong J. W. A Brief History of Buddhist Studies in Europe and America. Delhi: Sri Satguru Publications, 1987.

Denationalizing Science: the Contexts of International Scientific Practice / E. Crawford, T. Shinn, S. Sörlin, eds. Dordrecht; Boston: Kluwer Academic Publishers, 1993.

Dirks N. B. Castes of Mind: Colonialism and the Making of Modern India. Princeton: Princeton University Press, 2001.

Dodson M. S. Orientalism, Empire and National Culture: India, 1770–1880. Basingstoke: Palgrave, 2007.

Dowler W. Classroom and Empire: The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2001.

Empire Speaks out: Languages of rationalization and Self-description in the Russian Empire / I. Gerasimov, J. Kusber, A. Semyonov, eds. Leiden; Boston: Brill; 2009.

Etkind A. Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. Cambridge: Polity Press, 2011.

Evans Ch. T. Vasilii Barthold: Orientalism in Russia? // Russian History. 1999. Vol. 26. Is. 1. P. 25–44.

Geography and Empire / A. Godlewska, N. Smith, eds. Oxford, UK; Cambridge, Mass., USA: Blackwell, 1994.

Geraci R. P. Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2001.

Glebov S. Wither Eurasia: History of Ideas in an Imperial Situation // Ab Imperio. 2008. No. 2. P. 345–376.

Graham L. Naming Infinity: A True Story of Religious Mysticism and Mathematical Creativity / L. Graham, J.-M. Kantor, eds. Cambridge: Harvard University Press, 2009.

Grant B. In the Soviet House of Culture: A Century of Perestroikas. Princeton: Princeton University Press, 1995.

Greenleaf M. Pushkin and Romantic Fashion: Fragment, Elegy, Orient, Irony. Stanford: Stanford University Press, 1994.

Hagen G. German Heralds of Holy War: Orientologists and Applied Oriental Studies // Comparative Studies of South Asia, Africa, and the Middle East. 2004. Vol. 24. No. 2. P. 154–155.

Halperin Ch. J. George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols, and Russia // Slavic Review. 1982. Vol. 41. No. 3. P. 477–496.

Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2005.

Holquist P. Dilemmas of a Progressive Administrator: Baron Boris Nolde // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. Vol. 7. Is. 2. P. 241–273.

Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002.

Hosking G. Russia: People and Empire, 1552–1917. London: Harper Collins, 1997.

Hroch M. From National Movement to the Fully-Formed Nation: The Nation-Building Process in Europe // *Becoming National. A Reader* / G. Eley, R. G. Suny, eds. New York: Oxford University Press, 1996. P. 60–77.

Imperial Rule / A. Miller, A.J. Rieber, eds. Budapest: Central European University Press, 2004.

Irschick E. Dialogue and History: Constructing South India, 1795–1895. Berkeley: University of California Press, 1994.

Jenkins J. German Orientalism: Introduction // *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. 2004. Vol. 24. No. 2. P. 97–100.

Jersild A. L. Faith, Custom, and Ritual in the Boderlands: Orthodoxy, Islam, and the «Small Peoples» of the Middle Volga and the North Caucasus // *The Russian Review*. 2000. Vol. 59. Is. 4. P. 512–529.

Jersild A. L. Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917. Ithaca: McGill-Queen's University Press, 2002.

Kan S. Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist. Lincoln: University of Nebraska Press, 2009.

Kappeler A. The Russian Empire: A Multi-Ethnic History. New York; London: Longman, 2001.

Kemper M. The Soviet Discourse and the Origin and Class Character of Islam, 1923–1933 // *Die Welt des Islams*. 2009. Vol. 49. No. 1. P. 1–48.

Khalid A. Backwardness and the Quest for Civilization: Early Soviet Central Asia in Comparative Perspective // *Slavic Review*. 2006. Vol. 65. No. 2. P. 231–251.

Khalid A. Russian History and the Debate over Orientalism // *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History*. 2000. Vol. 1. Is. 4. P. 691–699.

Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley: University of California Press, 1998.

Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. No. 1. P. 74–100.

Knight N. On Russian Orientalism: A Response to Adeb Khalid; *Todorova M.* Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? A Contribution to the Debate between Nathaniel Knight and Adeb Khalid // *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History*. 2000. Vol. 1. Is. 4. P. 701–715.

Knight N. Science, Empire and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845–1855 // *Imperial Russia: New Histories for the Empire* / J. Burbank, D. Ransel, eds. Bloomington: Indiana University Press, 1998.

Kojevnikov A. The Great War, the Russian Civil War, and the Invention of Big Science // *Science in Context*. 2002. Vol. 15. Is. 2. P. 239–275.

Kollmar-Paulenz K. Otto Ottonovich Rozenberg and His Contribution to Buddhology in Russia / K. Kollmar-Paulenz, J. S. Barlow, eds. Vienna: Institut für Südasien-, Tibet- und Buddhismuskunde Universität Wien, 1998. (Wiener Studien zur Tibetologie und Buddhismuskunde, No. 41.)

Kopf D. Hermeneutics versus History // *Journal of Asian Studies*. 1980. Vol. 39. Is. 3. P. 495–506.

Kreindler I. A Neglected Source of Lenin's Nationalities Policy // *Slavic Review*. 1977. Vol. 36. No. 1. P. 86–100.

Laruelle M. Mythe aryen et rêve impérial dans la Russie du XIXe siècle / Préf. de Pierre-André Taguieff. Paris: CNRS Editions, 2005.

Laruelle M. The Concept of Ethnogenesis in Central Asia: Political Context and Institutional Mediators (1940–50) // *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History*. 2008. Vol. 9. Is. 1. P. 169–188.

Layton S. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoi. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Lebovics H. True France: The Wars over Cultural Identity, 1900–1945. Ithaca: Cornell University Press, 1992.

Lewis B. Islam and the West. New York: Oxford University Press, 1993.

Lewis M. The Myth of Continents. A Critique of Metageography / M. Lewis, K. Wigen, eds. Berkeley: University of California, 1997.

Liulevicius V. G. War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity, and German Occupation in World War I. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Lohr E. Nationalizing the Russian Empire: the Campaign Against Enemy Aliens During World War I. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003.

Lohr E. The Ideal Citizen and Real Subject in Late Imperial Russia // *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. Vol. 7. Is. 2. P. 173–194.

MacKenzie J. Orientalism: History, Theory and the Arts. Manchester: Manchester University Press, 1995.

Marchand S. Down from Olympus: Archaeology and Philhellenism in Germany, 1750–1970. Princeton: Princeton University Press, 1996.

Marchand S. German Orientalism and the Decline of the West // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 2001. Vol. 145. No. 4. P. 465–473.

Marchand S. German Orientalism in the Age of Empire: Religion, Race, and Scholarship. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Marchand S. The Rhetoric of Artifacts and the Decline of Classical Humanism: The Case of Josef Strzygowski // *History and Theory*. 1994. Vol. 33, No. 4. P. 106–130.

Marshall A. The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. London: Routledge Curzon Press, 2006.

Martin T. Modernization or Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism // *Stalinism. New Directions* / Sh. Fitzpatrick, ed. London: Routledge, 2000. P. 348–367.

Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001.

Metcalf Th. The Ideologies of the Raj. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Miller A. The Romanov Empire and Nationalism. Budapest: Central European University Press, 2008.

Montgomery R. W. Late Tsarist and Early Soviet Nationality and Cultural Policy: The Buriats and Their Language. Lampeter: Edwin Mellen, 2005.

Nationalism and Archaeology in Europe / M. Diaz-Adreu, T. Champion, eds. Boulder: Westview, 1996.

Orientalism and Empire in Russia / M. David-Fox, P. Holquist, A. Martin, eds. Bloomington: Slavica, 2006.

Orientalism and the Postcolonial Predicament. Perspectives on South Asia / C. A. Breckenridge, P. van der Veer, eds. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1993.

Orientalism: A Reader / A. L. Macfiee, ed. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000.

Paret R. The Study of Arabic and Islam at German Universities. Wiesbaden: Franz Steiner, 1968.

Pitts J. A Turn to Empire: The Rising of Imperial Liberalism in Britain and France. Princeton: Princeton University Press, 2005.

Pollock Sh. Deep Orientalism? Notes on Sanskrit and Power Beyond the Raj // Orientalism and the Postcolonial Predicament / C. A. Breckenridge, P. van der Veer, eds. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1993. P. 76–115.

Prakash G. Another Reason: Science and the Imagination of Modern India. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1999.

Primitivism in 20-th-Century Art: Affinity of the Tribal and the Modern / W. Rubin, ed. New York: MOMA, 1988.

Raj K. Colonial Encounters and the Forging of New Knowledge and National Identities: Great Britain and India, 1760–1850 // Osiris. 2000. Ser. 2. Vol. 15. P. 119–134.

Raj K. Relocating Modern Science: Circulation and the Construction of Knowledge in South Asia and Europe, 1650–1900. Basingstoke: Macmillan, 2007.

Randall P. A. Religion, War, and Revolution: E. N. Trubetskoi's Liberal Construction of Russian National Identity, 1912–1920 // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. Vol. 7. Is. 2. P. 195–240.

Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East / S. Kotkin, D. Wolff, eds. Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe, 1995.

Riasanovsky N. Prince N. S. Trubetskoi's Europe and Mankind // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1964. Bd. 13. P. 207–220.

Riasanovsky N. The Emergence of Eurasianism // California Slavic Studies. 1967. Vol. 4. P. 39–72.

Rodinson M. La fascination de l'islam. Paris: Maspero, 1980.

Roshwald A. Ethnic Nationalism and the Fall of Empires: Central Europe, Russia and the Middle East, 1914–1923. London: Routledge, 2001.

Russia Abroad. Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938 / C. Adreyev, I. Savicky, eds. New Haven: Yale University Press, 2004.

Russia and Asia: Essays on the Influence of Russia on the Asian People / W.S. Vucinich, ed. Stanford: Hoover Institution Press, 1972.

Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930 / J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev, eds. Bloomington: Indiana University Press, 2007.

Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917 / D. Brower, E. Lazzarini, eds. Bloomington: Indiana University Press, 1997.

Said E. Culture and imperialism. New York: Knopf: Distributed by Random House, 1993.

Said E. Orientalism. London: Routledge, 1978.

Schimmelpenninck van der Oye D. Mirza Kazem-Bek and the Kazan School of Russian Orientology // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. 2008. Vol. 28. No. 3. P. 443–458.

Schimmelpenninck van der Oye D. Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration. Haven: Yale University Press, 2010.

Schwab R. The Oriental Renaissance: Europe's Rediscovery of India and the East, 1680–1880. New York: Columbia University Press, 1984.

Sharp J. A. Russian Modernism between East and West: Natal'ia Goncharova and the Moscow Avant-Garde. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Sharf R. H. The Zen of Japanese Nationalism // History of Religion. 1993. Vol. 33. No. 1. P. 1–43.

Slezkine Y. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca: Cornell University Press, 1994.

Slezkine Y. N. Ia. Marr and the National Origins of Soviet Ethnogenetics // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55. No. 4. P. 826–862.

Slocum J. Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category «Aliens» in Imperial Russia // *Russian Review*. 1998. Vol. 57. Is. 2. P. 173–190.

Smith J. The Bolsheviks and the National Question, 1917–1923. Basingstoke: Macmillan, 1999.

Smith M. Language and Power in the Creation of the USSR, 1917–1953. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998.

Snodgrass J. Defining Modern Buddhism: Mr. and Mrs. Rhys Davids and the Pāli Text Society // *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. 2007. Vol. 27. No. 1. P. 186–202.

Snodgrass J. Presenting Japanese Buddhism to the West: Orientalism, Occidentalism, and the Columbian Exposition. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2003.

Solomon S. G. Circulation of Knowledge and the Russian Locale // *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History*. 2008. Vol. 9. Is. 1. P. 9–26.

Ssorin-Chaikov N. V. The Social Life of the State in Subarctic Siberia. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2003.

Steinwedel Ch. To Make a Difference: the Category of Ethnicity in Late Imperial Russian Politics, 1861–1917 // *Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices* / D. Hoffman, Y. Kotsonis, eds. Basingstoke: Macmillan, 2000. P. 67–86.

Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York: Oxford University Press, 1989.

Stocking G. W. Victorian Anthropology. New York: Free Press; London: Collier Macmillan, 1987.

Sunderland W. Russians into Iakuts? «Going Native» and Problems of Russian National Identity in the Siberian North, the 1870's–1914 // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55. No. 4. P. 806–825.

Sunderland W. Taming the Wild Field. Colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca: Cornell University Press, 2004.

Swietochowski T. Russian Azerbaijan, 1905–1920: The Shaping of a National Identity in a Muslim Community. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Tensions of Empire: Colonial Cultures in a Bourgeois world / Fr. Cooper, A. L. Stoler, eds. Berkeley, Calif.: University of California Press, 1997.

The Politics of Method in the Human Sciences: Positivism and Its Epistemological Others / G. Steinmetz, ed. Durham: Duke University Press, 2005.

Thomas L. L. The Linguistic Theories of N.Ya. Marr. Berkeley: University of California Press, 1957.

Tihanov G. Why Did Modern Literary Theory Originate in Central and Eastern Europe? (And Why Is It Now Dead?) // Common Knowledge. 2004. Vol. 10. No. 1. P. 61–81.

Tolz V. European, National, and (Anti-)Imperial: The Formation of Academic Oriental Studies in Late Tsarist and Early Soviet Russia // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. 2008. Vol. 9. Is. 1. P. 53–81.

Tolz V. Imperial Scholars and Minority Nationalisms in Late Tsarist and Early Soviet Russia // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. 2009. Vol. 10. Is. 2. P. 261–290.

Tolz V. Orientalism, Nationalism and Ethnic Diversity in Late Imperial Russia // The Historical Journal. 2005. Vol. 48. No. 1. P. 127–150.

Tolz V. Russia: Empire or a Nation-State-in-the-Making? // What Is a Nation? Europe 1789–1914 / T. Baycroft, M. Hewitson, eds. Oxford; New York: Oxford University Press, 2006. P. 293–311.

Tolz V. Russia: Inventing the Nation. London: Edward Arnold, 2001.

Tolz V. Russian Academicians and the Revolution: Combining Professionalism and Politics. New York: St. Martin's Press, 1997.

Vucinich A. Empire of Knowledge: the Academy of Sciences of the USSR (1917–1970). Berkeley: University of California Press, 1984.

Vucinich A. Social Thought in Tsarist Russia: The Quest for a General Science of Society, 1861–1917. Chicago: Chicago University Press, 1976.

Weeks Th. Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1996.

Weindling P. Health, Race, and German Politics between National Unification and Nazism, 1870–1945. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Weiss P. Kandinsky and Old Russia: The Artist as Ethnographer and Shaman. New Haven: Yale University Press, 1995.

Weitz E. From Vienna to the Paris System: International Politics and the Entangled Histories of Human Rights, Forced Deportations, and Civilizing Missions // *American Historical Review*. 2008. Vol. 113. Is. 5. P. 1313–1343.

Werth P. W. At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. Ithaca: Cornell University Press, 2002.

Wiederkehr S. Die eurasische Bewegung. Cologne: Böhlau, 2007.

Williams L. Blakeney Modernism and the Ideology of History. Literature. Politics and the Past. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Wolff L. Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization in the Mind of the Enlightenment. Stanford: Stanford University Press, 1994..

Wortman R. Intellectual Constructs and Political Issues // *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. Vol. 7. Is. 2. P. 275–282.

Zuercher E. J. Identity Politics in Central Asia and the Muslim World. London: I. B. Tauris, 2001.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Российское востоковедение и «восточный Ренессанс» в Европе на рубеже XX века	5
Барон Розен и «новая школа» востоковедения	13
Ученики Розена	25
Глава 1. Нация, империя и региональная интеграция	41
Мышление по-имперски	51
Мышление в национальных категориях	58
Проекты интеграции нацменьшинств	68
Глава 2. Восприятие Востока и Запада	87
Анализ категорий «Восток» и «Запад»	92
Отказ от дихотомии Восток – Запад	98
Пересмотр положения России по отношению к Европе	104
Востоковеды и евразийцы	111
Глава 3. Власть и знание	122
Европейская культура и господство над Востоком	124
«Чистая» наука против науки «практической»	129
Самобытность России?	140
Заключение	147

Глава 4. Критика европейской науки	150
Критика ориенталистики в работах Бартольда, Марра и Ольденбурга	155
Методологические новшества и научное изучение буддизма	178
Заключение	190
Глава 5. Имперские ученые и национальные движения среди нацменьшинств накануне революций 1917 года	193
Превращение «туземных информантов» в ученых: происхождение национально мыслящей «туземной» интеллигенции	198
Революция 1905 года – переломный момент	210
Новые планы после 1905 года	221
Заключение	236
Глава 6. Как национальные меньшинства воображались нациями в 1920-х годах	239
Буряты	250
Кавказ	261
Средняя Азия	274
Местная перспектива	290
Заключение	295
Библиография	306
Архивные материалы	306
Избранные опубликованные первоисточники (периодические издания)	307
Опубликованные сборники документов, книги, статьи и отчеты	308
Избранные научные публикации	314

Вера Тольц

«СОБСТВЕННЫЙ ВОСТОК РОССИИ»

**Политика идентичности и востоковедение
в позднеимперский и раннесоветский период**

Дизайнер обложки

С. Тихонов

Редактор

К. Иванов

Корректор

О. Семченко

Компьютерная верстка

В. Фролова

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

**ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»**

Адрес издательства:

129626, Москва,

абонентский ящик 55

Тел./факс: (495) 229- 91-03

e-mail: real@nlo.magazine.ru

Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.

Печ. л. 21. Тираж 1000. Заказ № 150

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Новое
Литературное
Обозрение

Книга Веры Тольц посвящена деятельности российских востоковедов, которые на рубеже XIX—XX веков выступили с критикой преобладавших в то время подходов к изучению культур Востока. Выводы этих ученых предвосхитили постколониальный подход, ставший особенно влиятельным в западной науке начиная с конца 1970-х годов. В тот период ряд политических, социальных и культурных факторов создали в России условия для необычайно интенсивного диалога между петербургскими востоковедами и представителями меньшинств восточных и южных окраин Российской империи. Именно в процессе этого диалога были предложены проекты по интеграции меньшинств, оказавшие влияние на политические процессы в России как в преддверии революций 1917 года, так и в первое постреволюционное десятилетие.

ISBN 978-5-444-80058-4

9 785444 800584

И С Т О Р И Я Н А У К И